Учреждение Российской академии наук
Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН

О.А. Александрова

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Москва
2009

book-7_RAN_BLOK.indd 1 02.11.2009 17:34:44

УДК 321:316.42(470)
ББК 66.3(2Рос)+67.0
А46

Рецензенты:
Доктор экономических наук, профессор Е.М.Авраамова
Доктор экономических наук М.М. Малышева

А46 Александрова О.А. Институциональные проблемы становления социального государства в современной России. / М.: М-Студио, 2009. – 288 с.

В работе на основе концептуального подхода, рассматривающего социальное государство в качестве субъекта, чье активное и многообразное влияние определяет благосостояние населения и человеческий потенциал страны, обсуждаются перспективы становления в России полноценного социального государства. Исследуется историко-экономический контекст, сопутствовавший процессу зарождения социальных рыночных экономик, а также экономический и социально-политический механизмы, создающие их финансовую основу. С учетом зарубежного опыта и на основе данных эмпирических исследований проанализирована сложившаяся в России институциональная матрица и показано влияние ее специфики на исполнение государством своих социальных функций, перспективы становления в России экономики знаний, формирование массового среднего класса.

Монография предназначена для научных и практических работников, а также преподавателей и студентов, интересующихся проблематикой, связанной с социальной политикой, факторами экономического роста, социальной стратификацией, системой образования и рынком труда.

Монография подготовлена в рамках работ по Программе ООН РАН «Модернизация и экономическая безопасность Российской Федерации».

УДК 321:316.42(470)
ББК 66.3(2Рос)+67.0

ISBN 978-5-903198-17-7

© Александрова О.А., 2009
© ИСЭПН РАН, 2009
© Оформление. М-Студио, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. Теоретико-методологические основы исследования социального государства 10
1.1. Концептуальные подходы к пониманию социального государства 10
1.2. История становления идейной и институциональной основы социальной рыночной экономики 18

ГЛАВА 2. Экономический фундамент социального государства 83
2.1. Экономический механизм наполнения бюджета 83
2.2. Социально-политическая логика солидарного поведения . . . 100

ГЛАВА 3. Эволюция социальной организации государства 104
3.1. Модели социального государства и последствия их реализации 104
3.2. Государство всеобщего благосостояния: развитие, кризисы 130
3.3. Социальное государство в эпоху глобализации 152

ГЛАВА 4. Контекст становления социального государства в России . . . 165
4.1. Социальное государство в контексте становления рыночных отношений 165
4.2. Социальное государство в условиях «управляемой демократии» 177
4.3. Социальный контракт в постсоветской России 210

ГЛАВА 5. Социальное государство и перспективы развития 221
5.1. Проблемы формирования среднего класса 221
5.2. Социально-экономические аспекты реформы образования 242
5.3. Перспективы становления экономики знаний 260

Заключение 278

Библиография. 280

book-7_RAN_BLOK.indd 3 02.11.2009 17:34:44

ВВЕДЕНИЕ

Конституция РФ (ст. 7) провозглашает Россию социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека...». Однако окружающая действительность позволяет ставить вопрос о соответствии нынешних российских реалий положениям конституционной нормы.

Разумеется, ответ зависит от выбора системы координат, с которой требуется соотноситься. Стране, взявшей курс на модернизацию, естественно ориентироваться на социально-экономические достижения мирового уровня, в данном случае — на развитые страны Запада, сумевшие создать эффективные модели социального государства. Увы, межстрановые сопоставления свидетельствуют о том, что российская действительность далека от того, что есть современное социальное государство.

Нельзя не учитывать и то, что нынешняя Россия движется из социализма — строя, при всех своих недостатках, тем не менее, обеспечивавшего достаточно высокую социальную защищенность, доступность образования и связанную с ним социальную мобильность. Таким образом, имеется и нижняя планка: по прошествии двух десятков лет реформ естественно ожидать большего социального прогресса, нежели ранее.

Появление нормы, декларирующей социальный характер государства, в конституции современной России вполне объяснимо. Во-первых, сегодня подобные положения прямо или косвенно зафиксированы в конституциях многих стран, и подобная формальная запись являлась данью требованиям времени со стороны России, декларировавшей свое намерение «влиться в семью цивилизованных народов». Во-вторых, вынесенная на референдум после трагических событий осени 1993 года Конституция не могла не содержать положений, привлекательных для населения, переживающего шок радикальных реформ. В качестве желанной альтернативы социализму образца 1980-х годов естественно было противопоставлять не дикий капитализм середины XIX — начала XX вв., а такое общество, в котором, с одной стороны, была бы раскрепощена личная инициатива, позволяю-

book-7_RAN_BLOK.indd 4 02.11.2009 17:34:44

щая достигать высокого материального и социального статуса, а с другой — гарантировалось бы качественное соцобеспечение и высокая степень социальной защищенности. Ожидания таких перемен и сформировали в конце 1980-х годов широкую общественную поддержку идеи реформ. В качестве искомого идеала выступала, прежде всего, «шведская модель», которая, будучи самой упоминаемой в СМИ, стала и самой привлекательной в массовом сознании моделью развития.

Однако с началом радикальных реформ интерес к скандинавскому опыту у новой российской власти отпал. Сыгравшая важную роль в пропагандистской подготовке коренных преобразований, шведская модель оказалась практически исключенной из круга обсуждаемых направлений развития российского общества как «неактуальная» и «дискредитированная». «Неактуальность» обосновывалась тяжелым положением российской экономики. Утверждалось, будто бы на Западе сама идея социального государства возникла, была воспринята обществом и принята на вооружение государством потому и тогда, когда достигнутый уровень экономического развития позволил такую роскошь, как возможность задуматься над формированием масштабной системы соцобеспечения (включая экстенсивное развитие системы образования и здравоохранения) и приступить к их реализации. Из этого следовало, что в условиях экономического спада курс российской власти на свертывание социальной сферы — естественный и единственно возможный, и разговор о модели, предусматривающей широкое участие государства, должен быть отложен до лучших времен. Что же касается «дискредитированности» шведского и подобного пути, то утверждалось, будто бы реальный опыт стран, реализующих такую или близкие модели социального государства, уже продемонстрировал свою экономическую неэффективность, в силу чего и его идеология, и практика повсеместно подвергаются серьезной критике и решительному пересмотру. Соответственно, объявлялось рациональным и логичным стремление и российского государства сбросить со своих плеч препятствующее экономическому росту социальное бремя.

При этом иная информация — о том, что первое из утверждений не соответствует действительности, а второе не подкрепляется однозначными доказательствами и скорее опровергается (страны, реализующие универсальную модель социального государства, регулярно

book-7_RAN_BLOK.indd 5 02.11.2009 17:34:44

входят в первую десятку рейтинга конкурентоспособности национальных экономик), — практически не доводилась. Совокупность действовавших в начале 1990-х годов факторов, включая и специфику освещения этих вопросов, способствовала формированию в России нынешней модели социального устройства, и этот, сделанный в момент важной исторической развилки, выбор в силу логики институциональных изменений имеет свои долгосрочные последствия.

Результатами избранной в 1990-х годах социально-экономической политики стали резкое снижение уровня жизни большинства населения; существенная деградация отраслей социальной сферы; нарастание социальной поляризации и межрегиональной дифференциации и, в конечном итоге, ухудшение человеческого потенциала, определяющего долгосрочные перспективы развития страны.

Однако и в 2000-е годы, когда у государства появились значительные финансовые ресурсы и наблюдался экономический рост, уровень социальной защищенности населения, поддержки со стороны государства сфер, в которых формируется человеческий потенциал, принципиально не улучшился. Напротив — все большее социальное бремя переносилось на плечи граждан. В результате и на фоне экономического роста социальная структура российского общества так и не приблизилась к западным образцам, а межрегиональная и субрегиональная дифференциация усилилась. Это позволяет говорить о наличии глубинных причин, не позволяющих российскому государству превратиться в действительно социальное.

Усугубление социальных контрастов на фоне баснословных нефтяных цен вызвало в преддверии кульминации политического цикла (парламентских и президентских выборов 2007–08 гг.) дискуссию о качестве сложившейся социальной реальности и напомнило о конституционной норме, провозглашающей Россию социальным государством. При этом обнаружилась живучесть заблуждений и мифов, касающихся того, в каких условиях страны Запада приступали к строительству социального государства; как соотносятся социальные расходы и экономический рост, является ли последний достаточным условием для преодоления социальной поляризации; как скоро приметы социального государства могут стать зримыми и т.д.

Начавшийся осенью 2008 года мировой экономический кризис способен весьма серьезно сказаться на социально-экономическом

book-7_RAN_BLOK.indd 6 02.11.2009 17:34:44

положении России — в силу особенностей предшествующего кризису развития. Уже наблюдаются рост безработицы, падение производства, бюджетный дефицит и привлечение внешних займов для его покрытия — и это в условиях и без того низкого уровня жизни большинства россиян и плачевного состояния систем жизнеобеспечения населения. Все это уже на новом витке — с изменившимися ресурсами и представлениями — возвращает общество и властные институты к вопросу о выборе адекватной модели социально-экономического развития и возможностях ее реализации.

В данной работе предпринята попытка проанализировать складывающуюся в России институциональную матрицу на предмет выявления факторов, в силу которых социальное государство в том смысле, в каком оно понимается и реализуется в развитых странах, остается скорее абстракцией, и на этой основе оценить перспективы становления в России полноценного социального государства. С этой целью в монографии, во-первых, исследован контекст, сопутствовавший процессу зарождения социальных государств, и факторы, оказавшие на него наибольшее влияние. Во-вторых, проанализирована экономическая основа социального государства, в том числе показана диалектическая связь экономического роста и социального развития; прояснены основания выбора системы налогообложения и выявлены институциональные основы солидарного и добросовестного поведения граждан в налоговой сфере. В-третьих, исследованы особенности функционирования двух базовых моделей социального государства — селективной и универсальной, а также долгосрочные последствия выбора и реализации той или иной модели. В-четвертых, проанализирована реакция различных стран на кризисы социального государства, и прояснены факторы, обусловливающие доминирующую реакцию. Кроме того, проанализированы современные вызовы социальной рыночной экономике, и в первую очередь — влияние глобализации на функционирование состоявшихся и потенциальных социальных государств.

В части монографии, посвященной непосредственно России, проанализирована каждая из составляющих сложившейся институциональной матрицы (социально-экономическая, социально-политическая и социокультурная) с выяснением факторов, обусловивших их специфику, и показано значение последней для перспектив станов-

book-7_RAN_BLOK.indd 7 02.11.2009 17:34:44

ления полноценного социального государства. В том числе на основе исследований, касающихся социальной стратификации, доступности высшего образования, трудовой мобильности выпускников вузов, проанализировано влияние сложившегося институционального контекста и обусловленной им специфики реализации государством социальных функций на перспективы становления в России экономики знаний и формирования массового среднего класса.

Следует отметить, что в отечественном и, особенно, зарубежном обществоведении представлен широкий круг работ, связанных как с идейно-теоретическим фундаментом и институциональным анализом социального государства, так и с критическим разбором его практической реализации. Большой опыт накоплен и в части исследований, связанных с изучением и осмыслением проблем трансформации российского общества: социально-экономической адаптацией, формированием новой социальной структуры, измерением неравенства и бедности, формулированием подходов к разработке эффективной социальной политики. В то же время нельзя не заметить, что в силу переходности процессов, связанных с социально-экономическим переустройством, нерешенности многих вопросов принципиального характера как в теоретико-методологическом плане, так и в практической плоскости, тема перспективы становления в России социального государства — поставлена ли она непосредственно либо затрагивается опосредованно в рамках обсуждения самого широкого круга вопросов — неизменно вызывает серьезное столкновение мнений, примером чему может служить недавняя дискуссия авторитетных российских экспертов о «коридорах возможностей» для эффективной социальной политики[1].

Работа над монографией потребовала привлечения разнообразной информации, которая наряду с данными официальной статистики российского и зарубежных статистических агентств и международных организаций, крупных российских исследовательских центров включала нормативные документы и аналитические материалы, касающиеся бюджетно-налоговой сферы, социального обеспечения, реформы образования, промышленной политики. Важной составляющей эмпирической базы стали материалы исследований, касающихся

[1] В журнале «Общественные науки и современность» в 2006–07 гг.

book-7_RAN_BLOK.indd 8 02.11.2009 17:34:44

социально-экономической адаптации населения, системы образования, рынка труда, социальной структуры, регионального развития, проведенных в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН при непосредственном участии автора, в том числе: мониторинг адаптации населения (проект «Адаптация населения к изменяющимся социально-экономическим условиям», 1996–2007 гг.); опрос студентов старших курсов (проект «Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики», 2003 г.); опрос выпускников вузов (проект «Поведение молодых образованных россиян на современном рынке труда», 2005 г.); опрос руководителей предприятий, ассоциаций работодателей и органов управления образованием (проект «Перспективы частно-государственного партнерства в сфере образования», 2008 г.); опрос руководства органов местного самоуправления, предприятий и населения (проект «Контуры социальной политики в условиях субрегиональной дифференциации и реформы местного самоуправления», 2006–07 гг.); контент-анализ материалов прессы за 1989–2000 годы (проект «Идейный контекст становления российского среднего класса», 1998–2000 гг.); опрос представителей потенциального среднего класса (проект «Социально-экономические интересы и ориентации формирующегося среднего класса» (2001 г.).

Пользуясь случаем, автор выражает свою признательность людям, интеллектуальный потенциал и товарищеская поддержка которых содействовали его научному росту и реализации научных интересов. В первую очередь это относится к Е.М. Авраамовой, чья приверженность неангажированной, объективистской исследовательской позиции вызывает глубокое уважение и наряду с ее способностью тонко чувствовать социальную ткань создает в коллективе атмосферу настоящего научного творчества. Автор глубоко благодарен Н.М. Римашевской, нашедшей время для знакомства с его работой и высказавшей замечания и предложения, имеющие несомненную ценность, а также В.М. Жеребину, научную и человеческую созвучность с которым автор ощущает и ценит. Нельзя не отметить отношения сотрудничества и взаимопомощи, сложившиеся у автора с коллегами — В.Н. Титовым, Е.В. Кулагиной, В.Б. Тореевым, Д.М. Логиновым, Т.Н. Волошиной, которые силой присущего каждому из них научного и человеческого таланта поддерживали автора.

book-7_RAN_BLOK.indd 9 02.11.2009 17:34:44

ГЛАВА 1.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

1.1. Концептуальные подходы к пониманию социального государства

Понятийный аппарат в виде набора дефиниций, относящихся к концепту «социальное государство», можно найти как в правовых нормативных документах — в силу закрепления социальной сущности государства в конституциях многих стран, так и в научном дискурсе. Конституционные положения содержат разного рода указания, например, «подчинение деятельности государства принципу социальности — обязанность правительства осуществлять политику, направленную на обеспечение достойного человека уровня жизни, удовлетворение основных жизненных потребностей всех социальных групп» (Конституция ФРГ), или императивы, например, «Республика признает и гарантирует неотъемлемые права человека... и требует выполнения непреложных обязанностей, вытекающих из политической, экономической и социальной солидарности» (Конституция Италии) и т.д.

В научной литературе также имеется набор дефиниций, но даже в продвинутом в изучении данной тематики западном обществоведении возникают затруднения с нахождением емкого универсального определения, способного раскрыть глубинную суть данного феномена. Как отмечает автор одной из наиболее популярных классификаций моделей социальных государств Г. Эспин-Андерсен, «трудно найти краткое определение социального государства»[2].

Например, такой авторитет в области изучения социальной политики, как Р. Титмус, определяет его как «совокупность мер, реализуемых обществом для того, чтобы справиться со своими социаль-

[2] Esping-Andersen G., Social Class, Social Democracy and State Policy. Copenhagen. 1980, p. 16.

book-7_RAN_BLOK.indd 10 02.11.2009 17:34:45

ными проблемами»[3]. Но такое определение в свою очередь требует дальнейшего пояснения: какие именно социальные проблемы имеются в виду? Кроме того, меры, реализуемые обществом, в принципе включают в себя не только государственные социальные программы, но и частную благотворительность.

Другие авторы, давая определение социальному государству, исходят из имеющейся статистики, например, определяют его как практику государства направлять на социальное обеспечение как минимум 8–10% ВВП. Но такое определение опять же избегает вопроса о том, что есть соцобеспечение и каков характер расходования указанных средств. В этом случае социальным обеспечением оказывается все то, что поименовано таким образом официальной статистикой. Но и с этим также возникают серьезные проблемы, поскольку если взять сравнительные исследования, то окажется, что одни страны включают в статью «социальное обеспечение» расходы на образование и здравоохранение, или программы, связанные с политикой государства на рынке труда, а другие — нет.

В этой ситуации представляется верным замечание Эспин-Андерсена о том, что более плодотворный способ справиться с проблемой определения, что есть социальное государство, — это поставить социальные расходы в контекст государственной политики в целом. Важный шаг в этом направлении был сделан Дж. О'Коннором[4], который в своей теории фискального кризиса государства исходит из того, что любое государство при капиталистическом строе должно одновременно исполнять две функции: 1) стимулирования накопления капитала и 2) легитимации сложившегося социального порядка.

Первая функция связана с тем, что государству, чье функционирование зависит от налогов, требуется постоянный экономический рост. В силу этого государство должно постоянно содействовать аккумулированию капитала, для чего принимать на себя часть издержек частного производства (например, связанных с содержанием инфраструктуры, финансированием фундаментальной науки и т.п.).

Вторая функция, называемая О'Коннором «легитимирующей», связана с задачей поддержания социального порядка и готовности

[3] Titmuss R. M. The Welfare State: Images and Realities // Social Service Review. 1963. Vol. 37. p. 6.

[4] O'Connor J., The Fiscal Crisis of the State. N.Y., 1973.

book-7_RAN_BLOK.indd 11 02.11.2009 17:34:45

общества принять как систему в целом, так и роль государства в субсидировании частного накопления капитала. Государственные расходы на социальное обеспечение и социальную защиту, включая политику полной занятости, жилищную политику и другие меры, связанные с общественным потреблением и перераспределением доходов, — как раз и есть то самое, что легитимирует в глазах общества исполнение государством его первой функции.

Преимущество теории О'Коннора состоит в том, что в отличие от иных подходов, рассматривающих социальное обеспечение узко — как ответственность государства за социальное воспроизводство индивидов и домохозяйств, предлагаемый им ракурс позволяет увидеть в государстве субъекта, активно влияющего на воспроизводство социальной структуры в целом, а в социальном обеспечении — один из элементов воспроизводства данного социального порядка. В этом случае оказывается невозможным изучать отдельные государственные социальные программы, не исследуя роль всей государственной системы.

Действительно, государство может влиять на благосостояние граждан и развитие человеческого потенциала путем активного и многообразного вмешательства в различные сферы.

Во-первых, оно может вмешиваться в сферу потребления, и постепенный сдвиг в направлении общественного потребления товаров и услуг, жизненно важных для благополучия людей, таких как здравоохранение, образование, инфраструктура отдыха, учреждения культуры (библиотеки и т.п.), был очень важной формой социального обеспечения.

Во-вторых, государство вмешивается в сферу перераспределения доходов, без чего невозможно финансирование государством коллективного потребления социальных благ, а также индивидуальных выплат в виде пенсий по старости, пособий по безработице, жилищных субсидий и т.д.

В-третьих, государство может вмешиваться в сферу производственных отношений через реализацию политики регионального развития, управление находящимися в государственной собственности предприятиями (в том числе предприятиями коммунальной сферы и инфраструктурой), через политику государства в сфере сбережений и инвестиций.

book-7_RAN_BLOK.indd 12 02.11.2009 17:34:45

book-7_RAN_BLOK.indd 13

Таблица 1

Структура расходов государственного бюджета расширенного правительства в 2003 году (% от ВВП)

	Франция	Германия	Италия	Норвегия	Швеция	Велико-британия	Канада	США
Функциональная классификация								
Традиционные функции	**7,4**	**5,9**	**6,9**	**7,1**	**9,2**	**6,8**	**5,0**	**8,3**
Общегосударственные вопросы	4,0	3,1	3,6	3,5	5,6	2,2	2,0	2,2
Правоохранительная деятельность и обеспечение безопасности	1,0	1,6	2,0	1,1	1,4	2,1	1,9	2,1
Национальная оборона	2,4	1,2	1,3	2,0	2,2	2,5	1,1	4,0
Современные функции	**36,8**	**35,2**	**31,5**	**33,4**	**40,0**	**28,1**	**27,1**	**21,6**
Здравоохранение	8,4	6,5	6,5	7,8	6,8	6,4	7,4	7,2
Образование	6,0	4,1	5,0	6,2	7,3	5,0	5,6	6,2
Социальная политика	20,6	22,7	18,4	17,9	23,8	15,7	12,3	7,2
Туризм, культура и религия	0,8	0,7	0,9	1,1	1,1	0,5	1,0	0,3
Жилищно-коммунальное хозяйство	1,0	1,2	0,7	0,4	1,0	0,5	0,8	0,7
Экономическая инфраструктура	**6,0**	**4,5**	**4,6**	**5,4**	**4,8**	**3,0**	**4,2**	**3.7**
Экономические вопросы	4,8	3,9	3,8	4,8	4,5	2,4	3,6	3,7
Защита окружающей среды	1,2	0,6	0,8	0,6	0,3	0,6	0,6	н.д.
Процентные платежи	**3,2**	**3,1**	**5,3**	**1,9**	**3,2**	**2,0**	**3,9**	**2,7**
Расходы всего	**53,4**	**48,7**	**48,3**	**47,8**	**57,2**	**39,9**	**40,2**	**36,3**

Источник: Peter S. Heller, David Haunter., Characterizing the Expenditure Uncertainties of Industrial Countries in the 21st Century. IMF. Working Paper WP/05/91, p. 22.

02.11.2009 17:34:45

Очевидно, что на благосостояние отдельных граждан воздействуют все эти виды государственного вмешательства. И также очевидно, что направленность и масштаб подобного государственного вмешательства возможны лишь при условии достижения в рамках капиталистической системы фундаментального социального компромисса, в основе которого лежит готовность труда и капитала искать и находить баланс интересов ради общих долгосрочных целей. Ниже будет прослежена приведшая к достижению подобного компромисса эволюция общественного сознания, в том числе проанализирован историко-культурный контекст, в котором шло осознание западным обществом причин социального несовершенства и выработка решений для его минимизации и преодоления.

Проиллюстрируем сказанное статистикой и обратимся к данным, касающимся структуры государственных расходов в развитых странах Запада (таблица 1 и 3). При этом обратим внимание на принятое разделение на расходы, идущие на осуществление государством своих извечных, *традиционных* функций (управление, оборона и охрана

Таблица 2

Структура расходов государственного бюджета РФ на 2006 год (%)

	Федеральный бюджет	**Бюджеты территорий**	**Консолидированный бюджет**
Всего расходов	100,0	100,0	100,0
Традиционные функции	**49**	**13**	**33**
Общегосударственные вопросы	17	9	13
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	14	5	10
Национальная оборона	18	0	10
Современные функции	**16**	**53**	**33**
Здравоохранение и спорт	4	15	9
Образование	5	22	13
Культура, кинематография, СМИ	1	3	2
Социальная политика	6	13	9
Межбюджетные трансферты	**24**	**–**	**13**

Источник: Рогов С.М. Государство и общественное благо: мировые тенденции и российский путь М.: Ин-т США и Канады РАН, 2005.

book-7_RAN_BLOK.indd 14 02.11.2009 17:34:45

Таблица 3

Структура государственных расходов ведущих стран мира в 2004 году (% от ВВП)

	Расходы на здравоохранение	Расходы на образование	Расходы на оборону	Выплаты пенсий	Обслуживание государственного долга*
Бразилия	3,4	4,0	1,4	9,8	11,4
Канада	6,9	5,2	1,2	5,4	2,5
Китай	2,0	н.д.	1,9	2,7	2,4
Франция	7,7	5,6	2,5	13,4	0,2
Германия	8,7	4,8	1,4	12,1	2,7
Индия	1,2	4,1	2,3	н.д.	2,6
Италия	6,3	4,7	1,9	17,6	5,3
Япония	6,4	3,6	1,0	6,9	1,5
Мексика	2,9	5,3	0,4	7,8	6,8
Россия	**3,3**	**3,8**	**3,9**	**5,8**	**4,1**
Великобритания	6,9	5,3	2,6	10,3	1,5
США	6,8	5,7	4,0	7,5	1,8
Развитые государства	6,7	5,6	2,6	н.д.	н.д.

* – данные представлены на 2002 год.

Источник: World Development Indicators 2006, http//devdata.worldbank.org/wdi2006/contents/cover.htm.

правопорядка), и на реализацию *современных* функций государства (образование, здравоохранение, социальная политика и т.п.). С сопоставительными целями приведены и данные, касающиеся структуры расходов российского бюджета[5] и их доли в ВВП (таблицы 2 и 3).

[5] При рассмотрении таблицы 2 следует иметь в виду разнонаправленность двух происходящих в последнее время процессов: с одной стороны, все большую централизацию доходов на федеральном уровне за счет передачи центру наиболее собираемых налогов и в целом большей доли всех налоговых доходов, а с другой стороны — возложение на регионы и местное самоуправление все большего объема расходных обязательств в рамках процесса перераспределения полномочий между уровнями власти.

book-7_RAN_BLOK.indd 15 02.11.2009 17:34:45

Как следует из представленных данных, российские реалии далеки от того, что есть современное социальное государство. Более того, по удельному весу социальных расходов Россия уступает и стране, наследницей которой она является (таблица 4).

Забегая вперед, обратим внимание: далее будет довольно подробно говориться о национальном своеобразии современных социальных государств, о моделях социальной политики, имеющих весьма существенные отличия, о разнице в социальных расходах. И, тем не менее, необходимо все время иметь в виду, что при всех этих отличиях масштаб участия современных социальных государств в социальном обеспечении граждан, объем направляемых в социальную сферу средств остаются в целом очень высокими (таблица 5). Таким образом, когда при обсуждении моделей социальной политики или реакции разных стран на вызовы социальному государству вслед за западными авторами говорится о низких социальных расходах, необходимо помнить, что низкими они являются лишь по сравнению с другими странами развитого мира. То же относится к рассуждениям об усилении неравенства в те или иные периоды существования современных социальных государств: степень этого неравенства не идет ни в какое сравнение с той степенью социальной дифференциации, что наблюдается в современной России.

Таблица 4

Государственные расходы в развитых странах Запада и СССР (% от ВВП)

	Запад		СССР	
	1950 год	1990 год	1950 год	1990 год
Государственные расходы	25,4	38,2	54,4	45,5
Общее управление	1,3	2,4	3,4	2,3
Оборона	8,5	4,9	13,6	17,3
Охрана правопорядка	0,9	1,9	2,7	1,8
Социальные расходы (всего)	11,1	23,0	25,9	17,5
Образование	3,3	6,5	12,9	8,8
Здравоохранение	1,8	3,3	4,8	3,3
Пенсии и пособия	6,0	3,3	8,2	5,4
Прочие расходы	3,7	5,9	8,8	6,7

Источник: Россия и мир. М.: ИМЭМО, 2002.

book-7_RAN_BLOK.indd 16 02.11.2009 17:34:45

book-7_RAN_BLOK.indd 17

Таблица 5

Государственные и частные социальные расходы в конце XX века (% от ВВП)

	Швеция	Дания	Финляндия	Норвегия	Германия	Италия	Велико-британия	Канада	США	Япония
Все государственные социальные расходы	31,8	30,7	28,7	26,1	26,4	26,4	21,2	17,9	14,7	14,0
Пенсии (по возрасту и за утрату кормильца)	8,4	7,0	8,5	5,9	10,9	15,8	7,0	5,6	6,0	6,4
Пособия инвалидам	2,5	2,0	3,4	2,6	1,4	1,4	2,6	0,9	0,9	0,5
Пособия по болезни	0,9	0,7	0,4	1,3	0,3	0,7	0,2	0,1	0,2	0,1
Пособия по безработице	2,1	3,8	3,1	0,7	1,5	0,8	0,6	1,0	0,3	0,5
Государственные расходы на здравоохранение	6,8	6,8	6,0	6,7	8,2	5,6	5,6	6,3	5,9	5,6
Прочие расходы	11,0	10,4	13,3	8,9	4,1	2,0	5,2	4,0	14	1,0
Все обязательные частные социальные расходы	0,4	0,4	0,1	1,1	1,2	1,3	0,4	0,0	0,4	0,5
Все добровольные частные социальные расходы	2,6	0,9	1,1	0,0	1,0	0,1	3,4	4,2	7,8	0,4
Пенсии	2,1	0,8	0,9	0,0	0,9	0,0	3,1	3,1	3,6	0,4
Здравоохранение	0,1	0,1	0,2	–	0,1	0,1	0,2	1,1	4,2	–
Прочие расходы	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Все социальные расходы	34,8	32,0	30,0	27,2	28,6	27,8	24,9	22,1	22,9	14,9
Доля государственных расходов в валовых социальных расходах, %	91,4	96,0	95,8	96,1	92,3	94,8	85,0	81,1	64,3	94,0
Доля частных расходов в валовых социальных расходах	8,6	4,0	4,2	3,9	7,7	5,2	15,0	18,9	35,7	6,0

Источник: Рогов С.М. Функции современного государства: Росиия и мировой опыт. Тезисы доклада. – www.iskran.ru/dacs/rogov_twzis.pdf.

02.11.2009 17:34:45

1.2. История становления идейной и институциональной основы социальной рыночной экономики

Процесс вызревания системы взглядов, а следом и институтов, позволивших в конце концов создать то, что называется современным социальным государством, рассмотрим относительно подробно на примере Великобритании — родины передовой экономической мысли, а затем, уже более кратко, проследим за историей становления социальных государств в США, Швеции и Германии. Выбор для детального анализа именно этих стран продиктован следующими соображениями.

Шведский опыт интересен, кроме прочего, тем, что информация о социальных достижениях именно скандинавских стран сыграла важную мобилизующую роль на переломном этапе новейшей российской истории. Проникая во второй половине 1980-х годов в советские СМИ, позитивная информация о «шведской модели», сочетающей рыночные принципы организации хозяйства и активную социальную политику, все более овладевала массовым сознанием. Как вспоминает посол СССР в Швеции Б. Панкин, в 1987 году в необыкновенно тогда популярном и имевшем миллионные тиражи еженедельнике «Московские новости» он опубликовал маленькое эссе под названием «Время и бремя посягать», в котором призвал к изучению «шведской модели» и признанию того факта, что в рамках «третьего пути» — социальной рыночной экономики — достигнуты значительные успехи. И уже через два месяца, во время официального визита в Швецию председателя советского правительства Н. Рыжкова, его шведский коллега И. Карлссон предложил учредить шведско-советский «круглый стол» для изучения шведского опыта, положивший начало череде визитов в Стокгольм министров, академиков, депутатов. В результате с трибуны первого демократически избранного советского парламента (1989 г.) побывавший в Швеции знаменитый советский писатель Ч. Айтматов на весь Советский Союз заявил: «Пока мы тут с вами спорим, какой социализм нам нужен и нужен ли, шведы давно уже его построили, да такой, что пальчики оближешь»[6]. Чтобы оценить степень воздействия подобных высказываний авторитетных персон на массовое сознание, следует иметь в виду тот чрезвычайный интерес, с которым вся страна,

[6] Панкин Б. Шведский дом и его обитатели. М., 2003. С. 6.

book-7_RAN_BLOK.indd 18 02.11.2009 17:34:45

не отрываясь, наблюдала за небывалым до тех пор явлением — прямой трансляцией острейших парламентских дебатов. Так шведская, или, обобщенно, скандинавская модель стала одной из самых упоминаемых в годы горбачевской перестройки и самой привлекательной в массовом сознании моделью социально-экономического развития — даже возникла популярная шутка, предлагавшая в качестве способа быстрого обретения желанного общественного устройства «объявить войну Швеции и сдаться». Правда, с распадом СССР и началом в 1992 году радикальных реформ интерес к опыту шведской социал-демократии у новой российской власти отпал — вплоть до того, что, как вспоминает посол Б. Панкин, первый вице-премьер российского правительства Г. Бурбулис, прибывший в 1992 году с визитом в Швецию, всерьез размышлял, к лицу ли ему встречаться с экс-премьером И. Карлссоном — лидером социал-демократов, ставших на время парламентской оппозицией[7]. «Шведскую модель» объявили «неактуальной» и «дискредитированной» и практически исключили из круга обсуждаемых направлений развития российского общества.

Что касается опыта послевоенной Германии, сумевшей в небывало короткие сроки превратиться из разрушенной страны в лидера мировой экономики и социального развития, то он также интересен, в том числе, в силу мобилизующего характера частых упоминаний о нем в СМИ в преддверии радикальных реформ (на этот период приходится и издание книги Л. Эрхарда «Благосостояние для всех»). У советских граждан, расценивавших положение в стране в конце 1980-х как «разруху», так называемое «немецкое экономическое чудо» формировало оптимистичные ожидания в отношении реформ и, соответственно, поддержку в части необходимости их проведения.

Опыт Великобритании и США интересен, кроме прочего, тем, что именно в них в 1970–80-х годах была предпринята попытка реализации неолиберальных идей, принятых на вооружение российскими радикальными реформаторами в начале 1990-х.

Кроме того, Швеция, Германия и США представляют собой примеры трех моделей социального государства (социал-демократическую, корпоративистскую (или западноевропейскую) и либеральную).

[7] Притом, что шведские социал-демократы с 30-х годов XX века 44 года бессменно находилась у власти в условиях реальной политической конкуренции и вскоре вновь заняли правительственные кабинеты.

book-7_RAN_BLOK.indd 19 02.11.2009 17:34:45

Великобритания же сочетает в себе черты сразу двух моделей (либеральной и социал-демократической).

Отправной точкой для рассмотрения интересующей нас эволюции социальной философии и институтов принята середина XIX века, поскольку современной России, вновь вступившей на путь капиталистического развития в последнее десятилетие XX века, приходится проходить в чем-то подобный путь. Причем вопрос в связи с этим заключается даже не в том, какой временной отрезок потребуется российскому обществу на преодоление этого пути, а в том, движется ли оно в верном направлении. Нынешнее его положение весьма напоминает то, в каком А. де Токвиль видел своих французских сограждан: «отказавшись от всего того блага, которое могло содержаться в старом общественном устройстве, и, не приобретя ничего полезного из того, что можно было бы получить в их нынешнем положении, любуясь собой, остановились посреди руин старого режима, и, видимо, желают остаться здесь навсегда»[8]. Увы, мировой опыт дает многочисленные примеры векового существования неэффективных социально-экономических систем: так, Д.Норт в конце XX века в качестве иллюстрации последствий «институциональной недостаточности»[9] берет все ту же пару США–Мексика, что и Токвиль полтора столетия назад. Кроме того, и в современном западном обществе время от времени наступают периоды, когда начинают слышаться отголоски идей давно ушедших эпох. Тем более их можно встретить в российском дискурсе периода первоначального накопления капитала, не закончившегося и сегодня.

Принятие государством на себя серьезного объема социальных обязанностей — явление по историческим часам совсем недавнее (таблица 6). То же относится и к социальным правам, кажущимся сегодня жителям развитых стран само собой разумеющимися, например, наличию законодательно устанавливаемого и соотнесенного с прожиточным минимумом порога заработной платы, ниже которого работодатель не имеет права платить работнику.

Например, в 1832 году глава комиссии британского парламента по разработке нового закона о бедных Н. Сениор писал лорду-канцлеру

[8] Токвиль А. Демократия в Америке. М., Прогресс, 1992. С. 274.

[9] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.

book-7_RAN_BLOK.indd 20 02.11.2009 17:34:45

Таблица 6

Государственные расходы с 1870 по 2006 годы (% от ВВП)

Страны	1870	1913	1937	1960	1980	1990	2000	2006
Скандинавская модель								
Норвегия	5,9	9,3	13,7	29,9	48,3	51,3	42,7	41,8
Швеция	5,7	10,4	10,4	31,0	61,6	60,8	56,8	56,7
Западноевропейская модель								
Бельгия	Н.д.	13,8	21,8	30,3	50,7	54,6	49,1	49,9
Франция	12,6	17,0	29,0	34,6	46,1	49,9	51,6	54,5
Германия	Н.д.	14,8	42,4	32,4	48,3	45,7	45,1	46,1
Италия	11,9	11,1	24,5	30,1	41,9	53,8	46,1	47,8
Нидерланды	9,1	9,0	19,0	33,7	57,5	57,5	43,7	46,5
Великобритания	9,4	12,7	30,0	32,2	44,9	42,3	37,5	45,6
Американская модель								
Австралия	18,3	26,5	Н.д.	21,2	34,0	37,7	34,8	34,8
США	7,3	7,5	8,6	27,0	33,7	34,8	34,2	36,6
Япония	Н.д.	8,3	25,4	17,5	32,6	31,9	39,2	36,7

Источник: Tanzi V. and Schuknecht L. The Growth of Government and Reform of the State in Industrial Countries. IMF. Wash. 1995 Economic Outlook.

Врохэму о «чудовищных новых идеях», заключающихся в том, что работники считают заработную плату, обеспечивающую необходимый для жизни минимум, вопросом не контракта, а права, и о том, что «эти чудовищные и анархические идеи поддерживаются не только самими бунтовщиками, но и фермерами, духовенством, магистратурами — короче, всем невежеством и убогостью в стране»[10].

Действительно, передовая экономическая мысль того периода базировалась на доктрине Адама Смита о laissez-faire и беспрепятственном действии сил рынка[11]. Согласно ей, рынок труда также должен быть свободен от какого-либо вмешательства, и цена труда как рыночного товара, должна определяться простыми законами спроса и предложения то есть зависеть не от желаний и ожиданий работника, а от того, что готов платить работодатель.

[10] Jones K. The making of social policy in Britain 1830–1990. L.: The Athlone Press, 1994, P. 7–8.

[11] Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М., Соцэкгиз, 1962.

book-7_RAN_BLOK.indd 21 02.11.2009 17:34:46

Эта доктрина подкреплялась мальтузианскими идеями о природе бедности («из объективных законов природы следует, что некоторые человеческие существа должны страдать от нужды — в великой лотерее жизни эти несчастные вытянули несчастливый билет») и негативном воздействии пособий по бедности («безответственно размножаясь, бедные сами усугубляют условия своей жизни, а пособие по бедности лишь поощряет их безответственность»)[12].

С Мальтусом тесно сотрудничал экономист и член парламента Д.Риккардо, который, приветствуя сделанный Мальтусом анализ, перевел его в экономическую форму — «железный закон заработной платы». Логика Рикардо была следующей: если предложение труда меньше, чем спрос, заработная плата растет; если предложение труда превышает спрос, зарплата падает. В то же время предложение труда зависит от числа детей, достигших трудоспособного возраста: если семья работника страдает от голода, дети умрут прежде, чем станут рабочей силой — следовательно, заработная плата будет расти; но когда зарплата вырастет, большее число детей сумеет выжить и пополнить рабочую силу, это снизит заработную плату и вновь поставит работников на грань голодания. Отсюда вывод: «Как любой другой контракт, заработная плата должна быть предоставлена справедливой и свободной игре рыночных сил и никогда не должна контролироваться посредством закона. Пособие по бедности находится в прямом противоречии с этими очевидными принципами. Соответственно, достичь более крепкого и здорового состояния мы сможем, сжимая сферу действия закона о бедных и внушая бедным, что они должны ориентироваться не на систематическую или случайную помощь, а на собственные усилия»[13].

Учитывая морализаторский пафос этого, по нынешним представлениям, прямо скажем, живодерского экономического рецепта, необходимо вспомнить, какие социальные группы в этот период массово переходили в разряд бедных, — с тем, чтобы в полной мере оценить дальнейшую эволюцию общественных представлений о социальной справедливости и обеспечивающем ее общественном

---

[12] Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. – М.: Эконов Ключ, 1993. – С. 16–17.

[13] Рикардо Д. Сочинение в пяти томах / Под ред. члена-кор. АН СССР М. Смит. М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 1: Начала политической экономии и налогового обложения, С. 52.

book-7_RAN_BLOK.indd 22 02.11.2009 17:34:46

устройстве. Как известно, это были фермеры, их семьи и работники, лишенные средств к существованию в процессе огораживания земель крупными лендлордами. Парламент, в котором до избирательной реформы 1832 года, предоставившей право голоса мелким земельным собственникам и наследственным или пожизненным арендаторам, преобладали крупные землевладельцы, методично штамповал акты, узаконивавшие огораживания: между 1761 и 1844 гг. было издано около 4000 парламентских актов, узаконивших изъятие у бывших владельцев и пользователей около 6 млн. акров земли[14]. При этом у абсолютного большинства изгоняемых не имелось средств на судебную апелляцию, активный же протест расценивался магистратурами как уголовное преступление. Должно было пройти более века, полного социальных катаклизмов, чтобы то же самое общество пришло к принципиально иному отношению к «великой лотерее жизни»: граждане не должны быть оставлены на произвол судьбы — государство обязано создавать социальные механизмы, подстраховывающие их «от колыбели до могилы»[15].

Тема жизненной лотереи и справедливого социального устройства вновь возникла в странах Запада в начале 1970-х годов в рамках ренессанса социальных наук, вызванного так называемым первым кризисом социального государства. Начало крупным дебатам о природе социальной справедливости положила опубликованная в 1971 году и ставшая знаменитой книга Джона Роулза «Теория справедливости»[16]. В своем труде Роулз на основе умозрительных построений попытался определить, какой договор относительно принципов организации общества и, в первую очередь, главного вопроса — о распределении социальных благ, заключат рациональные индивиды, окажись последние в гипотетической исходной ситуации, в которой они: а) не имеют информации о том, каковы их собственные физические (ум, талант, здоровье, физическая сила), экономические и социальные ресурсы (общественное положение, принадлежность к тому или иному социальному классу), а также о том, каков характер существующего общества; и б) формально и по существу равноправны

[14] Jones K. Op.cit., P. 3.

[15] Именно такой фразой английские газеты в 1942 году передавали суть плана Бевериджа, легшего в основу социального переустройства Великобритании.

[16] Rawls J. A Theory of Justice. Oxford. 1971.

book-7_RAN_BLOK.indd 23 02.11.2009 17:34:46

в принятии решений. Таким образом, разработка модели социального выбора происходила через обращение к специально для этого сконструированной ситуации индивидуального выбора.

Очевидно, что ключевым фактором в данном случае является т.н. «вуаль неведения»: чтобы сформулировать принципы справедливости, необходимо вообразить людей, искусственно лишенных важной и разносторонней информации о них самих. В такой ситуации, утверждает Роулз, участники контракта склонны действовать так, как если бы их враги определяли им место в общественной иерархии, иначе говоря, как если бы им достался самый несчастливый билет в лотерее жизни.

Важно заметить, что Роулз вовсе не рассматривает участников этого умозрительного эксперимента в качестве моралистов, стремящихся к утопическому идеалу. Скорее, это — не лишенные определенной морали (требования морали минимальны, однако, достаточны для того, чтобы принятые участниками договора принципы носили с точки зрения их применения универсальный, то есть, общий для всех характер, и в случае спора выступали в качестве критерия окончательного решения) и чувства справедливости рациональные эгоисты, сосредоточенные на собственных интересах и целях. И поскольку всегда существует столкновение интересов, необходима некая процедура, позволяющая сбалансировать легитимные конкурирующие интересы и притязания членов общества, и в рамках которой обладающий легитимными притязаниями индивид согласится на установление справедливых институтов и практики.

Основная идея Роулза состоит в том, что справедливость является объектом общественного договора. С помощью такой процедуры поиска решения общественный договор как компромисс позволяет объединить весьма различные индивидуальные интересы и ценности: «Те, кто участвует в социальном сотрудничестве, вместе, в едином совместном действии должны раз и навсегда решить между собой, что справедливо, а что — несправедливо, и определить принципы, касающиеся прав, обязанностей и распределения социальных благ»[17].

Из анализа того, как будут рассуждать индивиды, стремящиеся заключить договор в своих собственных интересах в условиях недос-

[17] Rawls J. Op.cit. P. 136.

book-7_RAN_BLOK.indd 24 02.11.2009 17:34:46

татка информации, Роулз делает два вывода. Первый: каждый человек должен иметь равное право на максимально широкие базовые свободы, совместимые с аналогичными свободами для других. И второй: неравенство в распределении ресурсов может допускаться лишь в той мере, в какой оно способствует улучшению ситуации всех членов общества, включая самых неблагополучных. Таким образом, справедливо, чтобы сильные (вытянувшие счастливый билет с точки зрения обладания физическими и социально-экономическими ресурсами) имели свободу и мотивацию (в виде возможности достижения высоких материально-статусных позиций) реализовывать свои способности, но представление о последствиях для социальной справедливости неограниченной свободы требует увязывания предоставленных возможностей с интересами других индивидов и общества в целом.

Сегодня подобная идейная конструкция — частная инициатива в рамках капиталистического способа производства с социализацией ее плодов через общественное потребление социальных благ — лежит в основе западного социального государства. Однако в середине XIX — начале XX века социальные силы, обладающие политической и экономической властью в условиях набирающего мощь капитализма, не мыслили категориями наподобие «вуали неведения» и, соответственно, не были готовы к подобным социальным компромиссам, ограничениям и ответственности. И потому решения социальных проблем искались в совершенно иной плоскости.

Становление социального государства в Великобритании

Одним из таких решений стало принятие английского закона о бедных (1834 г.), предусматривавшего создание работных домов. И, как указывает К. Джонс, вопрос, почему система, ставшая синонимом антигуманности, была введена политической партией, выступавшей за все, что тогда считалось просвещенным и прогрессивным[18], является одной из загадок британской социальной истории[19].

На самом деле первопричиной был страх политико-экономической элиты перед возможной революцией на фоне ширящихся бес-

[18] Пришедшей к власти на фоне некоторого расширения избирательных прав партии либералов.

[19] Jones K. Op.cit. P. 13.

book-7_RAN_BLOK.indd 25 02.11.2009 17:34:46

порядков[20]. Если же говорить об идейной основе закона, то ею стала новая экономическая философия, основанная на учении Бентама, чьими последователями были глава комиссии, уже знакомый нам Н. Сениор, и взятый по его протекции юрист, в прошлом секретарь Бентама, Э. Чэдвик.

Центральное понятие доктрины Бентама — «арифметика счастья». «Природа, — писал Бентам, — поставила человека под управление двух верховных властителей — страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать»[21]. Соответственно, поскольку стояла задача усмирить работников и заставить работать за любую плату, для строптивых следовало создать неприемлемые условия. Все это вполне соответствовало и мальтузианской теории, утверждавшей, что не следует делать ничего, что улучшало бы жизнь несчастным, вытянувшим в великой лотерее жизни несчастливый билет. В итоге была изобретена система работных домов, куда должны были, покинув свой дом, направляться все, кто нуждался в пособии. Выплаты проживающим в собственных домах отменялись — с тем, чтобы единственной альтернативой самообеспечению было поступление в работный дом. При этом принцип «меньшей приемлемости» провозглашался в выработанных комиссией рекомендациях совершенно открыто: «С тем, чтобы не было стимулов к безделью, условия жизни в работных домах ни в коем случае не должны быть такими же, как у индивида из самого низкого класса, существующего за счет своего труда». Не имевшие средств к существованию должны были жить в общем бараке (комиссия не собиралась тратить средства на возведение помещений для отдельных семей), соответственно, мужчины отделялись от женщин, дети старше 7 лет — от матерей, пожилые — от более молодых родственников, и им могли не

[20] Забастовки, бунты, уничтожение станков происходили как минимум в 80 частях страны; лозунги, которые несли демонстранты в городах, нередко содержали надпись «хлеб или кровь», в сельских районах горели поля, земельные агенты избивались, духовенство третировалось; были разрушены тюрьма в Дерби, замок в Ноттингеме, епископский дворец в Бристоле. Объехавший страну У. Коббет, впоследствии лидер радикального движения, сообщал, что положение дел в расположенных на севере страны основных промышленных центрах «точно такое, какое было во Франции накануне революции» (Jones K. Op.cit. P. 14).

[21] Автономов В.С. и др. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашёвой. М.: Инфра, 2008.

book-7_RAN_BLOK.indd 26 02.11.2009 17:34:46

позволять видеться. Требование «неприемлемой пищи» подкреплялось другими мерами: требованием ношения специальной робы, ужасными условиями погребения и т.д. Условия во всех работных домах должны были быть одинаковыми — с тем, чтобы не было смысла идти в другой округ. В итоге, работные дома стали не только «неприветливым местом здорового обуздания» для «трудоспособных, но бездельничающих», но и кошмаром для каждой семьи из рабочего класса.

Исследователи отмечают, что правительство приняло предложения комиссии неоднозначно, некоторых его членов отталкивала идея насильственного принуждения, но что-то должно было быть сделано для предотвращения революции, и казалось, что новая экономическая философия предлагает выход из кризиса. Однако принцип «меньшей приемлемости» мог бы иметь смысл при наличии достаточного числа рабочих мест и уровне заработной платы не ниже прожиточного минимума — тогда работающие были бы более благополучными, чем те, кто не работал. Но когда зарплата падала до уровня, заставлявшего работающих и их семьи голодать, принцип «меньшей приемлемости» становилось трудно воплотить в жизнь.

Следует заметить, что вызвавший естественный протест в низших слоях населения[22] новый закон о бедных был неоднозначно воспринят и в респектабельной части английского общества[23]. В 1840-х годах движение против закона о бедных слилось с другими радикальными движениями под знаменем чартизма в надежде, что социальная несправедливость может быть преодолена посредством расширения избирательного права, однако потребовалось не одно десятилетие, чтобы цели чартистского движения были в основном достигнуты (законы о парламентской реформе 1867 и 1884 гг.). Причем на расширение политических прав нижних сословий истэблишмент пошел не

[22] В документах того времени содержится множество мрачных параллелей между Французской революцией и ситуацией в Англии: «Не будь letter de cachet, революционная Марсельеза никогда не превратилась бы в гимн возмездия, а Людовик XVI умер бы в своей постели, а не на виселице. Не будь нового закона о бедных, имя чартистов никто бы не услышал, Бирмингем бы не горел и Ньюпорт не покраснел бы от запекшейся крови британцев...» (Jones K. Op.cit. P. 22).

[23] Будущий премьер-министр, а тогда молодой радикал, Б. Дизраэли произнес в Палате общин следующую речь: «Невозможно задумать революцию, сильнее воздействующую на свободных людей... Издав такой закон о бедных, они сделали больше, чем если бы грубо попрали конституцию и закон — они грубо попрали то, что имеет великую важность, — национальный образ жизни (Jones K. Op.cit. P. 22).

book-7_RAN_BLOK.indd 27 02.11.2009 17:34:46

от хорошей жизни: как подчеркивает К. Джонс, «когда английские чартисты в кэбах ехали по Вестминстерскому мосту, чтобы вручить парламенту свои петиции, под которыми можно было обнаружить и подпись английской королевы, другие европейские столицы были в руках революционеров»[24].

В то время как социальные низы искали решение на пути политического переустройства, у власти новый поворот в понимании причин бедности и возможных путей ее преодоления был связан с продвижением знаний в области медицины, науки об инженерных сетях (водопроводе, канализации) и демографической статистике. Входившим в разрабатывающую закон о бедных комиссию медикам удалось, хотя и не сразу, привлечь внимание к тому, что бедность в значительной части случаев порождена болезнью и ранней смертью кормильца, притом что многие из болезней могут быть предотвращены. По итогам инициированного Палатой лордов (1842 г.) первого исследования санитарных условий проживания рабочих был опубликован доклад, который содержал не только цифры, но и впечатляющие сравнения: например, число умерших за год от инфекционных и ревматоидных заболеваний было эквивалентно населению целого округа. Но самым важным продвижением в представлениях о роли государства был завершающий доклад тезис о необходимости отказа от исповедуемой политической элитой философии laissez-faire и перехода к активному государственному вмешательству, поскольку «физическое зло, поражающее здоровье, силу и мораль трудящихся классов, не может быть излечено за счет частных и добровольных усилий»[25].

Однако, хотя картина более здоровой нации как будто бы впечатлила правительство, санитарные меры саботировались, поскольку вступали в противоречие с монопольными интересами частных водных и похоронных компаний, а также с такими разнородными интересами, как интересы собственников доходных домов, обеспокоенных перспективой принуждения к дорогостоящим улучшениям; владельцев загрязняющих среду предприятий; медиков, не желавших исключения причин заболеваний, и, наконец, вообще налогоплательщиков, от которых требовалось оплатить санитарные улучшения. Выступавшая от имени оппозиции нововведениям пресса, в част-

[24] Jones K. Op.cit. P. 24.

[25] Jones K. Op.cit. P. 32.

book-7_RAN_BLOK.indd 28 02.11.2009 17:34:46

ности «Таймс», договорилась до такого пассажа: «Мы предпочитаем иметь шанс подхватить холеру, чем быть насильно затащенными в здоровье»[26]. Местные власти и парламент оказались на стороне этих влиятельных групп. В итоге потребовалось более 20 лет, чтобы вопрос начал двигаться с мертвой точки.

В условиях, когда единственным видом обеспечиваемых государством «социальных услуг» были работные дома, разного рода группы и индивиды пытались справиться с социальным злом на общественных началах в рамках трех движений: филантропии, товарищеской взаимопомощи и самопомощи.

Добровольные филантропические общества стали развиваться с середины XVIII века, при этом многие из филантропов не были ни богачами, ни аристократами, хотя все имели свободное время, не занятое добыванием средств к существованию[27]. К концу 1880-х годов масштаб привлеченных средств был очень большим[28], но в то же время отношение к филантропам было довольно противоречивым: подозревали, что ими движет, прежде всего, страх социального взрыва, а сама филантропия используется как средство социального контроля.

Товарищеская помощь, начавшись спонтанно на местном уровне, привела к развитию разного рода товариществ, профсоюзов, народных банков, жилищных кооперативов и т.п. В конце XVIII века многие из профсоюзов были объявлены вне закона — за выступления против снижения уровня заработной платы. Чтобы отделить воинственные профсоюзы от мирных товариществ, был издан закон, требующий регистрации товариществ и ограничивший рамки их деятельности исключительно формированием из добровольных взносов фонда для взаимной защиты от предсказуемых рисков, приводящих к потере заработка. Впоследствии наиболее жесткие законы против проф-

---

[26] Jones K. Op.cit. P. 39.

[27] И К. Джонс, например, оговаривает, что досуг широко занятых в филантропии женщин — представительниц имущих классов (в 1893 году более полумиллиона женщин были постоянно и полупрофессионально заняты в филантропии, еще 20 тысяч были оплачиваемыми работниками в благотворительных обществах и еще десятки тысяч работали на частичной основе) обеспечивался за счет гораздо большего числа женщин-слуг, работавших за очень низкую зарплату (Jones K. Op.cit. P. 44–45).

[28] Только в одном Лондоне филантропы оперировали суммами в 5–7 млн. фунтов в год (Fraser D. The Evolution of the British Welfare State, Macmillan, 1973).

book-7_RAN_BLOK.indd 29 02.11.2009 17:34:46

союзов были отменены, однако их легальность оставалась невнятной, и во времена волнений любая профсоюзная деятельность могла расцениваться как заговор.

Что касается самопомощи, то это был набор идей, сложившихся в определенную социальную философию. Начало этому течению положила книга С. Смайлса «Самопомощь» (1859 г.), в которой воспевалось стремление обходиться без посторонней помощи, опираться на собственные силы: «Помощь извне часто расслабляет, а надежда лишь на себя обязательно делает сильным»[29]. Автор утверждал, что отсутствие возможностей или неудачи не являются в промышленно развитой экономике уважительными причинами, и приводил в пример добившихся богатства и славы ученых, изобретателей, инженеров. У книги были беспрецедентные продажи, сама королева Виктория нашла ее прекрасной. В одном из следующих сочинений — «Бережливости» — Смайлс особенно резко обрушивался на тех, кто просил о помощи: «Подобные просьбы особенно возмущают, когда исходят от того, кто путем небольшого напряжения сил, трезвости и бережливости легко мог бы помочь себе сам»[30]. Однако эти идеи воспринимались неоднозначно: с одной стороны, в них отражались важные черты новой эпохи, в которой низкое происхождение не обязательно было приговором[31], с другой стороны, настойчиво продвигаемая тема опоры на собственные силы и нежелательных эффектов от филантропии обеспечивала благополучным слоям населения защиту от чувства сострадания. Как пишет К. Джонс, когда нищета и отчаяние были столь очевидны и распространены, было удобно слышать, что люди сами виноваты в своем положении и что любая попытка помочь несчастным их «расслабляет»[32].

Хотя добровольные движения и дополняли друг друга, предоставляя различным группам населения то, что в будущем станет частью системы социальной защиты, для преодоления острейших социальных проблем их деятельности явно не хватало, что подтвер-

[29] Jones K. Op.cit. P. 53.

[30] Jones K. Op.cit. P. 55.

[31] Важно заметить, что автор идеи опоры на собственные силы в то же время выступал за бесплатные публичные библиотеки, музеи и образование, был популяризатором научного прогресса и его творцов.

[32] Jones K. Op.cit. P. 55.

book-7_RAN_BLOK.indd 30 02.11.2009 17:34:46

дили и первые попытки научного анализа социальной действительности.

Стоит заметить, что первые крупные социологические исследования бедности проводились на фоне сохраняющегося раскола общественного мнения относительно природы бедности и, соответственно, вопроса о роли государства в ее преодолении. Так, связанные с британской экспансией в Азии и Африке исследования обнаружили схожесть условий жизни «примитивных племен» и беднейших слоев метрополии. В связи с этим некоторые авторы даже стали развивать теорию о двух расах — цивилизованной и дикой, имеющихся в каждом народе, и утверждать, что обитатели лондонских трущоб — вообще как бы и не англичане. В то же время другие авторы на основе тех же «африканских параллелей» приходили к совершенно иным заключениям — о необходимости и возможности решить проблему нищеты как минимум в Англии, «поскольку она лишь часть Британской империи, в которой достаточно богатства, чтобы вытащить из трясины десятую часть населения»[33].

Любопытно, что первое крупное социологическое исследование бедности (1889 г.) было затеяно для того, чтобы опровергнуть данные о масштабах бедности среди лондонских рабочих (25%), полученные марксистами. Полагающий их серьезно завышенными, Ч. Бут, крупный бизнесмен и стойкий консерватор, профинансировал собственное большое исследование[34] и обнаружил, что они были недооценкой — его собственные данные говорили о том, что 30,7% жителей Лондона находятся в бедности. Причем выяснилось, что большая часть влачила жалкое существование не по собственной вине — главными причинами бедности были низкая зарплата и нерегулярная занятость. Таким образом, на вопрос «кто такие бедные» был впервые получен ответ, ломавший стереотипы и предубеждения.

Собственное исследование более чем убедило Бута в том, что бедность — результат не личного провала, а провала социальной организации. И он модифицировал свое отношение к капитализму, восприняв доктрину «ограниченного социализма» для бедных, согласно

---

[33] Jones K. Op.cit. P. 59.

[34] Одним из его добровольных помощников стала Беатрис Поттер (в замужестве Вебб) — впоследствии один из известных социальных реформаторов и основателей Лондонской школы экономики.

book-7_RAN_BLOK.indd 31 02.11.2009 17:34:46

которой бедных необходимо обеспечивать социальными услугами в такой мере, чтобы они были в состоянии самостоятельно справляться с жизнью в капиталистическом обществе[35].

Второе крупное социологическое исследование бедности, проведенное спустя десятилетие уже в английской провинции С. Роунтри, бизнесменом средней руки и либералом по политическим взглядам, подтвердило: корни бедности — не в индивидуальной слабости характера, а экономические и социальные: ничтожность зарплаты, нерегулярная занятость, плохое здравоохранение, жилье, отсутствие образования. И потому Роунтри также настаивал на государственном вмешательстве: «Никакая цивилизация, имеющая в своей основе такую массу несчастной человеческой жизни, не может быть крепкой и стабильной»[36].

Не только результаты исследований[37], но и проявившиеся по-новому негативные последствия массовой бедности подталкивали к социальным реформам. Так, в ходе реализации нового (1902 г.) закона об общем образовании выяснилось, что часть детей не посещает школу ввиду отсутствия одежды, а другие засыпают от голода прямо на уроках. В связи с этим местные власти стали развивать систему скудных, но бесплатных или практически бесплатных школьных завтраков. Однако прежние предрассудки еще были сильны — против подобной меры горячо протестовал Союз благотворительных организаций, полагая, что принятие обществом на себя заботы о детях, освобождая родителей от ответственности, способствует моральной коррозии нынешнего и будущих поколений: «Пенни дан, и ребенок разрушен» — таков был заголовок одной из его листовок в 1883 году[38].

Другим толчком к пониманию необходимости социальной защиты материнства и детства стали повторные военные неудачи на

---

[35] Simey T.S. Charles Booth, Social Scientist. Oxford. Oxford University Press. 1960. Как известно, другими важными результатами исследования Бута были введение понятия «черта бедности», постановка вопроса о минимальных стандартах социального обеспечения, попытка категоризации социальных классов.

[36] Briggs A. Social Thought and Social Action: a study of the work of Seebohmn Rowntree, 1871–1954, Longmans, 1961.

[37] Известно, что исследование и концептуальные подходы Роунтри оказали значительное влияние на пришедших к власти в 1906 либералов и их социальные реформы.

[38] Owen D. English Philanthropy, 1660–1960. Oxford. Oxford University Press. 1965.

book-7_RAN_BLOK.indd 32 02.11.2009 17:34:46

ранних этапах войны. Введение воинской повинности обнаружило негодность свыше 35% рекрутов, в связи с чем была учреждена межведомственная комиссия для изучения проблемы. Как пишет К. Джонс, война с бурами выявила и кристаллизовала относительно латентный страх национальной неэффективности и дегенерации этноса. Простой образ «сытый германский солдат и недокормленный английский юноша» покончил с остатками мальтузианского мышления. Дети неожиданно стали важны: крепкие молодые люди требовались не только на случай войны в Европе, но и для всех регионов, находившихся под британской юрисдикцией[39]. В то же время уровень рождаемости падал, а младенческая смертность росла. В связи с этим основные рекомендации межведомственной комиссии были связаны с мерами в области здравоохранения и жилья.

Таким образом, сама жизнь требовала перемен, и в 1905 году была назначена королевская комиссия, призванная выработать новый закон о бедных. Комиссия работала почти пять лет и интересна нам тем, что являла собой классический пример двух противоположных и несовместимых взглядов на бедность и пути ее преодоления. Одна позиция была представлена деятелями Союза благотворительных организаций, другая — представителями фабианского общества.

По мнению членов Союза, единственным конструктивным способом справиться с проблемами бедности являлась тщательная и строгая проверка каждого случая, приводившая к резкому сокращению числа действительно нуждавшихся в помощи. И лидер группы, представляющей филантропов, всегда резко выступал против любого участия государства в соцобеспечении — даже в пенсиях по старости, полагая, что бедные должны позаботиться о ней сами[40].

Группу оппонентов возглавляла Б. Вебб, фабианский социалист. Как известно, фабианское общество было основано в 1884 году, и его члены больше верили в эволюционные изменения, нежели революционные. Полагая, что ни один знакомый с фактами человек не может не стать социалистом, или, как минимум, не сочувствовать социа-

[39] Jones K. Op.cit. P. 77–78.

[40] Как пишет К. Джонс, при назначении в новую комиссию по проблемам бедности лидер филантропов сказал, что задача требует сердце Диккенса и волю Бисмарка, и он никогда не ослаблял свою железную хватку, хотя сердце Диккенса редко себя обнаруживало (Jones K. Op.cit. P. 82).

book-7_RAN_BLOK.indd 33 02.11.2009 17:34:46

листической политике, фабианцы издавали регулярно обновляемый сборник «Факты для социалистов»[41]. Назначение носителя подобных взглядов в королевскую комиссию объясняется курьезом: составлявшие комиссию советники премьер-министра знали о личном знакомстве Б. Вебб с главой правительства и ее интересе к проблемам бедности, но не могли представить, что леди, обедающая с премьер-министром, может быть социалистом.

В подготовленный комиссией доклад входило статистическое исследование, согласно которому в 1907 году в состоянии глубокой бедности находилось почти 900 тысяч человек — эквивалент населения Ливерпуля, из которых 27,6% были мужчины, 43% — женщины и 29,4% — дети[42]. Одних этих данных было достаточно для того, чтобы покончить с мифом о том, что паупер — это трудоспособный мужчина. Еще более явной была корреляция между бедностью и возрастом. Казалось, трудно было найти более сильный аргумент в пользу введения пенсий по старости, однако даже это не поколебало взглядов филантропов. В итоге возникло два доклада. Доклад большинства, в котором признавалось, что прежний закон о бедных нуждается в корректировке, но с сохранением прежних принципов: государство должно обеспечивать только самый минимум и только в рамках работных домов, а все остальное — добровольные организации. И напечатанный мелким шрифтом в конце основного текста доклад меньшинства с анализом и рекомендациями совершенно иного рода.

В докладе меньшинства доказывалось, что бедность является результатом не личного провала, а искусственной проблемой, созданной капиталистической системой, и предлагалось полностью пересмотреть концепцию бедности, перейдя к принципу «административного функционализма», предусматривающего не реагирование на последствия бедности, а устранение ее разнородных причин. Нетрудоспособные должны были стать ответственностью местных властей: дети — комитета по образованию, больные и инвалиды —

[41] Фабианцы стали исследовательским центром лейбористского движения. Супруги Вебб участвовали во многих мероприятиях левого крыла, включая основание известных массовых изданий (Nation и др.), а также Лондонской школы экономики, где оба преподавали в течение многих лет. Кроме того, С. Вебб был министром в лейбористском правительстве. Восхищенный Советской Россией, он издал книгу «Советский коммунизм», ставшую в 1930-х годах классической.

[42] Jones K. Op.cit. P. 88.

book-7_RAN_BLOK.indd 34 02.11.2009 17:34:46

комитета по здравоохранению. Финансирование этой деятельности должно было быть возложено на правительство, а каждый из департаментов подотчетен соответствующему центральному ведомству со штатом инспекторов, следящих за поддержанием установленных стандартов. В отношении трудоспособных акцент ставился на ответственности государства за обеспечение населения работой. Для этого предлагались меры организационные (учреждение министерства труда и региональных бирж труда, привлечение работников, занятых на временных работах, к другим работам) и экономические (привязывание налоговой политики к цикличности экономики). Кроме того, предлагалось сократить рабочий день для молодежи, чтобы позволить ей учиться и за счет этого выходить на более высокий уровень достатка. Не были оставлены без внимания и трудоспособные, но ленивые: их предлагалось отправлять в воспитательные колонии. Однако подчеркивалось, что надлежащее управление экономикой и рынком труда должно гарантировать, что клеймо «лентяя» не будет применено к тем, кто готов трудиться.

Очевидно, что комиссия, составленная из людей, имевших столь разные взгляды на человека и общество, не могла прийти к единому мнению. Доклад меньшинства еще очень долго ждал своего часа: после первой мировой войны он стал частью Социалистической хартии, и лишь через сорок лет после первой публикации, в конце 1940-х, приступившее к созданию социального государства первое лейбористское правительство с явным большинством в Палате общин смогло взять его как основу формируемой законодательной базы.

Тем не менее, в силу социального давления и получения либералами парламентского большинства (последствие избирательных реформ) некоторые шаги стали осуществляться[43]. Законодательно вводились школьные завтраки, для чего несколько повышались местные налоги (1906 г.); были приняты закон о компенсациях работникам, занятым на опасных производствах, и закон о биржах труда (1908 г.). Следующим шагом должно было стать введение пенсий по старости.

Кампания в поддержку их введения началась с исследований Бута и Роунтри. Затем были длительные дебаты, которые привели

[43] Так, У. Черчилль, возглавлявший в правительстве либералов министерство торговли, говорил, что при чтении работы Роунтри у него волосы вставали дыбом (Bruce M. The Rise of the Welfare State. Weidenfeld and Nicolson, 1973, P. 127–128).

book-7_RAN_BLOK.indd 35 02.11.2009 17:34:46

к принципиальному согласию относительно самого введения пенсий, однако оставался вопрос о характере пенсионной системы. Сторонники накопительной системы указывали на то, что в этом случае пенсии будут самофинансироваться и не окажут немедленного эффекта на бюджет и, кроме того, люди будут чувствовать связь между собственным вкладом и будущей пенсией. Оппоненты указывали на то, что для строительства накопительной системы потребуются годы и что вне ее окажется большинство женщин, в то время не имевших регулярной занятости. Результатом компромисса стал закон (1908 г.), вводивший пенсию, убогую по нынешним стандартам, но тогда являвшую собой значительный прогресс: на нее было невозможно прожить, но с небольшой добавкой этого хватало, чтобы отодвинуть вечный страх перед работным домом. При этом получателя проверяли на предмет нуждаемости (вся сумма пенсии выплачивалась только тем, чей годовой доход был ниже определенного уровня) и моральный облик (систематически пьющим, имевшим в предшествующие 10 лет тюремный срок и привычно не способным себя содержать пенсию не выплачивали).

Тогда же вернувшийся из Германии под впечатлением от немецкой системы соцобеспечения Ллойд Джордж заявил о необходимости создания схемы, позволяющей наращивать размер пенсий по старости. И хотя тогдашняя торговая рецессия этому не слишком способствовала, был принят так называемый «Народный бюджет» (1909 г.) — первый открыто перераспределительный бюджет, в рамках которого предлагался дополнительный налог на доходы и землю, что привело к жесткому конфликту с Палатой лордов и последующему (в 1911 году) существенному урезанию ее бюджетных полномочий.

Стоит отметить (ибо подобное будет встречаться не раз, например, когда появится план Бевериджа) обвинения в раздаче несбыточных обещаний, которые оппоненты предъявляли правительству либералов. На них Ллойд Джордж в ходе бюджетных дебатов 1910 года ответил так: «О каких несбыточных обещаниях речь? Либералы давали «несбыточные обещания» по пенсиям по старости, и уже 900 тысяч людей их получают. Либералы давали другое «несбыточное обещание» — что пенсии будут распространены на пауперов, и с 1 января около 240 тысяч пожилых пауперов пойдут на почту за своими 5 шиллингами в неделю. Либералы давали еще

book-7_RAN_BLOK.indd 36 02.11.2009 17:34:46

одно «несбыточное обещание» — о биржах труда, и они сегодня работают и обеспечили работой около 100 тысяч человек. Теперь либералы дают еще одно «несбыточное обещание» — о введении в будущем году страхования безработицы»[44]. И действительно, после длительных переговоров с мощными группами давления (товариществами, профсоюзами и медиками) закон о национальном страховании, включавший страхование по безработице и медицинское страхование, был принят[45].

Развитие системы социального страхования прервал начавшийся в 1921 году рост безработицы, связанный с возрастанием влияния процессов в мировой экономике на национальную промышленность. В результате были повышены взносы, сокращены выплаты (до уровня, на который семьи с трудом могли жить), ужесточены условия получения пособий, увеличен период ожидания. Правительственный курс, получивший название «топор Геддса» (по имени министра финансов), в соответствии с господствовавшей экономической теорией, предписывавшей сбалансированность бюджета, был направлен на сокращение расходов: государственных субсидий, рабочих мест и зарплат в госсекторе. В свою очередь, частный бизнес компенсировал падение прибылей сокращением издержек путем снижения зарплат, удлинения рабочего дня, игнорирования требований безопасности. Вылилось это в острейший классовый конфликт с кульминацией в виде парализовавшей страну одиннадцатидневной всеобщей забастовки 1926 года. Король и представители религиозных конфессий призывали нацию к консолидации, правительство планировало меры по предотвращению как никогда близкой гражданской войны, а У. Черчилль в официальной правительственной газете потребовал от забастовщиков безусловной капитуляции.

---

[44] Jones K. Op.cit. P. 101.

[45] Первоначально страхованием по безработице были покрыты только работники отраслей, подверженных существенным колебаниям. Медицинское страхование, предусматривавшее пособие по болезни, инвалидности и родам, покрывало всех работников физического и нефизического труда в возрасте 16–70 лет, имевших доход ниже определенного уровня. Позднее система страхования была распространена на работников других секторов экономики, а также бывших военнослужащих. Оптимизм правительства вырос настолько, что в 1920 году в систему страхования включили всех работников, получавших менее 250 фунтов в год, и планировалось ввести пособия для иждивенцев.

book-7_RAN_BLOK.indd 37 02.11.2009 17:34:46

В конце концов, тред-юнионы были побиты, их фонды разорены, но покоя не наступало. Исследователи описывают организованные национальным движением безработных «голодные марши», которые стали характерной чертой британской жизни в течение 16-ти лет: десятки тысяч людей из разных городов страны шли в столицу, заполняя ее площади, деловые центры, элитные районы[46]. Сменяющие друг друга правительства угрожали демонстрантам полицией и войсками.

В 1934 году на фоне Великой депрессии, когда в некоторых районах доля безработных достигала 67%, был принят закон о безработице. Однако выяснилось, что заложенный в него тест оценки нуждаемости гораздо жестче предусмотренного законом о бедных: Джордж Оруэлл писал, что он разрушает семьи[47].

В 1936 году в экономической мысли случился решительный поворот: был опубликован знаменитый труд Кейнса[48]. Однако для консервативного правительства предложенная им бюджетная политика была неприемлема. Нисходящую спираль экономического спада повернуло, подтвердив верность идей Кейнса, начавшееся во второй половине 1930-х годов перевооружение, осуществлявшееся за счет государственных инвестиций. Главным же мотором социального прогресса стала вторая мировая война, которая, во-первых, принесла опыт беспрецедентного государственного вмешательства[49], и, во-вторых, привела к значительному расширению социальных услуг[50]. Но главное — война существенно изменила исповедуемые обществом ценности: если должны разделяться опасности, то должны разделяться и ресурсы — из этой логики возникло требование более открытого и справедливого общества. По мнению историков, именно ожиданием серьезных социальных перемен объясняется результат первых пос-

---

[46] Hannington W. Unemployed Struggles 1919–1936. Lawrence and Wishart, 1979, P. 80–81.

[47] Поскольку учету подлежали доходы всех членов семьи, они стремились разъехаться. При этом местные власти постоянно отслеживали «мошенников», и соседи должны были информировать друг о друге.

[48] Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. L., 1936.

[49] Государство вводило воинскую мобилизацию, направляло на работы, принудительно изымало землю и другую собственность, вводило дополнительный налог на прибыль.

[50] Вводились школьное питание для всех детей; специальное снабжение для беременных; шел быстрый рост числа детских дошкольных учреждений- чтобы женщины могли заменить на заводах мужчин.

book-7_RAN_BLOK.indd 38 02.11.2009 17:34:46

левоенных парламентских выборов — знаменитых «Khaki Election» 1945 года, когда консерваторы во главе с Черчиллем с разгромным счетом уступили лейбористам. Так, А. Марвик, специализирующийся на изучении воздействия на британское общество мировых войн, полагает, что основной мотив, стимулировавший движение в сторону лейбористов, можно передать словами «никогда больше», об этом же пишут П. Грегг: «Эти выборы были вызовом всем правительствам несчастливых 1918–39 годов» и Д.Фразер: «Нация выражала мнение не о предыдущих пяти годах, но о десятилетии до них»[51].

Лейбористское правительство, имея за спиной существенное парламентское большинство, приступило к созданию государства всеобщего благосостояния (welfare state). Важно отметить, что у лейбористов была поддержка и со стороны церкви, например, архиепископа Кентеберрийского В. Темпля[52], который в своей ставшей бестселлером книге «Христианство и социальный порядок» доказывал, что частная собственность на основные ресурсы блокирует развитие подлинно христианского общества.

В качестве основы социального переустройства послевоенной Великобритании лейбористы взяли план Бевериджа, разработанный еще в начале войны, когда отвечавший за социальную реконструкцию член коалиционного правительства лейборист А. Гринвуд по требованию профсоюзов учредил межведомственный комитет для пересмотра национальной системы социального страхования. Председателем комиссии был назначен оксфордский профессор и бывший директор Лондонской школы экономики, либерал по политической принадлежности, сэр В. Беверидж.

Предложенная Бевериджем система определяла восемь требующих государственного вмешательства причин бедности, шесть принципов социальной защиты и шесть покрываемых системой социального обеспечения групп населения (таблица 7). Как причины бедности, так и принципы соцобеспечения были почерпнуты из книг Бута и Роунтри, который, кстати, был одним из советников Бевериджа.

---

[51] Gregg P. The Welfare State, Harrap, 1967, p.31; Fraser D. Op.cit. P. 206; Marwick A. Britain in the Century of Total War. Penguin, 1970, p. 304.

[52] В 1941 году он председательствовал на Малвернской конференции, материалы которой остаются базовыми документами, излагающими христианский взгляд на социальную справедливость.

book-7_RAN_BLOK.indd 39 02.11.2009 17:34:47

Ключевыми для успешной реализации предлагаемой схемы объявлялись полная занятость[53], универсальные услуги здравоохранения и детские пособия.

Доклад Бевериджа был опубликован в декабре 1942 года, и пресса тут же охарактеризовала его как проект социальной защиты «от колыбели до могилы», а Беверидж стал национальным героем. Однако консервативная партия объявила предлагаемые меры нереалистичными: Черчилль заявил о «фальшивых надеждах и миражах утопии и Эльдорадо»[54]. Правда, несколько позже он поправился и сказал, что доклад содержит существенную часть любой послевоенной схемы улучшений, но реальные действия правительства Черчилля внушали сомнения в искренности этих слов. Так, буквально через два дня после того, как Бюро армии по текущим делам издало буклет, представлявший сделанную самим Бевериджем выжимку из его доклада, он был изъят по приказу военного министерства. Не состоялись и планиро-

Таблица 7

Предложения Бевериджа по предотвращению основных причин бедности

Причина	Соцобеспечение
Безработица	Пособие по безработице
Инвалидность	Пенсия по инвалидности или трудовая пенсия
Потеря кормильца	Пособие на переобучение
Старость	Пенсия по старости
Замужество	Брачное пособие Пособие по беременности и родам Пособие по уходу за ребенком Пособие для вдов Пособие для матери солдата
Похороны	Похоронное пособие
Детство	Детское пособие
Болезни, нетрудоспособность	Медицинское обеспечение и реабилитация

Источник: Jones K. «The making of social policy in Britain 1830–1990», L., 1994.

[53] Беверидж признавал неизбежность т.н. «фрикционной» безработицы, но она должна была быть временной по характеру и не превышать 8,5% застрахованной рабочей силы.

[54] Jones K. Op.cit. P. 130.

book-7_RAN_BLOK.indd 40 02.11.2009 17:34:47

вавшиеся дебаты по докладу в Палате общин — депутатам предложили лишь ознакомиться с документом, хотя лейбористы предлагали проголосовать за его внедрение. Когда Бевериджпросил о встрече, Черчилль был слишком занят; когда Бевериджписал, также в кейнсианской традиции, книгу «Полная занятость в свободном обществе» (1944), правительство отказало ему в официальном сотрудничестве даже с теми чиновниками, с которыми он работал прежде, и постаралось снизить эффект от его второго труда, поспешив опубликовать первым свой собственный доклад. Все это позволило Бевериджу в его книге «Власть и влияние» написать, что «в то время как британский народ и свободный мир за пределами Великобритании аплодировал докладу Бевериджа, британское правительство демонстрировало к докладу отношение примечательного небрежения, а к его автору — отношение от игнорирования к бойкоту»[55].

В итоге лейбориста на посту министра социальной реконструкции сменил консерватор, и правительственные ведомства стали создавать свой план. Тем не менее, общественное мнение заставило сделать его более прогрессивным: распропагандированная правительством «Белая книга 1943–45» включала предложения, касающиеся системы национального здравоохранения, образования, социального страхования и социальной помощи, размещения промышленности и т.д. Однако это не спасло консерваторов от поражения на выборах — осуществлять долгожданную социальную реконструкцию население доверило лейбористам.

Следует заметить, что Великобритания встретила переход к мирному времени и новому социальному порядку в условиях острых экономических проблем: рабочую силу требовалось переквалифицировать с военного производства на мирное; США после смерти Рузвельта и проигрыша Черчилля вместо обещанного Рузвельтом продолжения лендлиза резко перешли к чисто коммерческим отношениям, что позволило одному из ведущих лейбористских министров расценить это как прямые действия администрации Трумэна по созданию трудностей для социалистического правительства[56]; в стране не хватало твердой валюты и жизненно важных товаров, продуктовые карточки даже на хлеб не были полностью отменены до 1951 года. Но прави-

[55] Beveridge W. Power and Influence, Hodder and Stoughton, 1953, p. 323.

[56] Jones K. Op.cit. P. 149.

book-7_RAN_BLOK.indd 41 02.11.2009 17:34:47

тельство лейбористов было убеждено: несмотря на проблемы, нельзя откладывать создание более справедливого социального порядка. Возглавивший лейбористское правительство К. Эттли[57], по словам современников, очень ясно представлял себе политику, которой должны следовать лейбористы. Сам он ее формулировал следующим образом: «Наша политика не была реформируемым капитализмом, но движением в сторону демократического социализма...Война показала, сколь многое может быть совершено, когда общественное благо ставится впереди эгоистических частных интересов. Если это было верно в военное время, это верно и в мирное время»[58].

В то же время, как подчеркивает К. Джонс, ничего не делалось в спешке и без консультаций со всеми заинтересованными группами. И главное: социальное законодательство было результатом беспрецедентной общественной дискуссии, которая была одновременно и содержательной — в силу вовлеченности в каждый вопрос известных экспертов, и демократической. Все понимали, что стоит задача не просто перехода от военного времени к мирному, а фундаментальной реорганизации общества и преодоления межклассового раскола. Поэтому, и когда в 1951 году на фоне продолжающихся экономических трудностей в кресло премьер-министра вернулся Черчилль, принятие социального законодательства продолжилось.

Вопреки опасениям, поддержание полной занятости не вызвало проблем[59]. Расходы государства были высокими, особенно в госсекторе и национализированных отраслях[60]. В рамках всеобъемлющего экономического планирования в бывших депрессивных районах были созданы новые отрасли и построены новые города. Таким образом, нормально оплачиваемая работа находилась для всех, кто хотел работать.

Хотя возникали и проблемы, например, стало понятно, что высокие расходы на национальную систему здравоохранения — не вре-

---

[57] Эттли был давним и последовательным сторонником реализации фундаментальных социальных реформ: он был секретарем Веббов в Национальном комитете предотвращения бедности, учрежденном в 1909 году в поддержку доклада меньшинства; преподавал социальные науки и дисциплины, касающиеся управления, в Лондонской школе экономики, когда директором ее был Беверидж.

[58] Attlee C. As It Happened, Heinemann, 1954, p. 163.

[59] Высокий уровень занятости наблюдался до начала 1970-х годов.

[60] Горной промышленности, электроэнергетике, газовой и сталелитейной отраслях, железнодорожном транспорте.

book-7_RAN_BLOK.indd 42 02.11.2009 17:34:47

менное явление, поскольку при относительно неплохих медицинских услугах, продлевающих жизнь пожилым и инвалидам, потребность в них растет, а с ней — и государственные расходы. В связи с этим активизировались критики из правой части политического спектра. Сначала (1952 г.) в «Таймс» появились статьи, в которых утверждалось, что страна не может позволить себе запланированное экстенсивное развитие социальных услуг (редакционная статья так и называлась «Кризис государства всеобщего благосостояния»)[61]. Затем (1954 г.) был издан труд двух консервативных лидеров, в котором доказывалось, что медицинские и социальные услуги должны обеспечиваться государством только на основе проверки нуждаемости, что шло полностью вразрез с принципами Бевериджа[62].

В развернувшейся дискуссии аргументация сторонников расширения спектра доступных медицинских услуг была следующей: «Хорошее, в смысле, ненакладное для государства, здравоохранение — только в Конго», и на самом деле сохранение жизни пациентам, которые без оказания квалифицированной медицинской помощи просто умерли бы, — не «проблема», а доказательство успеха. Да, этот успех должен быть оплачен, но Канада, США и Швеция тратят на здравоохранение значительно больше — 6% ВВП, в то время как Великобритания — 5%[63].

Бесплатное здравоохранение атаковалось и с другой стороны. Сторонники свободного рынка, которых преимущественно представляли сотрудники Института экономических проблем, заявляли, что в этом случае в отношения врача и пациента вторгается третья сторона — государство, и происходит «странное отвержение экономических принципов», поскольку «суверенитет потребителя» гарантируется только работой закона спроса и предложения, что предполагает оплату услуги непосредственно в месте ее получения. На это их оппоненты во главе с Р. Титмусом отвечали, что в случае со здравоохранением простой закон спроса и предложения не работает, поскольку обычный

---

[61] Crisis in the Welfare State, The Times, 17 January 1952; The Social Services — Needs and and Means': analysis by two Conservative MPs. The Times, 17 January 1952.

[62] MacLeod I. and Powell E. The Social Services — Needs and Means, Conservative Political Center, 1954.

[63] Abel-Smith B. Value for Money in Health Service: a comparative study, Heinemann, 1976, p. 122.

book-7_RAN_BLOK.indd 43 02.11.2009 17:34:47

пациент не способен делать осознанный выбор в такой сложной высокотехнологичной отрасли, в какую превратилась современная медицина, и ему приходится доверять врачу. Но можно ли доверять врачу на свободном рынке, где над отношениями «врач — пациент» довлеют финансовые соображения?[64]

Сфера образования вызывала меньше споров по принципиальным вопросам. Разница была в акцентах: одни видели в образовании средство индивидуальной самореализации, другие — инструмент обеспечения экономики адекватной рабочей силой. Расширение доступности образования, в том числе его более высоких ступеней, диктовалось соображениями международной конкуренции. Так, после того, как в правительственном докладе «Образование в меняющемся мире» (1959 г.) было отмечено отставание Великобритании в профтехобразовании от других стран и особенно от бурно возрождающейся Германии, начали развиваться колледжи технической и бизнес-направленности. Следующим импульсом, теперь уже для развития доступности высшей школы и послевузовского образования, создания условий для привлечения молодежи к научной деятельности, стал доклад, посвященный университетам (1963 год), в котором отмечалось, что «высокообразованное население — ключевой фактор для того, чтобы выдержать конкурентное давление современного мира» и что «университетское образование в США и СССР доступно для гораздо большего сегмента населения, и другие страны также планируют его значительное расширение»[65].

Поступательное развитие государства всеобщего благосостояния вызывало социальный оптимизм. В 1965 году профессор Маршалл из Лондонской школы экономики в своем труде «Социальная политика» отмечал, что соцобеспечение, когда-то предназначенное лишь для беспомощного и безнадежного населения, постепенно распространилось на всех граждан, и это стало результатом «конвергенции принципов и интеграции практик» всех политических сил: «Растет согласие по фундаментальным вопросам. Осознано, что многие из старых антитез в основном надуманы... Практически не существует разницы во мнениях относительно услуг, которые должны быть обеспечены,

[64] Titmuss R. Commitment to Welfare, Allen and Unwine, 1968, p. 247–62.

[65] Higher Education, Report of the Central Advisory Council on Education, England, (the Newsom Report), HMSO, 1963.

book-7_RAN_BLOK.indd 44 02.11.2009 17:34:47

и есть общее согласие в том, что кто бы их ни обеспечивал, основная ответственность за соцобеспечение граждан должна оставаться на государстве»[66]. Однако предсказанного профессором Маршаллом «конца идеологии» не произошло. Впереди был т.н. первый кризис социального государства.

На том, как на него отвечали разные страны, остановимся позднее. Теперь же, рассмотрев эволюцию теорий, общественного сознания и институтов в Великобритании, обратимся уже кратко к истории становления социальных государств в США, Швеции и Германии — с тем, чтобы выйти на необходимый уровень обобщения относительно факторов, способствовавших достижению фундаментального социального компромисса, а также условий, в которых обществом принималось решение о принципиальном социальном переустройстве и давался старт строительству государства всеобщего благосостояния.

Шведский опыт становления социального государства

Как указывает Ю. Хартманн, исследовавший социетальный фон зарождения шведского социального государства, до 1930-х годов никто из побывавших в Швеции не подумал бы, что находится в государстве всеобщего благосостояния[67]. Низкие доходы, плохие жилищные условия и практически полное отсутствие каких-либо мер социальной защиты привели к угрозе депопуляции, масштабы и последствия которой были описаны А. и Г. Мюрдель в работе «Кризис в производстве населения» (1934 г.). Кроме демографического анализа книга содержала предложения, имеющие важное значение для понимания характера социальной политики, получившей развитие в последующие десятилетия, поскольку и использованный теоретический подход, и предлагаемые Мюрделями меры были практически идентичны тем, что реализовывала социал-демократическая партия все долгие годы своего правления.

По мнению Хартманна, созданная в результате система соцобеспечения не столкнулась с реальной политической оппозицией потому, что «выросла» из кризиса рождаемости: «Обе партии, социалисты и консерваторы, могли объединиться с общей целью поддержания

---

[66] Marshall T. Social Policy, Hutchinson, 1965, p. 97.

[67] Chartmann J. Social Policy in Sweden (1950–1980) // Social Policy in Western Europe and the USA, 1950–80: An assessment / Ed. by Girod R. et al. Basingstoke; L., 1985.

book-7_RAN_BLOK.indd 45 02.11.2009 17:34:47

существования шведского народа как такового. Была задета историческая струна, отсылающая нас назад, во времена древних викингов. Основной мотив морального кода этих племен был в том, что каждый должен служить благополучию всего племени, а не только удовлетворять индивидуальный интерес. Впоследствии эта тема была усилена религиозными постулатами о том, что все люди в Швеции одна семья, и это накладывало на государственную власть огромную ответственность в отношении распределения богатства в обществе. Таким образом, действительно кризисная ситуация и шведские моральные традиции подводили фундамент под меры, гарантирующие соцобеспечение каждому гражданину Швеции»[68].

Вероятно, описанный Хартманном этос сыграл свою роль в возникновении шведской модели, однако, представляется, что этого объяснения все же недостаточно: хотя демографические проблемы обсуждались и в консервативных кругах, до прихода к власти социал-демократов никаких существенных шагов в сторону социальности государства не происходило. Поэтому обратимся к иной трактовке истории становления шведского социального государства (никак, впрочем, не отменяющей значимость социокультурных традиций), в которой акцент ставится на таком причинном факторе, как характер сложившейся социально-классовой структуры.

До XX века Швеция была относительно изолированной и отсталой страной. Сельское хозяйство, эволюционировавшее в коммерческое семейное фермерство, в силу недостаточной плодородности почв оказалось неэффективным, и большая масса крестьянства обеднела. Это стало причиной массовой эмиграции шведского населения в США: в 1860–1910 гг. из страны выехало порядка 20% населения.

Катализатором промышленного капитализма в Швеции стали лесная и горнорудная отрасли, и это имело важные последствия для будущей структуры шведского общества. Производимая этими отраслями продукция, имея высокий спрос на внешних рынках, приносила сверхприбыли, что стимулировало промышленный рост внутри страны. Особенно стабильным экспортным товаром, все более поднимавшимся в цене, оказался металл. Растущий спрос, сначала внешний, а затем и внутренний, вел к существенной концентрации капитала в

[68] Chartmann J. Op.cit. p. 166.

book-7_RAN_BLOK.indd 46 02.11.2009 17:34:47

этих секторах, поскольку их развитие требовало все более серьезных капиталовложений.

Практически с самого начала рост промышленного капитала проходил при значительном содействии государства. В 1840-е годы была осуществлена образовательная реформа, предоставившая всему населению начальное школьное образование, что впоследствии, когда для высокоорганизованных и высокотехнологичных отраслей потребовалась образованная рабочая сила, стало серьезным преимуществом. Еще более важный вклад в рост крупной индустрии государство внесло строительством в середине-конце XIX века развитой транспортной инфраструктуры и электроэнергетических мощностей. Кроме того, государство стимулировало рост и концентрацию капитала проведением серьезной протекционистской политики, щедрым кредитованием и даже прямыми государственными инвестициями в крупные проекты. Как указывает Т. Тилтон[69], политика государства была направлена на поощрение наиболее крупных компаний, содействовала концентрации промышленности и созданию картелей. Развитие железорудной и металлургической отраслей стимулировали рост тяжелого машиностроения, производства вооружений, сельскохозяйственной техники, а позднее — автомобильной промышленности и авиастроения. Уже к 1900 году такие производства были консолидированы в огромные компании, и сегодня находящиеся в числе крупнейших европейских фирм («Электролюкс» и т.д.).

К началу XX века капитал в Швеции стал чрезвычайно сконцентрированым и монополизированным. Значительная часть крупного, глубоко интегрированного капитала контролировалась 10–13 семьями. Как подчеркивает Тилтон, «с какой бы стороны на это промышленное предприятие ни посмотреть, оно было столь далеко от понятия о свободной открытой конкуренции, насколько это можно представить. Ни один предприниматель не был окружен свободной игрой спроса и предложения — «голубой мечтой» Адама Смита, напротив, каждый испытывал относительно полный контроль над его рынком»[70]. В то время как крупные собственники организовывали синдикаты, мелкая буржуазия (независимые крестьяне, ремесленники и

[69] Tilton T. The Social Origins of Liberal Democracy: The Swedish Case // American Political Science Review, 1968, #2.

[70] Tilton T. Op.cit., p. 56.

book-7_RAN_BLOK.indd 47 02.11.2009 17:34:47

др.) пролетаризировалась: как пишет Эспин-Андерсен, «в Швеции у семейных ферм, маленьких магазинчиков и мелкого семейного бизнеса было мало шансов уцелеть; мелкая буржуазия имела высокий уровень смертности и короткую продолжительность жизни»[71].

Крупномасштабная и чрезвычайно стремительная индустриализация привела к серьезным изменениям в структуре рабочей силы: если в 1870 г. сельское население Швеции составляло 72%, то к 1901 году эта цифра снизилась до 48%. Рабочий класс был представлен преимущественно промышленными рабочими, сконцентрированными на крупных предприятиях. При этом важным является то, что рекрутировались в пролетаризированный рабочий класс не столько сельскохозяйственные рабочие, для которых это было бы своего рода продвижением, сколько обедневшие мелкие собственники.

В 1920-х годах произошла основная волна концентрации и централизации промышленности, финансов и капитала. На эти же годы пришелся рост организаций, представляющих классовые интересы. Работодатели с самого начала были высокоорганизованной, сплоченной и мощной группой, в которой все более доминировала верхушка промышленного капитала. Профсоюзы сначала были слабы[72], и в первые десятилетия XX века их основной целью была реформа избирательной системы: предполагалось, что как только представлявшая интересы рабочих социал-демократическая партия получит власть, антирабочие законы будут отменены и создадутся правовые условия, открывающие больше возможностей для профсоюзной борьбы. Однако по мере концентрации и монополизации экономики шведскому рабочему классу, как и работодателям, удалось создать чрезвычайно мощное консолидированное движение. В силу преобладания относительно гомогенной рабочей силы профсоюзы стали централизованны и очень сплоченны. Доля охваченных профсоюзами рабочих была в Швеции выше, чем в любой другой капиталистической стране: к концу второй мировой войны членами профсоюзов было 70–80% представителей рабочего класса, охват профсоюзами т.н. «белых воротничков» к 1950 году составлял порядка 80%.

Если говорить об эволюции шведской политической системы в целом, то, как указывает Эспин-Андерсен, «Швеция едва ли имела

[71] Esping-Andersen G. Op.cit., p. 18.

[72] Профсоюзы возникли в 1880-х, в 1898 году была учреждена национальная федерация профсоюзов.

book-7_RAN_BLOK.indd 48 02.11.2009 17:34:47

опыт жизни в условиях политического либерализма, а двигалась практически прямо от абсолютизма к корпоративистской форме буржуазного государства»[73]. Формальная отмена абсолютной монархии с принятием конституции и учреждением двухпалатного парламента произошла в 1866 году. Представительство в парламенте и политические права в тот период были сословно и имущественно ограничены. Тем не менее, конституция дала толчок партийному строительству, и в период с 1900 по 1920 гг. основной целью как социал-демократической рабочей партии[74], так и либеральной партии, выражавшей интересы мелкой буржуазии, была реформа избирательной системы. В 1909 году политические права были распространены на мелких собственников и социальные группы, имевшие умеренно высокие доходы. Основной массе населения удалось добиться избирательного права и полного набора политических свобод в 1918 году. На либерализацию политической системы правящая элита пошла под давлением обстоятельств: как подчеркивает Эспин-Андерсен, «поскольку ситуация была довольно накаленной, влиятельным фигурам из промышленной и финансовой буржуазии и консервативных кругов удалось, напоминая о революции в России, преодолеть сопротивление более реакционных групп, и полная демократия была таким образом обеспечена»[75].

К 1930-м годам — эпохе Великой депрессии социальная структура Швеции была резко поляризованной (на одном полюсе — промышленный рабочий класс, на другом — монополистический капитал, старый средний класс быстро сокращался), и классовая борьба была достаточно интенсивной: забастовки, локауты, воинственные демонстрации. После кровавого разгона с помощью войск бастующих рабочих в Адалене социал-демократы и коммунисты получили на выборах 1932 года сильную поддержку. Таким образом, относительная мощь двух доминирующих классов стала очевидной, и работодатели, наконец, признали право рабочего движения на влияние.

В парламенте социал-демократы образовали коалицию с представлявшей мелкую буржуазию партией Центра, чей электорат — фермерство — также страдал от экономического кризиса. Ради этого

---

[73] Esping-Andersen G. Op.cit., p. 22.

[74] Социал-демократическая партия Швеции (СДП) официально учреждена в 1889 году, быстрый рост численности членов партии с начала XX века.

[75] Esping-Andersen G. Op.cit., p. 24.

book-7_RAN_BLOK.indd 49 02.11.2009 17:34:47

сотрудничества СДП отказалась от идеи национализации крупных компаний (эта идея была заявлена в партийной программе социал-демократов в 1920 году, и, оказавшись в 1928 году в составе правительства меньшинства, социал-демократы вносили пакет соответствующих законопроектов) в пользу социальных реформ и программ государственной помощи. Обе партии договорились об общей программе, в которой партия Центра поддерживала социал-демократическую социальную политику в обмен на поддержку социал-демократами государственных субсидий сельскому хозяйству. Это открыло путь первому правительству большинства с социал-демократами на постах премьера и министра финансов. Кстати, министр финансов, социал-демократ Вигфорс, уже занимал этот пост в 1928 году (в правительстве меньшинства) и еще тогда предлагал введение налога на наследство с одновременным созданием государственной инвестиционной системы в качестве механизма, компенсирующего предполагаемое снижение объема накоплений в частном секторе. Как замечает Эспин-Андерсен, «люди типа Вигфорса видели в социальной реформе не конечный пункт, а первый и необходимый шаг в направлении усиления государственного регулирования экономики и демократического контроля над капиталом»[76].

Необходимость в расширении электоральной базы привела к изменениям в стратегии и идеологии социал-демократов. На фоне экономического кризиса мелкое фермерство не только постоянно сокращалось в числе, но и резко нищало. В итоге к 1930-м годам более 70% населения Швеции были наемными работниками. В этих условиях социал-демократами был взят курс на объединение традиционного рабочего класса и новой «беловоротничковой» рабочей силы. СДП стала все больше позиционировать себя не как партию рабочего класса, а как «народную партию», свидетельством чему служит знаменитая речь первого социал-демократического премьер-министра Пера Альбина Ханссона, содержащая призыв сделать Швецию «народным домом»[77]. Реализуя интерес социал-демократов в привлечении «белых воротничков» и усилении профсоюзного движения, социал-демократическое правительство в середине 1930-х годов инициировало закон, позволяющий «беловоротничковым» служащим объединяться

[76] Esping-Andersen G. Op.cit., p. 134.

[77] Панкин Б. Шведский дом и его обитатели. М., 2003.

book-7_RAN_BLOK.indd 50 02.11.2009 17:34:47

в профсоюзы. И это послужило тому, что наемный труд в Швеции стал одним из наиболее сплоченных и организованных в мире.

В обмен на согласие предоставить господдержку сельскому хозяйству партия Центра согласилась поддержать не только социальные программы социал-демократов, но и вдохновленную теорией Кейнса политику полной занятости, финансируемую через бюджетный дефицит. Идеи серьезного государственного вмешательства не встречали у представителей шведских средних слоев сколько-нибудь серьезных возражений — в силу экстраординарной концентрации крупного капитала возможности для малого бизнеса были почти полностью перекрыты и мелкие собственники довольно быстро пролетаризировались, соответственно, не было почвы для либеральных идей, сводящих роль государства к «ночному сторожу». Это позволило социал-демократам отменить принцип сбалансированного бюджета и пассивного правительства. В итоге Швеция стала первой страной, в которой правительство сознательно пошло на реализацию кейнсианской социально-экономической политики.

Группа экономистов, ранее работавших в рамках профсоюзного движения, среди которых был будущий нобелевский лауреат Г. Мюрдаль, подталкивала социал-демократическое правительство к реализации планового подхода в экономике. И постепенно руководство СДП с министром финансов Вигфорсом в первых рядах начало продвигать идеи планирования госинвестиций, влияния правительства на решения экспортирующих отраслей, координации государственных ресурсов с целью реализации политики полной занятости, усиления социального контроля над частным капиталом.

Эти подходы заместили собой прежнюю идею национализации. В программе социал-демократической партии 1944 года ставились задачи достижения полной занятости, более равномерного распределения доходов и более высокой экономической эффективности, и указывалось, что для достижения этих целей государству следует расширить участие в планировании инвестиций, усилить свое влияние на экспортный сектор, реорганизовать систему социального обеспечения. Последнее предполагало создание государства всеобщего благосостояния, принимающего на себя ответственность за поддержание соответствующего, адекватного экономическим возможностям страны, жизненного уровня и социально-экономическую безопасность

book-7_RAN_BLOK.indd 51 02.11.2009 17:34:47

всех индивидов и домохозяйств. Модель такого государства включала, во-первых, создание эффективной «сети безопасности», предохранявшей каждого члена общества от попадания в крайнюю бедность; во-вторых, организацию системы немедленной помощи для тех, кто по разным причинам оказался в острой нужде; в-третьих, создание комплекса социальных трансфертов, направленных на выравнивание доходов; и, в четвертых, организацию системы, нацеленной на выравнивание шансов в структуре возможностей.

К 1936 году безработица снизилась до уровня, предшествующего депрессии, и социал-демократы, естественно, использовали этот факт на следующих выборах. Начиная с 1930-х годов, социал-демократическая партия являлась доминирующей партией в Швеции (достаточно сказать о 44 годах ее непрерывного правления), и голосов ее электората было достаточно, чтобы не зависеть от еще чьей-либо поддержки. Это позволяло социал-демократам не идти на компромиссы и достигать заявленных целей, что в свою очередь усиливало их электоральную поддержку.

На фоне снижения безработицы и резкого роста численности членов профсоюзов, социал-демократическое правительство по инициативе Национальной Федерации профсоюзов принудило работодателей к пересмотру датированного 1909 годом базового соглашения о коллективном договоре между профсоюзами и ассоциацией работодателей. В итоге в 1938 году было подписано знаменитое соглашение, представлявшее серьезную модификацию прежнего. Усилившая свою мощь профсоюзная федерация настояла на серьезном ограничении многих прежних прав и прерогатив работодателей: в соответствии с новым соглашением, менеджмент принуждался к консультациям с профсоюзами по вопросам занятости и условий работы — тем самым вопросам, по которым права работодателей в документе от 1909 года были практически беспредельны. Договор также содержал взаимное обязательство профсоюзов и работодателей решать трудовые конфликты в социально ответственной манере и автономно от правительственного вмешательства. Как пишет Эспин-Андерсен, имея рабочую партию при власти, работодатели были рады подписать соглашение, исключающее вмешательство государства в заключение договора и разрешение трудовых конфликтов[78].

[78] Esping-Andersen G. Op.cit., p. 137.

book-7_RAN_BLOK.indd 52 02.11.2009 17:34:47

В первые послевоенные годы социал-демократическому правительству удалось законодательно оформить и ввести в действие большинство из поставленных в повестку дня программ социального обеспечения: жилищные субсидии, детские пособия, медицинское страхование, пенсионную систему. Кроме того, было принято заметно усилившее защиту работников трудовое законодательство. Очевидные достижения в социальной сфере позволили социал-демократической партии в 1960-х годах утверждать: «Всеобъемлющая социальная политика дала растущую защищенность гражданам и возможности для образования и особенно потребления культурных ценностей. Угроза безработицы снизилась... Социальное государство заменило общество массовой бедности, незащищенности и острого классового раскола»[79].

Реализация крупномасштабных социальных программ происходила за счет значительного роста государственных расходов (таблица 8), в котором львиную долю составлял рост социальных расходов — на универсальное соцобеспечение, социальную защиту уязвимых групп, финансирование учреждений здравоохранения, образования, культуры и т.п. (таблицы 9, 10)

Откуда же брались средства? Хотя на вопросе об экономических основах социального государства мы остановимся отдельно, стоит его затронуть и здесь. Во-первых, потому, что Швеция и другие скандинавские страны представляют собой особый случай, как социальные государства, последовательно реализующие модель, предполагающую наиболее масштабные программы поддержки благосостояния граждан. И, во-вторых, потому, что это позволит несколько более подробно остановиться на некоторых широко распространенных мифах, касающихся экономики скандинавских стран.

Таблица 8

Рост государственных расходов в Швеции в 1950–73 гг. (% от ВВП)

	1950 год	1968 год	1973 год
Швеция	22	40	44

Источник: Esping-Andersen G. Social Class, Social Democracy and State Policy. Copenhagen.1980, p. 264.

[79] Панкин Б. Указ. соч. С. 16.

book-7_RAN_BLOK.indd 53 02.11.2009 17:34:47

Сразу после второй мировой войны реформы частично финансировались за счет сокращения крупных оборонных расходов военного периода. Кроме того, в экономике наблюдались высокие темпы роста: конкурентные позиции страны после войны были очень благоприятны — производственная структура сохранявшей нейтралитет Швеции осталась нетронутой, а война принесла большие прибыли. Плюс к тому, предвидя наступление послевоенной рецессии, социал-демократы по рекомендации комиссии Г. Мюрдаля «разогревали» экономику, проводя высокоинфляционную фискальную и монетарную политику. А далее включался механизм перераспределения доходов: на значительный переток финансовых ресурсов из частного в коллективное пользование указывает тот факт, что рост государственных расходов заметно опережал рост ВВП.

На это же указывает и следующее обстоятельство. Говоря об источниках средств, позволивших скандинавским странам достичь феноменального роста государственных расходов, Эспин-Андерсен специально останавливается на двух широко распространенных, но ошибочных представлениях: «Благодаря популярной прессе многие думают, что, во-первых, эти страны если не полностью, то наполовину социалистические, и, во-вторых, что они являются «смешанными экономиками», то есть примерно равной смесью частной и государственной собственности. Однако нет ничего более далекого от истины — роль государственной собственности в этих странах незначительна и на самом деле гораздо меньше, чем в таких бастионах капитализма, как, например, Франция»[80].

Действительно, в Швеции госсобственность составляет примерно 7%, а, например, в Дании еще меньше — 3–5%. При этом госсобственность ограничена инфраструктурой, финансирование которой

Таблица 9

Социальные расходы в Швеции в 1950–73 гг. (% от национального дохода)

	1950 год	1960 год	1966 год	1970 год	1973 год
Швеция	10	14	17	20	23

Источник: Esping-Andersen G. «Social Class, Social Democracy and State Policy». Copenhagen. 1980, p. 265.

[80] Esping-Andersen G. Op.cit., p. 169.

book-7_RAN_BLOK.indd 54 02.11.2009 17:34:47

для частного капитала затруднительно и которая нередко приносит убытки: железные дороги, общественный транспорт, городские инженерные сооружения, почтовая связь и т.п. Не является серьезным источником доходов бюджета и собственность государства на капитал. В общей сложности в Швеции такие неналоговые источники, как государственные предприятия и операции с государственными финансами, приносят государству около 8% всех доходов, а, например, в Дании — всего 3%. Несколько больший объем неналоговых доходов в Швеции связан с тем, что кроме инфраструктурных объектов государству принадлежит одна из горнорудных компаний, а также пакеты акций (в основном миноритарные) в нескольких частных компаниях; введена госмонополия на алкоголь; относительно важным источником также являются государственные кредиты на рынке капиталов.

Таблица 10

Структура государственных расходов в Швеции в 1971 г.

	Доля, %
Непроизводительные расходы	
Управление	7
Соцобеспечение	11
Жилищные субсидии	2
Оборона	16
Всего	36
Производительные расходы	
Образование и научные исследования	24
Инфраструктура	5
Рынок труда	3
Всего	32
Другие расходы	
Здравоохранение	25
Прочие	7
Всего	32
Все государственные расходы	100

Источник: Esping-Andersen G. «Social Class, Social Democracy and State Policy». Copenhagen. 1980, p. 272.

book-7_RAN_BLOK.indd 55 02.11.2009 17:34:47

Поскольку госбюджет в Швеции и других скандинавских странах не имеет значимых неналоговых источников, расходы государства могут расти либо за счет дефицита бюджета, либо за счет налогообложения индивидов и корпораций. Социал-демократическое правительство прибегало в ряде случаев к финансированию государственных расходов через бюджетный дефицит, но очевидно, что это лишь откладывает решение проблемы. Соответственно, остается налогообложение физических и юридических лиц, в рамках которого основное бремя падает на налогообложение индивидов и частных домохозяйств.

Логика подобного выбора объясняется следующим образом. Социал-демократическая модель социального государства предполагает способность государства поддерживать экономический рост и полную занятость: как подчеркивает Эспин-Андерсен, самое слабое место социал-демократов — их потребность в постоянном экономическом росте. Отсюда стоящая перед правительством задача стимулирования инвестиций, которая решается через снижение налогов на корпорации. И действительно, скандинавские страны фигурируют среди наиболее благосклонно относящихся к доходам корпораций[81].

В то же время рост налогов на индивидов и домохозяйства был очень существенным (таблица 11). При этом правительство увеличивало прогрессию налогообложения с тем, чтобы сдвинуть бремя финансирования социальных расходов на более высокодоходные группы.

Когда же рост социальных расходов ускорился до такой степени, что государство уже не могло извлекать необходимые доходы из прямого подоходного налогообложения, не затрагивая при этом средние и низкие доходы (как пишет Эспин-Андерсен, «существуют ограничения на степень, в которой государство может «доить» более высокодоходные группы, поскольку их число в целом весьма незначительно, а противодействие обычно довольно эффективно»[82]), правительство стало сдвигать налогообложение в сторону косвенных налогов на потребление (налоги на роскошь и т.д.), ставших важным источником доходов.

---

[81] Так, в Швеции корпоративные налоги составляют 1,5% ВВП, в Дании — 1%. Для сравнения: в Великобритании — 2,8%, во Франции — 2,1% (Esping-Andersen G. Op.cit., p. 215).

[82] Esping-Andersen G. Op.cit., p. 169.

book-7_RAN_BLOK.indd 56 02.11.2009 17:34:47

Кроме того, правительство преуспело в перекладывании основного бремени финансирования пенсий с индивидуальных налогоплательщиков и государства на работодателей. Говоря об этом, важно заметить следующее: можно было бы ожидать, что работодатели, несущие все более значительную часть бремени расходов, связанных с соцобеспечением, просто переложат этот дополнительный налог на прибыль на своих работников (сокращая их зарплаты и другие выплаты) или на потребителей (повышая цены). Однако ни особого повышения цен, ни заметного снижения заработной платы не происходило. Как полагает исследовавший этот вопрос Линдбек, «по-видимому, это не тот случай, когда работодатель имеет возможность переложить более высокие налоги на работников или потребителей»[83].

При этом заметим, что и в послевоенные годы Швеция оставалась страной с одной из самых высоких в мире концентрацией и монополизацией частного капитала: в 1970-х годах, когда «шведская модель» достигла своего расцвета, 1% держателей акций (а таковых в стране было 8% населения) владел 50% всего акционерного капитала, а 0,1% от всех акционеров — 25% всех акций). Концентрация как производственного, так и финансового капитала шла в течение всех послевоенных десятилетий, например, если в 1920 году в Швеции действовал 41 частный коммерческий банк, то в 1950 — уже 21, а в 1969 — всего 16. Очень большая доля шведского капитала принадлежала горстке семей, среди которых выделялась семья Валленбергов: эта группа контролировала компании, выпускавшие порядка 36% всей промышленной продукции, с числом работников более 400 тысяч человек[84]; одни Валленберги контролировали предприятия с более чем 150-ю тысячами работников[85].

Таблица 11

Налоговые доходы в Швеции в 1950–73 гг. (% ВВП)

	1950 год	1960 год	1966 год	1970 год	1973 год
Швеция	25	30	37	41	41

Источник: Esping-Andersen G. «Social Class, Social Democracy and State Policy». Copenhagen. 1980, p. 288.

[83] Lindbeck A. The Welfare State. Aldershot, Hants, 1993, p. 88.

[84] Численность населения Швеции около 8 млн. человек.

[85] Esping-Andersen G. Op.cit., p. 169–172.

book-7_RAN_BLOK.indd 57 02.11.2009 17:34:48

Подведем некоторые итоги. Как видим, специфика промышленного развития привела в Швеции к созданию очень сконцентрированного, монополизированного крупного капитала и довольно гомогенного, сплоченного рабочего класса, что, в свою очередь, содействовало росту централизованного профсоюзного движения, организованного на основе отраслевых или общенациональных соглашений. В рамках такой классовой структуры конкуренция внутри каждого класса была минимизирована, и потому капитал и труд противостояли друг другу в прямой и ясной форме — «шведское рабочее движение могло достаточно легко выйти на прямые переговоры с горсткой представителей капитала, а шведский крупный капитал был склонен к корпоративистским формам принятия политических решений, и это послужило развитию в Швеции политического соглашения между организованным трудом и монополистическим капиталом»[86]. Союз с хорошо организованной стратой «белых воротничков», множащейся в условиях быстрого сокращения сельской и городской мелкой буржуазии, позволил социал-демократам реализовать крупные социально-экономические программы. Их успех способствовал дополнительной мобилизации электората, что открыло возможность для осуществления еще более радикальных реформ в направлении создания всеобъемлющей и универсальной системы соцобеспечения. И это вновь позволило упрочить и расширить электоральную базу.

Таким образом, мы наблюдаем диалектическую взаимосвязь между природой классовой структуры и характером социальной политики. Классовая структура определяет возможности социальной политики и ее ограничения. В свою очередь, характер социальной политики определяет масштаб электоральной поддержки тех или иных социальных сил в рамках данной классовой структуры и, соответственно, их властный ресурс, определяющий характер социальной политики.

Важно отметить и другое. Мы видим, что монополизм в экономике не обязательно является препятствием серьезному социальному прогрессу, однако лишь при наличии в обществе иных соизмеримых центров силы. Стремление крупного капитала, мощных хозяйствующих субъектов к захвату большей доли рынков, уста-

[86] Esping-Andersen G. Op.cit., p. 175.

book-7_RAN_BLOK.indd 58 02.11.2009 17:34:48

новлению над ними полного контроля и извлечению за счет этого сверхприбыли — процесс естественный и потому вечный. Если при этом монополиям не противостоит нечто иное, столь же организованное и сплоченное, но имеющее собственные альтернативные цели, монополии действительно способны стать чрезвычайным злом, паразитирующим на своем исключительном положении и душащим другие сектора экономики. Когда же монополиям противостоит сильное, преследующее собственные, конструктивные цели общество, то у государства возникает возможность путем надлежащего регулирования монополий и перераспределения сверхприбыли использовать положительные эффекты, связанные с концентрацией в монополиях капитала, организационных и интеллектуальных ресурсов, на благо общего социально-экономического развития, и в то же время нивелировать издержки от монополизации для других секторов экономики.

Становление социального государства в США

Путь, пройденный американским государством к достижению нынешнего уровня социальности, весьма извилист и тесно связан с движением экономики США к той степени государственного вмешательства, что мы наблюдаем сегодня.

Как указывает А. Шлезингер, вопреки сложившимся мифам, экономические воззрения творцов американской революции в своей основе были прямой антитезой идей А. Смита: «нравственность ставилась выше коммерческой выгоды, а общее благоденствие — выше индивидуального богатства, поскольку предполагалось, что всепоглощающая забота о личных интересах приводит к социальной деградации»[87]. Один из самых дотошных исследователей экономической политики в первые годы существования республики писал, что в США трудно найти решительных сторонников свободного предпринимательства в традициях XVIII века, но еще труднее обнаружить

[87] Шлезингер А.М. Циклы американской истории. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – С. 312. Следует заметить, как это впоследствии делает и сам Шлезингер, что и Адам Смит полагал необходимым ограничить реализацию личного интереса нравственными заповедями. Как пишет Шлезингер, «Богатство народов» немыслимо без «Теории нравственных устоев». По-видимому, в рассматриваемом случае Шлезингеру было важно подчеркнуть неприятие основателями США идеи о конечной полезности для общества следования личному коммерческому интересу.

book-7_RAN_BLOK.indd 59 02.11.2009 17:34:48

сколько-нибудь заметное отражение теории экономического либерализма в законодательстве[88].

И действительно, хотя один из отцов-основателей США Т. Джефферсон и считал книгу А. Смита «лучшей книгой нашего времени по политэкономии», став президентом, он практически никак не изменил доставшуюся ему правительственную структуру и неоднократно предлагал Конгрессу использовать имеющиеся полномочия или внести поправки в конституцию для финансирования за счет растущих федеральных доходов строительства дорог, каналов, а также народного образования и прочих основных компонентов национального благосостояния и единства. Традицию поддержал президент Адамс, который, заявив в своем первом обращении к Конгрессу, что главная цель гражданского правительства как института заключается в улучшении условий жизни тех, кто является участником общественного договора, предложил передать правительству контроль над путями сообщения, общественными работами и общим развитием промышленности, а также основать национальные университет и обсерваторию.

Действительно, основным источником финансирования американской инфраструктуры был государственный бюджет: если в Великобритании большая часть железных дорог и каналов была построена на частные средства, то в США 70% расходов на строительство каналов и 30% (а в южных штатах — 75%) расходов на железные дороги — на бюджетные. Причем связано это было не только с нехваткой частного капитала в тогдашних США или нежеланием предпринимателей инвестировать в рискованные проекты, но и с соображениями принципиального характера: как, например, указывалось в одном из официальных документов, «каналы, будучи общественными сооружениями, должны приносить максимальную пользу обществу; частная же компания будет заинтересована лишь в получении наибольшей прибыли»[89].

Что касается корпораций, то в начальный период перехода к индустриальной экономике они в силу своей природы рассматривались как общественный институт и соответствующим образом законодательно регулировались: им устанавливали пределы процентных

[88] Johnson E. The Foundation of American Economic Freedom: Government and Enterprise in the Age of Washington, Minneapolis, 1973.

[89] Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 320.

book-7_RAN_BLOK.indd 60 02.11.2009 17:34:48

ставок, размер дивидендов и т.п., а также продолжительность рабочего дня, условия труда, в том числе использование детского труда.

Таким образом, можно говорить о широкой общественной поддержке идеи государственного участия в социальной и экономической сферах. Дискуссии шли лишь о целесообразности тех или иных мер и связанных с ними расходов.

Однако в 1830–40-е годы, когда накопления в частном секторе стали уже существенными и потребность в общественных средствах резко уменьшилась, плюс изменилась сама природа корпоративных институтов, идеологические установки бизнеса серьезно изменились. Стремящиеся избавиться от жестких рамок госрегулирования, прибыльные компании стали постепенно отходить от концепции частного предпринимательства под опекой государства и обнаружили массу достоинств в теории, провозглашавшей лучшим то правительство, которое меньше управляет. При этом новый моральный статус обрело и понятие личного интереса.

Противодействие государственному регулированию со стороны усилившихся корпораций привело к конфликту с центральной властью. Политическая философия тогдашнего президента Джексона исходила из того, что свободная республика может существовать лишь при условии, что демократическое государство обладает большей властью, нежели сконцентрированный в частном владении капитал. Невмешательство государства в экономику отвечало общественным интересам лишь до тех пор, пока широкое рассредоточение собственности в аграрной стране гарантировало свободному землевладельцу независимость и достаток. С ростом промышленности и возникновением частных корпораций государство обрело новую функцию по обеспечению общественного благосостояния.

Наблюдая за социальными последствиями индустриализации, даже самые убежденные сторонники опоры на собственные силы корректировали свое отношение к государству: так, настаивая на реформах, Эмерсон писал, что «государство предало забвению свою подлинную задачу», так как отошло от «исполнения своих главных обязанностей... наставлять непросвещенных, давать бедным работу, быть посредником между спросом и предложением»[90]. Историк

[90] Эмерсон Р. Эссе.. — М.: Художественная литература, 1968. — С. 99.

book-7_RAN_BLOK.indd 61 02.11.2009 17:34:48

джексоновского периода Дж.Бэнкрофт указывал на то, что «свободная конкуренция хороша в международной торговле, но ее ни в коем случае нельзя возводить в принцип отношений между людьми в силу того нечестивого воздействия, которое она оказывает на тружеников», и предвещал наступление «лучших времен, когда человеческое общество признает всех членов достойными заботы в равной степени; когда перепроизводство, порождающее атмосферу всеобщего бессердечия среди нужды, уступит место науке распределения»[91].

Окончательную победу идея свободного от какого-либо регулирования предпринимательства одержала после гражданской войны: США вступили в период устойчивого экономического роста, и в этих условиях крупный капитал настоял на отказе от вмешательства государства во всех его формах — от непосредственного регулирования до применения налоговых инструментов. «Если вообще можно говорить о какой-то теории в стране, обходящейся без всяких теорий, — писал Брайс в 1888 году в своей работе «Американская республика», — то ортодоксальная теория экономического либерализма составляет ныне основу как федерального законодательства, так и законодательства штатов»[92]. В то же время, исключая государственное вмешательство, крупный капитал вполне допускал для себя государственную помощь: правительство принимало выгодные корпорациям тарифы, суды выносили бесконечные решения против профсоюзов, против фермеров, против потребителей и т.д.

В обоснование использовались идеи манчестерской экономической школы и теория Дарвина. Ссылаясь на эволюционное учение, теоретики неограниченного экономического либерализма делали вывод о том, что выживание в свободной конкуренции на рынке наиболее приспособленных является гарантией прогресса. Корпорация и предприниматель стали священными и неприкосновенными субъектами экономической деятельности: как подчеркивает Шлезингер, именно в эти годы в массовом сознании был укоренен миф о роли частного предпринимательства в развитии американской экономики.

Лицемерная трактовка либерализма вызывала протест со стороны блюстителей идеи чистого частного предпринимательства. Так, У. Самнер писал: «Протекционизм — это социализм. Если работодатели требуют

[91] Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 329.

[92] Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 333.

book-7_RAN_BLOK.indd 62 02.11.2009 17:34:48

от государства гарантий своей прибыли, то почему бы рабочим не потребовать, чтобы то же государство гарантировало им заработную плату? Доводы предпринимателей, считающих, что государство должно им както помочь, поскольку их предприятия не приносят достаточной прибыли, можно трактовать и расширительно. Если с точки зрения делового мира это справедливо, скажем, в отношении производителей чугуна и шерсти, то с точки зрения социалистов это справедливо в любом случае»[93].

Особенно тяжелые социальные последствия вызывали повторявшиеся с интервалом в 20 лет экономические кризисы, которые всегда сопровождались призывами к вмешательству государства. В период, когда большая часть населения была занята в сельском хозяйстве и самообеспечивалась, подобные призывы можно было игнорировать. Считая экономическую депрессию не зависящим от воли человека стихийным бедствием, руководители государства не видели иного лекарства от депрессии, «кроме времени и терпения» — как, например, президент Адамс в 1819 году. В 1837 году в разгар кризиса президент Ван-Бюрен заявил в Конгрессе, что «все слои населения, похоже, ждут от правительства слишком много». В 1857 году на фоне депрессии президент Бьюкенен сказал, что «федеральное правительство не в состоянии принять сколько-нибудь эффективные меры против бедствий, периодически обрушивающихся на страну». Во время следующего кризиса в 1873 году президент Грант чуть было не впал в «опасную ересь», задумавшись над мерами поддержки безработных, но был остановлен своим окружением[94]. В 1893 году, когда кризис, вновь охвативший экономику США, вызвал резкий рост безработицы, президент Кливленд с негодованием говорил о «распространенных в народе беспочвенных ожиданиях от правительства каких-то особых индивидуальных благ... Это народу надлежит проявлять патриотизм и готовность поддержат правительство, тогда как в функции правительства вовсе не входит оказание помощи народу»[95].

---

[93] Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 335.

[94] «Мы выдержали настоящий бой, — писал об этом Дж.Гарфильд, — прежде чем отговорили президента от его неразумной идеи ассигновать за счет казны значительные средства на организацию общественных работ с целью занять безработных. Министр финансов и я совместными усилиями убедили его отказаться от этой затеи, доказывая, что единственным лекарством в данном случае являются экономия и бережливость» (Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 336).

[95] Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 335–336.

book-7_RAN_BLOK.indd 63 02.11.2009 17:34:48

Однако все больше американцев постепенно приходили к выводу, что в условиях индустриализации, создавшей класс крупных собственников и неимущего рабочего класса, догмы аграрной эпохи о свободном предпринимательстве не только утратили значение, но даже стали опасными для демократии. Еще в 1870 году Г. Адамс писал о превращении гигантских корпораций «в империи внутри республики, правители которых обладают большей властью, чем правительство в любом независимом государстве»[96]. В связи с этим начали возникать разнообразные движения (фермерское, антимонопольные и антитрестовские, движения за улучшение качества жизни и др.), направленные на борьбу с издержками индустриализации и урбанизации. «Мы полагаем, — говорилось в платформе популистов 1892 года, — что полномочия правительства как органа, представляющего интересы всех граждан, необходимо расширить... чтобы положить конец угнетению, несправедливости и бедности в нашей стране»[97]. В некоторых штатах прогрессисты выигрывали губернаторские выборы и получали большинство в законодательных собраниях — как, например, в штате Висконсин[98], где губернатором стал лидер всего прогрессистского движения Р.М. Лафоллетт, или в Нью-Джерси, где губернатором стал прогрессист Вудро Вильсон — будущий американский президент. Социальный прогресс через усиление социальной ответственности корпораций виделся Вильсону способом сохранить фундаментальные устои американской системы: «Если бы я не считал, что задача прогрессиста состоит в сохранении наших коренных институтов, то я бы никогда не был прогрессистом», — пояснял он[99].

Активизация общественного протеста оказала определенное воздействие на федеральное и региональное законодательство: был принят антитрестовский закон Шермана (1890 г.); в штатах, контролировавшихся прогрессистами, создавались комиссии, занимавшиеся вопросами улучшения условий труда, здравоохранения и повышения жизненного уровня малообеспеченных граждан. По мнению

[96] Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 337.

[97] Hofstadter R. The American Political Tradition, N.Y. 1948, p. 164.

[98] Кроме того, Висконсинский университет стал научно-теоретической и методологической базой всего прогрессистского движения. Его сотрудники широко привлекались правительством штата к работе органов управления в качестве экспертов.

[99] Яковлев Н.Н. Преступившие грань. . — М.: Международные отношения, 1970. — С.13.

book-7_RAN_BLOK.indd 64 02.11.2009 17:34:48

У. Брока, именно в этот период были заложены идейные основы будущего социального государства[100].

По мере роста и усиления корпораций федеральная власть также продвинулась в сторону пересмотра своего отношения к необходимости активного государственного вмешательства. Президент Теодор Рузвельт не только заявил о том, что «процесс централизации уже охватил наш бизнес, и контроль за этой безответственной и антиобщественной силой может осуществляться в интересах всего народа лишь одним способом — предоставлением надлежащих полномочий единственному институту, способному ими воспользоваться — федеральному правительству»[101], но и перешел от слов к делу. Он стал первым президентом, принявшим меры против очередной депрессии: в дни банковской паники 1907 года федеральное правительство понизило процентные ставки и увеличило эмиссию денег. Более того, он посягнул на неограниченность права частной собственности: «Собственность каждого человека, — заявил Т. Рузвельт в 1910 году, подчинена общему праву коллектива регулировать ее использование в той степени, в какой этого может потребовать общественное благо»[102].

В том же году следующий президент США, а тогда губернатор В. Вильсон, выступая на банкете банкиров в Нью-Йорке, сказал: «Беда в том, что вы, банкиры, узколобы. Вы не знаете страны, что происходит в ней, а страна не доверяет вам. Вы, банкиры, не видите дальше своих непосредственных интересов. Вам следует шире взглянуть на вещи и усмотреть, что лучше для страны в конечном счете»[103]. Выдвинутый в 1912 году кандидатом в президенты от демократической партии, Вильсон продолжал призывать крупный капитал к социальной ответственности: «Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что страна охвачена серьезнейшим недовольством? Можно ли сомневаться, что есть все основания для этого недовольства? И вот какие: сложилось нетерпимое положение... В последние годы наше правительство контролируется главами крупнейших корпораций... Средний класс выжимается все больше и больше в результате процес-

---

[100] Brock W.R. Investigation and Responsibility: Public Responsibility in the United States, 1865–1900, Cambridge, England, 1985.

[101] Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 339.

[102] Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 340.

[103] Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 7.

book-7_RAN_BLOK.indd 65 02.11.2009 17:34:48

сов, которые мы называем процветанием...Мы все в лапах безжалостной громадной экономической системы...Законы страны не защищают слабых от сокрушения сильными... Буржуазная демократия исчерпывает свои возможности в обстановке открытой политической коррупции. Люди говорят: «Мы голосуем, нам предлагают нужную платформу, мы выбираем человека, стоящего на этой платформе, и ничего не получаем. Какой смысл в голосовании? Мы знаем, что машины обеих партий субсидируют одни и те же люди, и поэтому бесполезно обращаться к любой из них». «Разве вы не знаете, — продолжал он, — что весь народ считает: что-то делается неверно. И это дает возможность бессовестному человеку встать и сказать: «Вот — дорога. За мной!» и повести по пути разрушения. Если так случится, тогда мы окажемся на пороге революции, да мы и стоим перед лицом революции»[104].

Став президентом, Вильсон в 1912 году заявил: «Без постоянного и решительного вмешательства правительства нам не добиться справедливости во взаимоотношениях между гражданами и столь могущественными институтами, как тресты»[105]. В результате в 1914 году был принят антитрестовский закон Клейтона, а также закон, вводивший скромную систему кредитования в сельском хозяйстве, восьмичасовой рабочий день на железных дорогах национального значения[106]. В период первой мировой войны правительство осуществляло контроль за производством и потреблением продуктов питания, добилось расширения производства и даже национализировало железные дороги, телеграф и телефонную сеть. Как пишет Шлезингер, «никто, будучи в здравом уме, не стал бы искать спасения в laissez-faire и свободном рынке в момент, когда на карту было поставлено само существование нации»[107].

Тем не менее, ряд мер не прошел — пределы социального законодательства определил Верховный суд, например, отменивший проведенный Вильсоном закон о запрете детского труда в промышленности как неконституционный. Против политики Вильсона, которую он позднее в своих мемуарах назвал «дорогой от революции»[108], сфор-

[104] Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 7–8.

[105] Wilson W. The New Freedom, Englewood Cliffs, N.J., 1961.

[106] Перед лицом угрозы всеобщей забастовки железнодорожников.

[107] Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 341.

[108] Мемуары В. Вильсона так и назывались — «Дорога от революции».

book-7_RAN_BLOK.indd 66 02.11.2009 17:34:48

мировалась мощная оппозиция, полагавшая его предостережения о революции преувеличенными и, соответственно, не видевшая оснований всерьез чем-либо поступаться. В итоге крупный бизнес выправил его политику, вернувшись к «нормальным временам».

Сам же Вильсон не переставал размышлять о необходимости социального переустройства. В 1918 году, на фоне революции в России и революционных выступлений в Европе, он писал: «Следующий президент должен быть способен мыслить в масштабах всего мира. Ныне таким масштабом обладают только рабочие лидеры, которые связаны с рабочими движениями. Мир радикально изменится, и я убежден, что правительства должны будут осуществить многое, что ныне выпадает на долю отдельных лиц и корпораций. Я убежден, например, что многие правительства должны будут взять себе все основные естественные ресурсы... водную энергию, угольные шахты, все залежи нефти и т.д. Я говорю об этом именно потому, что не являюсь социалистом. Я думаю, что единственный путь предотвратить коммунизм — провести меры в таком духе»[109]. Одна из последних опубликованных в печати статей Вильсона (1923 г.) называлась «Как избежать революции?», где он, думая, разумеется, о Соединенных Штатах, анализировал причины русской революции: «Почему случилась революция в России? Единственный ответ: она была продуктом всей социальной системы... Революция была результатом систематического лишения громадного большинства русских прав и привилегий, которых жаждут все нормальные люди»[110].

Экономический бум 1920-х годов, возродив веру в саморегулируемую экономику, вновь оживил миф о том, что своим развитием Америка обязана неограниченной свободе частного предпринимательства. Но вскоре именно свободный от государственного вмешательства рынок привел экономику к очередному кризису — тяжелейшему из всех. Причем пострадавшими оказались не только промышленные рабочие, но и многочисленные представители среднего класса. О том, сколь серьезным было падение уровня жизни населения, можно судить по документальным кадрам того периода: в многочасовых очередях за бесплатным супом выстраивались люди в добротных пальто и шляпах — вчерашние владельцы мелких фирм и беловоротничковые служа-

[109] Woodrow Wilson and the World of Today, Philadelphia, 1957, p. 63.

[110] Яковлев Н.Н. Указ.соч. С. 25.

book-7_RAN_BLOK.indd 67 02.11.2009 17:34:48

щие[111]. Тем не менее, когда показатель безработицы приблизился к 25%, президент Гувер отказался предоставить безработным государственную помощь: «Единственной функцией правительства, — заявил Гувер осенью 1931 года, — сейчас является создание условий, которые бы благоприятствовали бы развитию частного предпринимательства»[112].

Однако были и иные мнения. В том же году Франклин Рузвельт, тогда губернатор штата Нью-Йорк, выступая в законодательном собрании штата, заявил: «Я считаю, что в настоящий момент наше общество должно вменить в обязанность правительству спасение от голода и нищеты тех сограждан, которые сейчас не в состоянии содержать себя». Год спустя, когда в США было 17 миллионов безработных, Ф. Рузвельт, баллотируясь в президенты, говорил, что «те, кто, наблюдая безмерные страдания людей, уповает на принцип laissez-faire, в отличие от него предпочитают верить скорее в незыблемость экономических законов, чем в способность человека контролировать творения рук своих»[113].

В противовес саморегулирующейся экономике Рузвельт выдвинул идею «баланса интересов» основных социальных сил на основе общего интереса — «процветания нации». «Я имею в виду, — пояснял Рузвельт в 1932 году, — не всеобъемлющее регламентирование и планирование экономической жизни, а необходимость властного вмешательства государства в экономическую жизнь во имя истинной общности интересов не только различных регионов и групп населения нашей великой страны, но и между различными отраслями ее народного хозяйства». Под сочетанием интересов он подразумевал сотрудничество правительства с бизнесом в промышленности и сельском хозяйстве, имеющее целью приостановление дефляции, снижение уровня безработицы и увеличение доходов населения. Рузвельт особо подчеркивал, что абсолютный приоритет должен быть отдан интересам всего общества: «Каждой социальной группе надлежит осознать себя частью целого, звеном общего плана»[114].

---

[111] Подобные кадры можно было недавно увидеть в рамках ретроспективного показа фильмов Ч. Чаплина на канале «Культура», предварявшегося рассказом об эпохе создания фильма.

[112] Шлезингер А.М. Указ.соч. С. 342.

[113] Шлезингер А.М. Указ.соч. С. 343.

[114] Drucker P.F. «The New Realities», Oxford, L., 1989. P. 38.

book-7_RAN_BLOK.indd 68 02.11.2009 17:34:48

Со своими идеями Рузвельт первоначально был поддержан немногими представителями крупного бизнеса. Например, отец будущего президента, миллиардер Джозеф Кеннеди, писал в своих мемуарах, что в 1932 году, когда Рузвельт баллотировался в президенты, он был «единственный человек, стоящий больше 12 долларов, кто был за Рузвельта»[115]. В 1936 году, когда противники Рузвельта пытались не допустить его переизбрания, Кеннеди в своем буклете «Я — за Рузвельта», вспоминая кризис 1929–33 годов, писал: «Я не боюсь зафиксировать, что тогда был готов расстаться с половиной своих богатств, если мог быть уверен, что в условиях закона и порядка сохраню вторую половину»[116]. И пояснял свою логику: если не улучшить положение трудящихся, революция неизбежна — ибо зачем голодному избирательное право?[117] В момент, когда в Европе набирали силу германский фашизм и советский коммунизм, слова Кеннеди о революции уже не казались его коллегам по бизнесу безосновательными.

Да, достижение искомого социального эквилибриума давалось непросто. Так, несмотря на то, что закон Вагнера от 1935 года гарантировал право рабочих на организацию профсоюзов, заключение коллективных договоров с работодателем и на забастовку, реализация этих прав столкнулась с ожесточенным, часто сопровождавшимся насилием, сопротивлением крупного бизнеса. В 1937 году в сталелитейной промышленности была объявлена забастовка с требованием заключить коллективный договор, и заводы компаний «Бетлехем стил» и «Рипаблик стил» были заняты рабочими. В ответ владельцы компаний пустили в ход полицию и наемных охранников, произошли убийства профсоюзных активистов, избиение пикетчиков и другие акты насилия. В начале 1937 года сидячие забастовки охватили автомобилестроительные предприятия, а затем распространились на авиационную промышленность: в марте 1937 года почти 200 тысяч рабочих, занятых на 247 авиазаводах в разных штатах страны, в том числе на авиазаводах компании «Дуглас», принимали участие в

[115] Яковлев Н.Н. Указ.соч. С. 49.

[116] Яковлев Н.Н. Указ.соч. С. 50.

[117] Любопытно, что, по-видимому, руководствуясь правилом «врага нужно знать в лицо», Кеннеди-старший своих сыновей Джо и Джона (будущего президента) отправил учиться в Лондонскую школу экономики, являвшуюся по понятиям тогдашней американской финансовой элиты рассадником социалистических идей, а затем послал Джо знакомиться с Советским Союзом.

book-7_RAN_BLOK.indd 69 02.11.2009 17:34:48

захватах предприятий. Наибольший резонанс в США вызвала борьба Объединенного профсоюза рабочих автомобилестроительной промышленности и крупнейшей американской корпорации «Дженерал моторз», на 69 заводах которой в 1930-х годах было занято 55% из 320 тысяч работников автомобилестроительной отрасли. В связи с угрозой применения насилия силами национальной гвардии рабочие направили телеграмму в адрес губернатора Мэрфи и президента Рузвельта, в которой возлагали на них всю полноту ответственности за возможное кровопролитие при попытке силой изгнать бастующих с занятых ими предприятий. Рузвельт отправил руководству «Дженерал моторз» телеграмму с просьбой встретиться с представителями профсоюза. В итоге был подписан коллективный договор, прекращена судебная процедура против забастовщиков, сделаны другие уступки профсоюзу.

«Новый курс» Рузвельта стал возвратом к традиционным идеям раннего периода становления США о сочетании частных и общественных интересов. Центральным звеном на первом этапе его реализации стал закон о восстановлении промышленности и закон о регулировании сельского хозяйства и оказании помощи фермерам. При этом Рузвельт не считал государственное вмешательство в экономику лишь временным средством, пригодным при чрезвычайных обстоятельствах. В 1944 году в так называемом «Экономическом билле о правах» он изложил программу на будущее, в которой целью провозглашалось гарантированное право на работу, на заработную плату, достаточную для поддержания достойного уровня жизни, право на жилье, медицинское обслуживание и образование, социальное обеспечение в случае безработицы, болезни и старости[118].

И сегодня на фоне мирового финансово-экономического кризиса американская администрация не ограничивается мерами по санации банковских и страховых институтов (включая де-факто национализацию некоторых из них), а также предоставлением крупных кредитов ряду терпящих банкротство корпораций. Используются налоговые льготы и другие меры по увеличению покупательной способности населения. В антикризисную программу включены и реформы в социально значимых областях, в том числе создание с помощью

[118] Шлезингер А.М. Указ.соч. С. 344.

book-7_RAN_BLOK.indd 70 02.11.2009 17:34:48

государства новых рабочих мест и повышение уровня образования. Продвижение в социальной сфере явно понимается как залог экономических успехов — так, план президента Обамы провозглашает: «Мы дадим людям работу на строительстве школ, лабораторий, библиотек для XXI века, чтобы наши дети могли конкурировать с любым работником в мире»[119].

Становление социального государства в Германии

Ранее, прослеживая эволюцию институтов соцобеспечения в Великобритании, мы уже упоминали о том, что английский премьер Ллойд-Джордж специально ездил в Германию знакомиться с созданной в 1883–1889 гг. под руководством канцлера Бисмарка первой в мире системой обязательного социального страхования. Двигателем социальных реформ в Германии в конце XIX века, как, впрочем, и в других промышленно развитых странах, была срочная потребность государства в хотя бы некотором снижении остроты социальных издержек бурного развития капитализма. Как пишет Эспин-Андерсен, «Германия Бисмарка, Великобритания Дизраэли, Италия Джолитти не просто нуждались в безотлагательных социальных улучшениях; правильнее будет сказать, что на карту был поставлен вопрос строительства наций»[120].

Однако катаклизмы начала XX века, Первая мировая война с ее революционизирующим эффектом, а затем и Вторая мировая война, вновь и вновь приводили Германию, как одного из наиболее активных участников всех перипетий мировой истории этого периода, к необходимости решения «социального вопроса».

Упоминание о тяжелейших для Германии последствиях двух мировых войн, без чего не обойтись в исследовании идейного и социально-политического фундамента строительства немецкого социального государства, требует сделать одно замечание, выходящее за пределы этого раздела и имеющее отношение ко всей теме — современному социальному государству. Ведь кроме прочего — в первую очередь, фактора военно-стратегического сдерживания со стороны

---

[119] Богомолов О.Т. Смена курса? Уроки глобального кризиса // Новая и новейшая история. 2009.

[120] Эспин-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. 2006 № 5, С. 25.

book-7_RAN_BLOK.indd 71 02.11.2009 17:34:48

социалистической сверхдержавы — Советского Союза, именно становление во второй половине XX века в промышленно развитых странах социальных государств стало профилактикой глобальных военных конфликтов внутри западного мира. Логика здесь вполне очевидна. Вот как ее излагал Д. Рекорд в 1919 году в своем письме президенту США В. Вильсону, объясняя последнему наивность его ожиданий от создания Лиги наций: «Идея Лиги наций...не затрагивает корней проблемы. Войны вызываются существованием привилегий. В любом современном государстве управляют привилегированные, то есть те, кто контролирует экономику, владея железными дорогами, землями, банками. Таким путем эти люди приобретают громадные и незаработанные капиталы, для которых нет применения в собственных странах, ибо нищета рабочих ограничивает внутренний рынок. Люди, контролирующие эти избыточные капиталы, должны искать для эксплуатации новые страны и народы, а возникающие столкновения эгоистических интересов и приводят к войнам. Войны можно ликвидировать, установив царство справедливости, то есть уничтожив привилегии во всех великих державах. Я не верю, что вам удастся создать механизм для поддержания справедливости в международных отношениях среди правительств, которые отказывают в справедливости собственным народам...»[121]. В этой связи автор письма призывал президента США дополнить его программу в международных делах «социал-демократической программой внутри страны, включая национализацию основных отраслей промышленности и ограничение крупных состояний».

Методологические основы германской модели «социального рыночного хозяйства» были созданы сформировавшейся в 30–40-е годы XX века ордо-либеральной «теорией порядка», унаследовавшей традиции немецкой экономической школы с ее интересом к социальным основам капиталистической экономики и ее институтам.

Одним из лидеров немецкого ордо-либерализма является Вальтер Ойкен. В своих трудах «Основы национальной экономики» и «Основные принципы экономической политики» он выдвинул тезисы о взаимозависимости порядков: политического, экономического (хозяйственного), социального и правового, — а также о необходи-

[121] Яковлев Н.Н. Указ.соч. С. 34–35.

book-7_RAN_BLOK.indd 72 02.11.2009 17:34:48

мости проведения государством политики порядка, заключающейся в организации рынка на основе свободной конкуренции в качестве решающего элемента этого порядка. Поясняя последний тезис, Ойкен писал: «По своему происхождению выделяются хозяйственные порядки двух типов: естественно «выросшие» и «рукотворные». Хотя прежде преобладал первый тип («частная собственность, свобода договоров и конкуренция были теми упорядочивающими принципами, при помощи которых надлежало создать хозяйственный порядок»), в последнее время на передний план все больше выходит второй. Ибо современный индустриализированный мир больше не допускает самопроизвольного «роста» хозяйственных порядков («принцип нерегулируемой свободы договоров создал предпосылки для подрыва механизмов конкуренции»)»[122]. Что же касается его первой, фундаментальной идеи, то ее применение Ойкен описывает следующим образом: «Применяя наш морфологический аппарат, мы осуществляем двойной синтез, а именно соединяем многообразные чистые формообразующие элементы в рамках целого хозяйственного порядка и затем встраиваем хозяйственный порядок в данную природную, духовную, политическую и социальную среду»[123]. Таким образом, ордо-либерализм активно и системно использовал принципы междисциплинарного анализа, критически относясь к модели «homo economicus», сводящей человека к некоему максимизатору полезности на основе сопоставления предельных выгод и предельных издержек независимо от существующего социального и культурного контекста.

Идеи Ойкена развивал его соратник — правовед Ф. Бём, уделявший основное внимание обоснованию взаимосвязи права и власти: только сильное правовое государство может стать гарантом эффективной рыночной экономики, причем сильное государство — это не то, которое раздаёт налево и направо многочисленные привилегии и льготы, а то, что использует политическую власть для создания условий для честной конкурентной борьбы[124].

Сам термин «социальное рыночное хозяйство» был предложен А. Мюллер-Армаком, который в качестве руководителя отдела экономической политики, отвечавшего в Министерстве экономики за

[122] Ойкен В. Основы национальной экономии. М.: Экономика, 1996.

[123] Ойкен В. Указ. соч.

[124] Автономов В.С. и др. (2008). Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 73 02.11.2009 17:34:48

обоснование общей концепции реформ, стремился поставить рыночное хозяйство на службу социальному. Тем самым он пытался реализовать свои идеи о преодолении разрыва между индивидуализмом и коллективизмом, общественными и государственными институтами, которые начал разрабатывать еще в 1930-е годы.

Таков был теоретический фундамент политики Людвига Эрхарда — министра народного хозяйства послевоенной Германии, а затем ее канцлера, получившего всемирную известность в качестве главного архитектора немецкого экономического чуда.

Кратко исследуя опыт построения социального государства в Германии, мы в первую очередь будем обращать внимание на следующее. Во-первых, на состояние национальной экономики в момент, когда реформаторы принимались за решительное социальное переустройство. Во-вторых, на срок, в течение которого были достигнуты грандиозные социально-экономические успехи. И, в-третьих, на четкость, с которой люди, взявшие на себя миссию социальных преобразований, формулировали принципы, имеющие фундаментальное значение для существования социального государства, и, главное, на последовательность, с которой, несмотря на давление разнообразных групп интересов, они претворяли их в жизнь.

Становление немецкого социального государства начиналось в ситуации всеобщего хаоса: старый режим — централизованно-управляемое хозяйство — рухнул, а новый предстал в форме анархии и черного рынка. По итогам второй мировой войны Германия потеряла четверть довоенной территории и была разделена на оккупационные зоны. Производство в начале 1948 года составляло 36% от уровня 1936 года, реальный капитал изношен, инфраструктура разрушена. Огромные людские потери, 12 млн. беженцев, деморализованное войной и разрухой население, которое чувство апатии и безысходности толкало к пренебрежению установленными нормами, карточная система — вот далеко не полный перечень бедствий послевоенной Германии.

Именно на таком социально-экономическом фоне Л. Эрхард декларировал необходимость решительного социального переустройства: «Задолго до того, как я принял на себя управление ведомством по делам хозяйства в первом западногерманском федеральном правительстве[125], я выступил на съезде ХДС в конце августа 1948 года с заявлением, что

[125] При основании ФРГ в сентябре 1949 года.

book-7_RAN_BLOK.indd 74 02.11.2009 17:34:48

я считаю неправильным и нецелесообразным вызывать снова к жизни стародавние представления прежнего порядка распределения доходов и поэтому отказываюсь этому способствовать.... Я исходил из желания окончательно преодолеть старую консервативную социальную структуру путем создания массовой покупательной способности всех слоев населения. При прежнем порядке существовал с одной стороны очень немногочисленный высший слой, который, в смысле потребления, мог позволить себе все, а с другой — численно весьма обширный, но обладающий недостаточно высокой покупательной способностью, нижний слой населения. При реорганизации нашего хозяйственного порядка следовало поэтому создать предпосылки для преодоления этого противоречащего прогрессивному развитию социальной структуры положения и, вместе с тем, и для преодоления, наконец, неприязни между «богатыми» и «бедными»...»[126]. Каким же виделся способ достижения поставленной цели? «Наиболее эффективное средство для достижения и обеспечения благосостояния — конкуренция, — подчеркивал Эрхард, — Она уничтожает все привилегии, не являющиеся непосредственным результатом повышенной производительности труда. Через конкуренцию может быть достигнута — в лучшем смысле этого слова — социализация прогресса и прибыли; к тому же она не дает погаснуть личному стремлению каждого к трудовым достижениям»[127].

Однако поддержание конкурентной среды — чрезвычайно сложная задача: все направленные на повышение благосостояния граждан усилия могут рассчитывать на успех лишь до тех пор, пока конкуренции не чинятся препятствия или она не устраняется вообще искусственными или юридическими манипуляциями. Опасность, что конкуренции могут чиниться препятствия, постоянна и угрожает с разных сторон. «Поэтому, — писал Эрхард, — обеспечение свободной конкуренции — одна из важнейших задач государства, основанного на свободном общественном строе... Если государство спасует в этой области, то вскоре можно будет распрощаться с «социальным рыночным хозяйством». Понятия «Благосостояние для всех» и «Благосостояние через конкуренцию» — связаны неразрывно. Одно является целью, другое — путем, ведущим к этой цели»[128].

---

[126] Эрхард Л. Благосостояние для всех. — М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1991. — С. 6.

[127] Эрхард Л. Указ.соч. С. 8.

[128] Эрхард Л. Указ.соч. С. 15.

book-7_RAN_BLOK.indd 75 02.11.2009 17:34:49

Следуя провозглашенному принципу, Эрхард вскоре после его назначения на пост директора Управления по делам хозяйства (март 1948 г.) принял меры к разработке антикартельного законодательства, которое он называл «ядром социальной рыночной экономики». В проекте закона «Об основах распределения и политики цен после денежной реформы» говорилось: «Поскольку государство не регламентирует обращение товаров и оказание услуг, должен применяться принцип конкуренции. В случае, если образуются хозяйственные монополии, они подлежат устранению, а до этого они должны быть подчинены государственному надзору»[129].

Сложность задачи состояла в том, что правительству необходимо было пройти между Сциллой и Харибдой разнонаправленных групповых интересов: требованиями профсоюзов, нацеленных на ускоренный рост заработной платы, и давлением бизнеса, под разными предлогами пытающегося добиться индивидуальных преференций. Активность последнего, в том числе попытка привлечь на свою сторону средний класс, вынуждала Эрхарда постоянно разъяснять свою «антикартельную позицию»: «Я решительно отвергаю любую форму бюрократически направляемого хозяйства и государственного принудительного хозяйства, и столь же твердо я намерен оказывать сопротивление другим формам коллективного воздействия на экономику. Между государственным и предпринимательским плановым хозяйством нет разницы ни в принципе, ни на практике. Если уж мы хотим, чтобы у нас установился и сохранился свободный экономический и общественный строй, то мы не смеем никому и ни одной группе предоставлять право истолковывать свободу по собственному вкусу и усмотрению и затем ее еще ограничить»[130]. Что же касается утверждения о том, что картели служат благу и защите средних классов, то Эрхард называл его «типичной современной сказкой, в которой нет ни крупинки правды» и подробно пояснял уместность такой нелицеприятной оценки. С учетом актуальности этой дискуссии для современной России, остановимся на аргументации Эрхарда более подробно.

Первый постулат: в условиях наличного платежеспособного спроса все предлагающие товары и услуги хозяйствующие субъекты ведут борьбу за уже заранее установившийся объем покупательной способности.

[129] Эрхард Л. Указ.соч. С. 28.

[130] Эрхард Л. Указ.соч. С. 37.

book-7_RAN_BLOK.indd 76 02.11.2009 17:34:49

Второй постулат: не все отрасли экономики в равной мере пригодны для картельного объединения, а также не во всех в равной степени проявляется готовность и желание объединяться в картели. В сырьевой и тяжелой промышленности, которые производят однотипные товары и где, следовательно, легко осуществить согласование интересов, предрасположенность и способность к объединению в картели уже по чисто техническим причинам гораздо больше. Напротив, чем ближе к области обработки, чем более законченную форму приобретает продукция, и чем шире становится дифференциация товаров, тем труднее достигнуть согласования и тем менее пригодны и эффективны картельные соглашения. Таким образом, только тот стремится к картельному объединению, кто считает, что участием в картеле он может сильнее упрочить свое положение, добиться повышенного дохода и более верного покрытия издержек, чем он мог бы достичь вне картеля. Иными словами, цель стремящихся к картелям — обеспечить себе более значительную долю наличной покупательной способности, чем им причиталась бы на свободном рынке. Третий постулат: того излишка покупательной способности, на который претендуют определенные группы, недоставало бы в других отраслях народного хозяйства. Причем недоставало бы там, где участвуют именно средние классы с их мелкими и средними предприятиями, поскольку предприятия средних классов встречаются главным образом в обрабатывающей промышленности, в области производства товаров широкого потребления, в торговле, в ремеслах. И, наконец, вывод: «Ни на один пфеннинг не увеличивая объем покупательной способности, картели могут увеличить свою прибыль только за счет предприятий средних классов»[131]. Кроме того, конкурентная среда в рамках национальной экономики подготавливала немецкий бизнес к международной конкуренции: «Добросовестный немецкий предприниматель, — пишет Эрхард, — должен уже дома ценить конкуренцию, чтобы не бояться ее на заграничных рынках».

Итак, на старте строительства немецкого социального государства мы видим, с одной стороны, тяжелейшую социально-экономическую ситуацию, и с другой — настойчивое следование власти провозглашенным принципам. Каковы же были результаты? Обратимся к данным о росте доходов населения (таблица 12).

---

[131] Эрхард Л. Указ.соч. С. 56.

book-7_RAN_BLOK.indd 77 02.11.2009 17:34:49

Подобная впечатляющая картина роста благосостояния явилась результатом интенсивного роста промышленного производства (таблица 13), резкого снижения безработицы (таблица 14) и политики перераспределения доходов.

Таким образом, правительству Эрхарда за 10 лет удалось добиться сочетания практически полной занятости и высокой производительности экономики. Канадская газета «Торонто стар уикли», в марте 1956 года посвятившая немецкому экономическому чуду подробную статью, писала: «В июне 1948 года промышленность Западной Германии производила лишь половину того, что производила промышленность на той же территории в 1936 году. Сегодня западногерманская промышленность производит примерно вдвое больше, чем

Таблица 12

Рост дохода народных масс*

Годы	Валовая зарплата рабочих и служащих		Вычеты	Чистый заработок (1–3)	Пенсии и вспомоществования	Доход народных масс (4+5)
	Всего млрд. нем. марок	На каждого работающего нем. марки	млрд. нем. марок			
1950	39,3	2839	5,3	34,0	11,4	45,4
1952	53,5	3560	8,4	45,1	15,0	60,1
1954	63,8	3922	9,7	54,1	17,7	71,8
1955	72,2	4193	11,2	60,9	19,6	80,6
1956	80,8	4473	12,9	67,9	22,0	89,9
Изменения в сравнении с предыдущим годом (в %)						
1955	+13,1	+6,9	+ 16,1	+12,6	+11,0	+12,2
1956						
1 квартал	+14,9	+8,6	+ 16,8	+ 14,6	+ 10,5	+ 13,4
2 квартал	+ 12,8	+ 6,8	+ 18,2	+ 11,8	+ 16,4	+ 12,9
3 квартал	+ 10,7	+ 5,5	+ 15,0	+ 9,9	+ 13,3	+ 10,6
4 квартал	+ 10,3	+ 5,9	+ 11,9	+ 9,9	+ 9,4	+ 9,8

*– Эта и следующие таблицы (включая название) приведены в том виде, какой они имеют в книге Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1991.

book-7_RAN_BLOK.indd 78 02.11.2009 17:34:49

в 1936 году. За истекший год производство выросло, по сравнению с 1954 годом, на 17% и, достигло, таким образом, самого высокого уровня, когда-либо достигнутого в Германии — более высокого уровня, чем в любой другой европейской стране»[132].

Говоря о стремительном экономическом успехе послевоенной Германии, следует остановиться на роли помощи, предоставлявшейся ей США по плану Маршалла, поскольку эта тема нередко всплывала при сравнении результатов немецких и российских реформ в том смысле, что Германия имела серьезную фору.

Действительно, в рамках плана Маршалла и смежных с ним программ «эта широкая и даже великодушная помощь», как говорит о ней Эрхард, составила за период с апреля 1948 по конец 1954 года сумму в более чем 1,5 млрд. долларов. Плюс к ней следует добавить поставки, которые Германия получала еще до начала плана Маршалла из средств GARIOA, и размер которых с 1946 по 1950 год в сумме составил 1,2 млрд. долларов[133]. Но важно заметить, как это сделала та же «Торонто стар уикли»: на каждый доллар, полученный по плану Маршалла, в Германии было произведено на 10–20 долларов продукции! И в этом заключается принципиальная разница с российскими реформами: по линии международных финансовых

Таблица 13

Сравнение международных данных общего промышленного производства (1950 г.=100%)

	1938 г.	**1949 г.**	**1950 г.**	**1951 г.**	**1952 г.**	**1953 г.**	**1954 г.**	**1955 г.**	**1956 г.**
Германия (ФРГ)	107	80	100	119	126	139	155	178	192
Франция	81	99	100	113	118	115	125	137	159
Норвегия	65	88	100	107	108	114	125	129	140
Канада	48	94	100	107	110	117	116	126	134
США	43	87	100	107	111	120	112	124	128
Великобритания	75	93	100	104	101	107	114	121	120
Дания	-	89	100	102	98	102	108	113	113

[132] Эрхард Л. Указ.соч. С. 189–190.

[133] Эрхард Л. Указ.соч. С. 190.

book-7_RAN_BLOK.indd 79 02.11.2009 17:34:49

Таблица 14

Занятость и безработица (тыс. чел.)

Дата	Работающие	Безработные	Всего
30.06.1948	13468	451	13919
30.09.1948	13463	784	14247
30.09.1949	13604	1314	14918
30.09.1950	14296	1272	15567
30.09.1951	14885	1235	16120
30.09.1952	15456	1051	16707
30.09.1953	16044	941	16986
30.09.1954	16831	823	17653
30.09.1955	17807	495	18302
30.09.1956	18610	411	19021
30.09.1957	19003	367	19370

институтов в Россию также поступали немалые деньги, но пошли они не на промышленное развитие, а на демонстративную роскошь российских нуворишей и их зарубежные счета.

Итак, как следует из анализа процесса становления современного социального государства в промышленно развитых странах, важную роль в детерминации реализуемой государством социальной политики играет характер сложившейся социально-классовой структуры и наличие факторов, вынуждающих финансово-промышленный капитал делать шаги в сторону реального, существенного социального компромисса, побуждающих его к превращению в социально ответственного субъекта. Мы видели, что таким фактором в 30–40-е годы XX века — период, когда обществом в целом усваивался идейный фундамент и закладывались институциональные основы государства всеобщего благосостояния – был страх властвующих элит и собственников крупных состояний перед жерновами глобального масштаба — советским коммунизмом и германским фашизмом на фоне набиравших силу социальных движений в собственных странах. Тот самый страх, что заставил миллиардера Джозефа Кеннеди воскликнуть: «Я готов отдать половину своего состояния, чтобы оставить

book-7_RAN_BLOK.indd 80 02.11.2009 17:34:49

другую». Таким образом, те серьезные уступки наемному труду и мелкому предпринимательству, иначе говоря — большинству населения, на которые пошел в те годы крупный капитал, были ничем иным как — воспользуемся здесь названием мемуаров В. Вильсона, в которых излагаются его идеи относительно необходимости социального переустройства капиталистического государства — «дорогой от революции». Можно сказать, что приняв на себя социальную ответственность в широком смысле слова — перед обществом в целом, экономическая элита проявила ответственность, прежде всего, перед своим классом. Капиталистическая система уцелела, потому что нашла ответ на вопрос, сформулированный еще в 1885 году английским политиком Джозефом Чемберленом: «Какие жертвы должна принести частная собственность на алтарь своей неприкосновенности?»[134]. Заметим, что это явно отличается от навязываемых ныне российскому общественному сознанию «святочных рассказов», из которых следует, что социальная ответственность снизошла на крупный западный капитал как благодать (и, соответственно, то же самое без всякого внешнего принуждения может случиться с российским капиталом), и которые ныне, когда «маятник» подачи истории качнулся от бесконечного педалирования классовой темы[135] к ее старательному затушевыванию, воспринимаются весьма некритично.

Мы видели также, что движение в сторону социального государства происходило вместе с продвижением общества под давлением дискриминированных социальных слоев в направлении создания политической системы, обеспечивающей реальное представительство основных групп интересов на уровне принятия политических решений, касающихся фундаментальных вопросов социальной организации, и их институционализации. Этому служило последовательное расширение избирательного права (вплоть до отмены каких-либо имущественных или сословных цензов), в свою очередь открывшее возможность полноценной реализации политических свобод (свободы слова, печати, собраний и т.д.) — необходимого условия осуществления различными социальными силами (в данном случае наемным

[134] Шлезингер А.М. Указ.соч. С. 350.

[135] Как в пародии Г. Хазанова на советского экскурсовода: «О чем нам говорят белоснежные воротнички испанских грандов на картинах старинных мастеров? Они говорят нам о тяжелом труде испанских прачек».

book-7_RAN_BLOK.indd 81 02.11.2009 17:34:49

трудом, мелкими собственниками и т.п.) политической деятельности, позволяющей всерьез бороться за власть и, обретая ее, осуществлять свои программные цели. Возникновение в этих условиях реальной сменяемости власти, то есть приводящей к рычагам государственного управления политические силы иной, вплоть до противоположной, направленности, наличие сильной, дышащей в спину власти, оппозиции, в свою очередь становится фактором, вынуждающим очередную правящую элиту учитывать настроения более широких масс, а не только делегировавших ее групп интересов. Кроме того, будучи в совокупности элементом механизма демократического контроля, все это обеспечивает, во-первых, элементарную добросовестность власти при распоряжении общественными ресурсами и, во-вторых, следование властных элит, какой бы политической направленности они ни были, общенациональным интересам.

book-7_RAN_BLOK.indd 82 02.11.2009 17:34:49

ГЛАВА 2. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

2.1. Экономический механизм наполнения бюджета

Очевидно, что масштабные государственные расходы, львиная доля которых является социальными, должны иметь адекватную доходную базу. Доход может извлекаться государством из неналоговых источников — принадлежащих ему предприятий и другой собственности, а также за счет налоговых отчислений физических и юридических лиц. С учетом того, что государственная собственность в развитых капиталистических странах относительно невелика, основным источником доходов государственного бюджета являются налоги, формирующие до 80–90% его доходов. Перенаправление путем налогообложения части доходов частных организаций и лиц в государственный бюджет с тем, чтобы затем использовать эти средства для финансирования системы социального обеспечения и социальных услуг (здравоохранение, образование, культура), а также реализации мер, направленных на выравнивание уровня жизни различных слоев населения до приемлемой степени социальной дифференциации, собственно, и составляет процесс перераспределения доходов — один из ключевых для социального государства.

При этом, стремясь поощрять рост производственных и научно-технических инвестиций, современные социальные государства стараются проводить политику ослабления налогового пресса на производителей товаров и услуг и создания системы налоговых льгот для инвесторов. Соответственно, основное бремя финансирования государственных расходов ложится на налогообложение индивидов и домохозяйств.

Разумеется, развитые страны используют и иные инструменты поддержки своего инновационного комплекса и передовых производств. Так, государство выступает самым крупным собственником наукоемкого производства и основным потребителем наукоемких технологий; финансирует фундаментальную науку и образование; стимулирует экспортное производство (за счет субсидий, гарантирования частных вложений, предоставления грантов производителям, субсидирования научно-исследовательских работ и т.д.) и поддерживает экспорт напря-

book-7_RAN_BLOK.indd 83 02.11.2009 17:34:49

мую (за счет экспортного кредитования, страхования торговли и инвестиций от экономических и политических рисков, содействия выставочно-ярмарочной деятельности национальных фирм за рубежом и т.д.). Наконец, государство широко использует меры торгово-политического характера по лоббированию интересов национальных производителей на внешних рынках и одновременно играет роль защитника внутреннего рынка от иностранной экспансии.

Но вернемся к налогообложению. При налогообложении физических лиц используются как прямые, так и косвенные налоги. Наиболее важными из прямых налогов являются подоходный налог (например, в общих налоговых поступлениях государственных бюджетов стран — членов ОЭСР доля индивидуального подоходного налога в начале 1990-х годов составляла до 47%), налоги на собственность, наследование и дарение.

Социальный характер процессу перераспределения придает не только направление значительной части бюджетных средств на социальные нужды, но и использование прогрессивной системы налогообложения, в рамках которой налоговая ставка возрастает по мере увеличения дохода или стоимости объекта обложения, а также полное или частичное освобождение от налогов малоимущих граждан. То есть перераспределение осуществляется от экономически более сильных групп к более слабым. Прогрессия ставок налогообложения может быть простой и сложной: при применении простой прогрессии налоговая ставка увеличивается по мере увеличения всего объекта налогообложения; при применении сложной прогрессии объект налогообложения делится на части и каждая последующая часть облагается своей, повышенной, ставкой. Такое ступенчатое налогообложение с резким возрастанием ставки налога на части дохода, размер которых значительно превышает средние доходы, позволяет сдвигать бремя финансирования бюджетных расходов на наиболее высокодоходные группы населения.

Ниже приведены примеры прямого налогообложения физических лиц и домохозяйств в странах, относящихся к различным моделям социального государства[136].

---

[136] Данные о налогообложении в развитых странах см., например, Никитин С. Налог на личные доходы: опыт развитых стран // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №7; Мещерякова О. Налоговые системы развитых стран мира. Справочник. М., 1995; Князев В.Г. Налоги в странах — членах ЕЭС // Финансы 1993. №5; Басов О. Налоговая система США /Русский журнал (www.russ.ru) 15.02.2002.

book-7_RAN_BLOK.indd 84 02.11.2009 17:34:49

В Германии, реализующей корпоративистскую модель социального государства, подоходный налог взимается по прогрессивной шкале, минимальная ставка — 19%, максимальная — 53%, при этом существует необлагаемый налогом минимум, регулярно пересматриваемый в сторону повышения[137]. Кроме того, имеются налоговые льготы, связанные с наличием детей, чрезвычайными обстоятельствами (болезнь, несчастный случай), пожилым возрастом (для лиц в возрасте от 64 лет необлагаемый минимум увеличивается). Максимальная ставка налога применяется к гражданам, чей доход превышает 120 тыс. немецких марок для одиноких граждан и 240 тыс. немецких марок для семейной пары (таблица 15).

Налог на наследство и дарение в Германии также взимается по ставкам, дифференцированным в зависимости от стоимости приобретаемого имущества и степени родства; существует и не облагаемая налогом сумма, различная для разных категорий: для супругов она составляет 250 тыс. немецких марок, для детей — 90 тысяч, внуков — 50 тысяч, братьев и сестер — 10 тысяч марок.

Ставка налога на имущество для физических лиц равна 1,0%. Необлагаемый минимум для физических лиц равен 70 тыс. марок; если налогоплательщику исполнилось 60 лет или он на три года полу-

Таблица 15

Подоходное налогообложение физических лиц в Германии

Тарифная зона	Налогооблагаемый доход, немецкие марки		Ставка налога, %	
	Одинокие	Семейные	Одинокие	Семейные
	0–12095	0–24191	0	0
Первая зона лимитной прогрессии	12096–55727	24192–111455	25,9	33,5
Вторая зона лимитной прогрессии	55728–120041	111456–240083	33,5	53,0
Высшая зона лимитной прогрессии	Свыше 120042	Свыше 240084	53,0	53,0

[137] Например, в 1997 году он составил 12095 немецких марок для одиноких граждан и 24191 немецких марок для семейных; в 1998 году, соответственно, 12365 DM и 24731 DM, а в 1999 году — 24731 DM и 26135 DM соответственно.

book-7_RAN_BLOK.indd 85 02.11.2009 17:34:49

чил инвалидность, то необлагаемый минимум увеличивается еще на 30 тыс. марок.

Благородные металлы, драгоценные камни, монеты и т.д. облагаются налогом в случае, если их стоимость свыше 10 тыс. марок, украшения и предметы роскоши — свыше 10 тыс. марок, произведения искусства, коллекции — свыше 20 тыс. марок.

Во Франции, которую, как и Германию, относят к социальному государству корпоративистского типа, подоходный налог с физических лиц также взимается на основе прогрессии: максимальной ставкой в 56,8% облагаются доходы, превышающие 246,8 тыс. франков; необлагаемый минимум равен 18,1 тыс. франков. Серьезным источником доходов бюджета во Франции являются взимаемые с использованием прогрессивной шкалы налоги на собственность (таблица 16). При этом оговаривается, что сумма подоходного налога и налога на собственность не должна превышать 85% всего дохода.

В Швеции, представляющей социал-демократическую модель социального государства, подоходный налог взимается в прогрессии со ставками от 5 до 45%. До налоговой реформы 1990-х годов шведская налоговая система характеризовалась очень высоким уровнем налогов (номинальная ставка подоходного налога колебалась от 35 до 72%), но узкой базой налогообложения. После реформы общенациональный подоходный налог для частных лиц составил 25% для всех доходов, превышающих установленный минимум в 209100 шведских крон[138]. Для доходов ниже этого уровня общегосударственный подоходный

Таблица 16

Налогообложение собственности во Франции

Стоимость имущества, франки	Ставка налога, %
до 4 260 000	0,0
4 260 001 – 6 920 000	0,5
6 920 001 – 13 740 000	0,7
13 740 001 – 21 320 000	0,9
21 320 001 – 41 280 000	1,2
свыше 41 280 000	1,5

[138] данные на 1997 год.

book-7_RAN_BLOK.indd 86 02.11.2009 17:34:49

налог составляет всего 100 крон. Кроме общегосударственного подоходного налога уплачивается местный подоходный налог, составляющий в среднем приблизительно 31%. В другой социал-демократической стране — Финляндии — прогрессия налогообложения также является сложной: минимальные доходы налогом практически не облагаются, если доход превышает определенный минимум, платится муниципальный подоходный налог в 17% — только с суммы, превышающей минимум, затем, если доход является средним или высоким, происходит взимание налога, идущего в бюджет государства, но и здесь повышенной налоговой ставкой облагается только та часть дохода, которая превышает определенную сумму. Например, представитель финского среднего класса обычно платит 17% с одной части своих доходов, 20% — с другой и 50% — с третьей. Разумеется, кроме подоходного налога наиболее важными прямыми налогами в социал-демократических странах являются налоги на собственность, наследование и дарение.

Аналогичная по своей принципиальной организации система налогообложения — с применением сложной прогрессивной шкалы — реализуется в Великобритании, где сочетаются черты либеральной и социал-демократической моделей социального государства. Каждый гражданин имеет право на сумму дохода, необлагаемую налогом (т.н. личную — для одиноких граждан и семейную скидку), ежегодно пересматриваемую с учетом инфляции. Доходы же, превышающие этот уровень, облагаются ступенчатыми налогами (таблица 17).

Налог с дарения в момент осуществления передачи имущества в дар не взимается, но если в течение последующих семи лет даритель умирает, то сделка с дарственной подлежит налогообложению; ставка налога установлена на уровне 40% с суммы имущества более 118 000 ф. ст.

В США — символе либерального социального государства — система налогообложения также основана на прогрессивной шкале со ставками в диапазоне от 15% до 33%, имеющей дискретный характер: каждая более высокая ставка применяется лишь к строго определенной части облагаемой суммы дохода. Налоги с наследства и дарения физические лица платят по ставкам от 18% до 55%, если стоимость имущества превышает 600 тыс. долларов.

Подведем некоторые итоги. Как мы видим, в большинстве развитых стран, являющихся социальными государствами, основным

book-7_RAN_BLOK.indd 87 02.11.2009 17:34:49

источником финансирования расходов государства являются налоги, причем основное налоговое бремя перенесено на доходы и потребление индивидов и домохозяйств. В рамках же подоходного налогообложения эти государства придерживаются так называемой прогрессивной системы налогообложения, при которой налоговая ставка растет по мере увеличения доходов.

Введение подобной системы стало широко практиковаться в развитых странах Запада после Первой мировой войны, и с тех пор время от времени в западных обществах возникают дискуссии по поводу целесообразности сохранения прогрессивной системы налогообложения. С учетом актуальности данной темы для современной России, перешедшей с 2001 года на плоскую шкалу со ставкой в 13%, коротко остановимся на аргументах противников и сторонников налоговой прогрессии. Но при этом сразу оговоримся: несмотря на периодические призывы к переходу на «плоскую» шкалу налогообложения, ни в одной из развитых капиталистических стран, к какой бы модели социального государства они не относились, никаких реальных шагов по замене прогрессивной шкалы «плоским» налогом, когда доходы от минимального до запредельно высокого размера облагаются одинаковой ставкой налога, не происходит[139]. В рамках происходящих время от времени

Таблица 17

Подоходное налогообложение физических лиц в Великобритании

Доход, ф. ст.	Ставка налога, %
Первые 3445	налог не взимается
Низшая ставка с налогооблагаемого дохода, не превышающего 2500	20%
Основная ставка с части дохода в диапазоне от 2501 до 23 700	25%
Высшая ставка для части дохода, превышающей 23700	40%

[139] По сообщению ИТАР-ТАСС, результаты опроса, проведенного американской телекомпанией NBC в 2006 году, показали, что в США за введение одинаковой для всех фиксированной ставки подоходного налога, выступает меньшинство — 39%. Свыше половины — 55% — за прогрессивную шкалу налогообложения (опрос общественного мнения, проведенный по телефону во всех 50 американских штатах, охватил 800 взрослых жителей США).

book-7_RAN_BLOK.indd 88 02.11.2009 17:34:49

налоговых реформ, обусловленных как экономической ситуацией в стране и мире, так и политической конъюнктурой, могут снижаться и повышаться максимальные ставки налогообложения, пересматриваться система льгот и вычетов, но не сам принцип, согласно которому более обеспеченные граждане делают в государственную казну более весомый вклад. Да и периодическое снижение максимальных ставок налогообложения хотя и происходит, но, конечно, не до столь радикально низкого уровня, как это может представляться живущим в современной России. Так, в ходе неоконсервативных налоговых реформ, происходивших с середины 1980-х до середины 1990-х гг., предельные ставки подоходных налогов для физических лиц были действительно снижены, но и после этого составляют в среднем для стран ОЭСР 46,68%. В США в 1970 году выделялось 15 уровней доходов для частных лиц, причем на нижнем уровне подоходный налог составлял 14%, в то время как на верхнем он доходил до 70%. В 1980 году, в период правления президента Р. Рейгана, максимальная ставка индивидуального подоходного налога была снижена с 70% до 28%. Однако, спустя десять лет, в 1990-м году, в условиях кумулятивного нарастания относительного и абсолютного объема бюджетного дефицита, администрация президента Дж. Буша-старшего была вынуждена пойти на повышение ставок подоходных налогов. И сегодня налогоплательщики в США разделены на шесть групп: самые бедные — с доходами 7300 долларов в год платят подоходный налог в размере 10%, а самые богатые — с доходом свыше 350 тысяч долларов в год платят 35%. Кроме того, следует иметь в виду, что относительно низкий уровень налогов в США (а налоги в США, действительно, одни из самых низких в развитых странах: их доля составляет 28% ВВП, в то время как в других промышленно развитых странах этот показатель достигает 38%), компенсируется политикой бюджетного дефицита, восполняемого, в конечном счете, через денежную эмиссию. При этом бремя инфляции национальной валюты с США разделяет и весь остальной мир, производящий в американских долларах до 60% международных расчетов.

Теперь вернемся к спору между противниками и сторонниками прогрессии при налогообложении доходов.

Современная либеральная критика прогрессивного налога выстраивается по нескольким направлениям. Во-первых, либералы считают, что прогрессивное налогообложение неэффективно, пос-

book-7_RAN_BLOK.indd 89 02.11.2009 17:34:49

кольку резко усиливает мотив уклонения от налогов. На это сторонники прогрессии приводят, во-первых, примеры стран с высокими налогами и прогрессивной шкалой, где масштаб уклонения от налогов отнюдь не выше, чем в странах с менее высокими налогами, и, во-вторых, данные исследований, касающиеся мотивов уклонения. Так, в Швеции оценка величины доходов, укрываемых от налогообложения, на основе расчетов по данным национальных счетов использования доходов домохозяйствами показала, что размер теневого сектора — прежде всего, скрытых от налогообложения доходов — остается на относительно постоянном уровне и, несмотря на высокое налоговое бремя, он не больше, чем в других странах Запада[140]. Это совпадает с данными шведского государственного налогового ведомства, согласно которым, эффективность сбора налогов составляет около 99%, причем в недоборе налогов на физические лица приходится одна четверть, а три четверти — на юридические лица[141]. Что касается мотивации налогоплательщиков, то, как показывают данные опросов, большинство респондентов готовы добросовестно платить налоги при условии, что их сограждане будут действовать аналогичным образом, причем, как выясняется, неверие в добросовестное, солидарное поведение остальных налогоплательщиков является для респондентов гораздо более сильным мотивом для уклонения от налогов, нежели представление о том, что их не поймают[142]. Конечно, другим важным фактором законопослушности граждан в налоговой сфере является поддержка населением деятельности государства, финансируемой за счет налогов, и уверенность в том, что и государство выполнит свои обязательства. На механизмах и институтах, формирующих у граждан уверенность, во-первых, в добросовестности самого государства с точки зрения исполнения им своих социальных функций, и, во-вторых, в его способности поставить на место тех, кто пытается уклониться от несения общего бремени по финансированию государственных расходов, и, тем самым, обеспечивающих мотивацию для добросовестного исполнения налоговых обязанностей, мы остановимся ниже: очевидно, что

[140] Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State, Cambridge, 1998, p. 161.

[141] Демократический контроль над государственной властью. Материалы российско-шведского семинара, 21 ноября 1997 года. М.: Посольство Швеции в России.

[142] Rothstein B. Op.cit., p. 166.

book-7_RAN_BLOK.indd 90 02.11.2009 17:34:49

в этом месте вопрос формирования экономической основы социального государства тесно соприкасается с его социально-политической конструкцией.

Кроме того, говоря о неэффективности прогрессивного налога с точки зрения наполняемости бюджета, его противники упускают то обстоятельство, что цель прогрессивной системы налогообложения состоит не столько в том, чтобы увеличить сумму налоговых поступлений, сколько в том, чтобы переложить часть налогового бремени на тех, кто получает более высокие доходы. В некоторых странах, например, в современной Норвегии, высокие ставки подоходного налога для богатых объясняются не столько бюджетными потребностями, сколько приверженностью принципам социального государства с его идеями справедливости и солидарности.

Во-вторых, теоретики либерализма утверждают, что прогрессивная система налогообложения мешает не столько богатым, сколько стремящимся к тому, чтобы стать богатыми — то есть экономической инициативе, что, в конечном счете, оборачивается замедлением экономического развития. Однако существует ряд серьезных свидетельств в пользу того, что прогрессивный подоходный налог никак не мешает экономической эффективности. И самым убедительным примером этого может служить опять же шведская модель, успехи которой ставят под сомнение все доводы либеральных теоретиков. Так, в Швеции доля налогов в ВВП составляет 54,1%[143], в то время как, например, в Германии этот показатель равен 41,2%, в Великобритании — 37,5%, в Испании — 35,6%. То есть, налоги в Швеции, даже на среднеевропейском уровне, очень высокие, и ключевую роль в их структуре играет прогрессивный подоходный налог. При этом шведская экономика успешно конкурирует с гораздо более либеральными версиями европейских государств «всеобщего благосостояния». Например, в 2002 году ВВП на душу населения в Швеции составлял 27310 долларов США, в то время как в Великобритании этот показатель равнялся 26240 долларам; бюджет Швеции имеет профицит в 10 млрд. долларов, а бюджет Великобритании отягощен дефицитом в 26 млрд.[144]. Более того, высказанные одновременно, эти два аргумента против-

[143] Данные на 2001 г.

[144] Taylor-Gooby P. Social change, social welfare and social science, N.Y., L., 1995, p. 57–58.

book-7_RAN_BLOK.indd 91 02.11.2009 17:34:49

ников прогрессивного налогообложения — об усилении уклонения от налогов и препятствовании экономическому росту — входят в противоречие друг с другом. Действительно, либо прогрессивный налог способствует уклонению от налогов и, таким образом, увеличивает экономическую активность, либо он ей препятствует и ведет к стагнации. Но чтобы защитить последний тезис, либеральная концепция должна каким-то образом объяснить шведскую модель.

В то же время сторонники прогрессивного налога доказывают, что прогрессивное налогообложение способствует экономическому развитию в силу присущего этой системе двойного эффекта. Во-первых, снижение (или отмена) подоходного налога для малообеспеченных слоев населения стимулирует платежеспособный спрос на массовые товары и услуги, и это, естественно, способствует росту экономики. С другой стороны, повышенный налог на высокие доходы совместно с существующим в большинстве социальных государств непосредственным налогом на роскошь содействует сокращению масштабов немедленного потребления эксклюзивных товаров и, соответственно, перенаправлению средств в сферу производства, что дополнительно стимулируется льготным налогообложением научно-производственной сферы. Таким образом, происходит одновременно и создание массового платежеспособного спроса, и стимулирование инвестиций, что, несомненно, является благоприятными условиями для экономического развития и роста.

Очевидная несостоятельность претензий экономического характера, выдвигаемых в отношении прогрессивной системы налогообложения, объясняет тот факт, что в конечном итоге неолиберальная критика сводится к возражениям чисто идеологического плана, а именно к утверждению, что прогрессивный налог является репрессивной мерой и мешает реализации индивидуальной свободы. Но здесь следует сразу заметить, что в либеральном понимании индивидуальная свобода несовместима не только с прогрессивным налогообложением, но и с самой идеей социального государства. Так, один из постоянных упреков со стороны неолибералов к универсальному социальному государству состоит в том, что его забота подрывает способность граждан к самостоятельному выбору и реализации жизненной стратегии, иначе говоря — усиливает их зависимость от государства. Однако и в отношении претензий этого рода реальная

book-7_RAN_BLOK.indd 92 02.11.2009 17:34:50

практика оказывается не на стороне противников эффективного перераспределения доходов.

Как следует из анализа эмпирических данных, на самом деле этот упрек в адрес универсального социального государства следует повернуть в сторону селективной модели социальной политики. Дело в том, что в отличие от характерных для селективной социальной политики социальных программ, основанных на проверке нуждаемости, и этим создающих долгосрочную зависимость и подчиненность реципиента бюрократическим требованиям в отношении его образа жизни, универсальные программы приводят к обратному эффекту, то есть увеличивают автономность граждан. За доказательствами обратимся к статистике.

Как следует из таблицы 18, несмотря на тот факт, что в середине 1980-х годов США имели более высокий и более стабильный экономический рост, нежели большинство включенных в исследование европейских стран, и, кроме того, более низкий уровень безработицы, доля американских домохозяйств, находящихся в бедности[145], была более чем в два раза больше, чем в любой из европейских стран.

Далее, обсуждая вопрос, действительно ли экономический рост избавляет от бедности, мы еще вернемся к этой таблице, в

Таблица 18

Доля домохозяйств, находящихся в бедности в середине 1980-х годов

Страна/год	Все домохозяйства	Все семьи с детьми	Все неполные семьи с детьми
США (1986)	18,1	23,8	53,3
Канада (1987)	13,9	15,7	48,4
Великобритания (1986)	12,5	16,8	18,0
ФРГ (1984)	6,8	7,9	8,9
Нидерланды (1987)	7,6	7,3	7,5
Франция (1984)	9,9	10,4	15,8
Швеция (1987)	8,6	5,1	5,5

Источник: Rothstein Bo «Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State», Cambridge, 1998.

[145] Определены как домохозяйства, получающие меньше 50% от средних доходов по стране.

book-7_RAN_BLOK.indd 93 02.11.2009 17:34:50

данном же случае следует обратить внимание на другой факт. США и Швеция являются странами, лидирующими по числу неполных семей, то есть семей с одним работающим, но, как следует из таблицы, с точки зрения эффекта, который на положение таких семей оказывает реализуемая в них модель социальной политики (универсальная в Швеции и либеральная в США), эти страны занимают противоположные полюса. Как видим, и риск оказаться в бедности для семьи с детьми и одним работающим в США в 12 раз выше, чем в Швеции, и модель американской социальной политики значительно уступает шведской модели по ее способности вывести семьи такого типа из бедности. То есть налицо заметная разница в эффективности социальной политики с точки зрения «помощи бедным». И примечательно здесь то, что селективная модель, идеология которой подразумевает направление средств, взятых на верхних уровнях доходной пирамиды, наиболее нуждающимся группам, является системой менее всего помогающей бедным — напротив, бедные становятся еще более бедными. К тому же, тот, кто оставлен в бедности селективной социальной политикой, имеет гораздо меньше шансов изменить свое положение, чем проживающий в более универсальных социальных государствах — на это указывают данные таблицы 19, в которой представлены доли бедных домохозяйств, вышедших из состояния бедности в результате налогообложения и перечисления социальных трансфертов.

Все это имеет прямое отношение к искомой либералами автономности гражданина, а также к проблемам социальной интеграции. Сравним ситуацию, в которой оказывается неполная семья в рамках селективной и универсальной моделей. В селективной модели одинокая женщина с детьми не может иметь полноценной занятости ввиду отсутствия субсидированных дошкольных учреждений. Не имея полноценной работы, она не платит налоги, то есть не чувствует своей сопричастности к созданию общего блага. Поскольку ее доход зависит от получения социальной помощи, возникает почва как для бюрократического произвола, так и для мошенничества получателя. В итоге такой человек чувствует себя изгоем — и не только потому, что «сидит на пособии», но и потому, что в силу отсутствия полноценной занятости оказывается неполноценным членом общества без естественного для общества чувства сопричастности.

book-7_RAN_BLOK.indd 94 02.11.2009 17:34:50

В рамках универсальной системы ситуация у аналогичной семьи совершенно другая. Кроме прочего, в силу доступности субсидированных дошкольных учреждений, женщина имеет полноценную занятость. Соответственно, она платит налоги, то есть вносит и свой вклад в общее благо. Обычно заработной платы в сочетании с положенными такой семье универсальными социальными пособиями и выплатами оказывается достаточно, чтобы не обращаться за социальной помощью, соответственно, не возникает повода ни для мошенничества, ни для обид на систему. В результате возникает вполне автономный и при этом интегрированный в общество индивид.

Рассмотренные статистические данные и объясняющая их логика делают вполне резонным заключение Б. Ротштейна: «На часто задаваемый вопрос, стоит ли цена, уплачиваемая за реализацию универ-

Таблица 19

Доля бедных домохозяйств (до налогообложения и получения социальных трансфертов), вышедших из бедности в результате налогообложения и трансфертов, %

Страна/год	Доля, %
США, 1979	0,01
США, 1986	-0,5
Канада, 1981	18,3
Канада, 1987	20,1
Великобритания, 1980	33,6
Великобритания, 1986	46,1
ФРГ, 1981	20,3
ФРГ, 1984	36,4
Нидерланды, 1983	61,6
Нидерланды, 1987	61,8
Франция, 1979	46,2
Франция, 1984	51,5
Швеция, 1981	58,7
Швеция, 1987	43,8

Источник: Rothstein Bo «Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State», Cambridge, 1998.

book-7_RAN_BLOK.indd 95 02.11.2009 17:34:50

сальной социальной политики — более высокие налоги для всех, того, чтобы решалась лишь малая толика проблем, можно дать эмпирический ответ: другой метод — селективный — похоже, вовсе не помогает бедным, скорее имеет тенденцию ухудшать их положение»[146].

В заключение, прежде чем перейти к рассмотрению институтов и механизмов, призванных создавать у граждан представление о целесообразности и рациональности добросовестного поведения в налоговой сфере, причем при высоком уровне налогообложения, коротко коснемся еще одного из основных прямых налогов — налога на наследование. Причина обращения к этой теме та же — в современной России ситуация с налогом на наследование принципиально отличается от той, что есть в современных социальных государствах. Из приведенной выше информации следует: какую бы модель социального государства — социал-демократическую, корпоративистскую или либеральную – мы ни взяли, везде этот налог взимается с прогрессией и высокими ставками (до 50% и выше) налогообложения для наследства большого размера. Такой консенсус по поводу налога на наследование в современном, ориентированном на выравнивание жизненных шансов западном обществе, вполне естественен. Еще классик английской политэкономии Дж.Ст. Милль, определив собственность как право человека «на свои способности, на то, что он может произвести с их помощью, и на что бы то ни было, что ему удастся выручить за произведенные им товары путем честного обмена», заключал, что «право наследования в отличие от права оставления наследства не входит в понятие частной собственности». В силу этого оправданность передачи собственности по наследству Милль признавал только в отношении детей, да и то лишь в пределах их «умеренного обеспечения», рекомендуя устанавливать предел тому, что человек «может обрести просто по милости других, без какого-либо применения своих способностей»[147]. В России же, в последние годы превратившейся в основной ресурс пополнения списков журнала «Форбс», принят закон[148], освобождающий наследников крупных состояний от уплаты сколько-нибудь существенной суммы.

---

[146] Rothstein B. Op.cit. p. 23.

[147] Милль Дж.Ст. Основы политической экономии. Т. 1–3. М.:Прогресс, 1980–81.

[148] Федеральный закон № 78-ФЗ от 1 июля 2005 года отменил для близких родственников налог на имущество, переходящее в порядке наследования и дарения. Вступил в силу с 1 января 2006 года.

book-7_RAN_BLOK.indd 96 02.11.2009 17:34:50

Так, еще в 2003 году Правительство РФ внесло в Госдуму проект закона, который дополнял Налоговый кодекс новой главой – «Налог на наследование и дарение». Данный вариант законопроекта предполагал снижение ставок налога: в новой редакции они не превышали 13% и не зависели от стоимости имущества — в отличие от действовавшего закона. Первое чтение в Госдуме этот законопроект прошел в том же 2003 году. В 2004 году Комитет Государственной Думы по бюджету и налогам рекомендовал принять его во втором чтении с учетом предложенных поправок.

Затем в 2005 году в ежегодном послании к Федеральному собранию президент Путин сказал, что «каждый гражданин вправе распорядиться заработанным по своему усмотрению, в том числе и передать по наследству детям», и он «считал бы правильным отменить налог на имущество, переходящее в порядке наследования. Потому что миллиардные состояния все равно где-то спрятаны в офшорах, они здесь не передаются по наследству. А за какой-нибудь садовый домик надо заплатить такие деньги, которые часто человеку не по карману»[149]. Так вопрос с законом о налоге на наследование и дарение вновь был поставлен в повестку дня.

Заметим, что обоснование в пользу отмены налога на наследование или дарение как такового, использованное президентом и подхваченное затем СМИ и парламентским большинством, является весьма характерным. Власть, в других случаях грозно предупреждающая, что «замочит в сортире», «заставит пыль глотать», «пришлет доктора», здесь, вместо мер, во-первых, принуждающих к выведению активов из офшоров, к надлежащей регистрации дорогостоящего имущества, находящегося в России (которого, кстати, тоже совсем не мало), и добросовестной уплате налогов с крупных наследств, и, во-вторых, введения такой системы ставок по этому налогу, чтобы «какой-нибудь садовый домик» не становился непосильным для принятия в наследство обычным человеком[150], предлагает просто взять и отказаться от

[149] Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ. 25 апреля 2005 года http://www.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type63374type82634_87049.shtml.

[150] И еще, кстати, реализации политики, в рамках которой доходы (зарплаты и пенсии) обычных людей не будут столь мизерными, а повседневные расходы, определяемые тарифами на услуги естественных монополий и торговыми наценками на продукты питания, столь значительными. В этом случае плюс при введении адекватной налоговой прогрессии уплата налога не будет столь тяжела для обычного человека.

book-7_RAN_BLOK.indd 97 02.11.2009 17:34:50

одной из выработанных цивилизацией норм развитого мира. Причем подается это как акт справедливости по отношению к простым россиянам, и, кстати, многими из них так и воспринимается...

В 2005 году документ прошел второе и третье чтение в Госдуме и был принят уже под другим названием — «О признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой налога с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения». Таким образом, закон вычищал из российского законодательства все положения и упоминания о необходимости уплаты налога с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения.

Следует заметить, что вслед за Риккардо Милль допускал возможность т.н. «стационарного состояния», обусловленного замедлением процесса накопления капитала в силу отсутствия экономических стимулов при серьезном налогообложении наследства, однако ему эта перспектива не казалась столь мрачной, как Риккардо. Напротив, Милль верил в то, что в «стационарном состоянии» ослабление экономических стимулов будет замещаться усилением стимулов к моральному совершенствованию человеческого общества: «Только в отсталых странах мира рост производства — все еще важная цель: что экономически необходимо в наиболее развитых странах — так это лучшее распределение»[151].

Кстати, именно в разграничении законов производства и законов распределения состояла ключевая теоретико-методологическая новация Милля: если первые («законы и условия производства богатства») имеют характер истин, свойственный естественным наукам — «мнения или желания, которые могут существовать по этим вопросам, не властны над природой вещей», то со вторыми («законами распределения богатства») дело обстоит иначе: «Распределение богатства всецело является делом человеческого учреждения... и зависит от законов и обычаев общества. Правила, которые определяют распределение богатства, таковы, какими их делают мнения и желания правящей части общества, и весьма различны в разных странах... Общество может подчинить распределение богатства любым правилам, какие

[151] Милль Дж.Ст. Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 98 02.11.2009 17:34:50

оно считает наилучшими; но какие практические результаты проистекут из действия этих правил — это должно быть открыто, подобно любым другим физическим или отвлеченным истинам, посредством наблюдения или исследования»[152]. Именно выведение распределения богатства за рамки «чистой» науки обусловливает, по мнению Милля, возможность и целесообразность социально-экономического реформирования, а также его направленность. Одним из наиболее характерных пунктов предлагаемой Миллем программы реформирования современного ему капитализма как раз и был тезис об ограничении имущественного неравенства путем ограничения прав наследников — наряду с тезисами о необходимости выведения земли из сферы безусловного действия принципа частной собственности и целесообразности постепенного перетока капитала в руки самих рабочих через переход от предприятий с наемным трудом к кооперативным производственным ассоциациям.

Подобные идеи связаны с признанием Миллем глубинной несправедливости современного ему общественного порядка. Так, в 1852 году он писал: «Принцип частной собственности еще никогда не был подвергнут справедливому испытанию... Общественное устройство современной Европы берет начало из распределения собственности, которое было результатом не справедливого раздела или приобретения посредством усердия, а завоевания и насилия... Законы собственности еще не приведены в соответствие с теми принципами, на которых зиждется оправдание частной собственности. Законы эти обратили в собственность вещи, которые никак не следовало делать собственностью, и установили безусловную собственность на такие вещи, на которые должны существовать лишь ограниченные права собственности.... И если бы пришлось делать выбор между коммунизмом со всеми его чертами и нынешним состоянием общества со всеми присущими ему страданиями и несправедливостью; если институт частной собственности необходимым образом несет с собой как следствие такое распределение продуктов труда, какое мы видим ныне — распределение, находящееся почти в обратной пропорции к труду, так что наибольшая доля достается людям, которые вовсе никогда не работали, несколько меньшая доля тем, работа которых почти номинальна, и так далее, по

[152] Милль Дж.Ст. Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 99 02.11.2009 17:34:50

нисходящей, то все затруднения коммунизма, большие или малые, были бы не более чем песчинка на весах». При этом Милль не был принципиальным противником частной собственности, но он осознавал необходимость привнесения в общественное устройство механизмов, позволяющих обществу использовать плоды капиталистической системы и в то же время снижать ее социальные издержки: «...политэкономе еще довольно долго будет заниматься главным образом условиями существования и прогресса, характерными для общества, основанного на частной собственности и на личной конкуренции, и главной целью стремлений при нынешнем состоянии человеческого развития является не ниспровержение системы частной собственности, но ее улучшение и предоставление полного права каждому члену общества участвовать в приносимых ею выгодах»[153].

2.2. Социально-политическая логика солидарного поведения

Теперь обратимся к механизмам и институтам, формирующим у граждан мотивацию к добросовестному исполнению обязанностей налогоплательщиков. Как мы уже замечали, проблемы и решения, связанные с этим вопросом, касаются доверия граждан к государству и своим согражданам, и потому лежат в социально-политической плоскости.

Какие же институты и каким образом создают соответствующую общественную атмосферу? Рассмотрим это на примере знаменитой высокими налогами и дисциплинированными налогоплательщиками Швеции, посольство которой провело в 1997 году в Москве примечательный семинар под названием «Демократический контроль над государственной властью»[154], сама последовательность тем выступлений на котором дает ясный ответ на интересующий нас вопрос.

Первое выступление было посвящено государственному конституционному устройству и конституционному контролю, то есть тому, как общество гарантирует себя от возможных попыток власти нарушать основной закон страны. Здесь речь в первую очередь шла о гарантиях реализации гражданами и их организациями политических прав и свобод, обеспечивающих реальную политическую конкуренцию и

[153] Милль Дж.Ст. Указ. соч.

[154] Под системой демократического контроля понимается комплекс общественных и государственных институтов, позволяющих гражданам осуществлять контроль за деятельностью органов государственной власти.

book-7_RAN_BLOK.indd 100 02.11.2009 17:34:50

сменяемость власти (необходимые условия предотвращения произвола и узурпации власти), а также формирование органов власти, действительно выражающих волю большинства.

Следующий доклад раскрывал механизмы парламентского контроля за властью, то есть речь шла о том, какие у представителей граждан (депутатов) есть возможности контроля за распоряжающейся средствами налогоплательщиков исполнительной властью и как они эти возможности реализуют.

Третий доклад был опять о контроле за работой власти, но уже со стороны специального независимого представителя общества — омбудсмена, — уполномоченного по защите прав граждан.

Затем вновь говорилось о контроле за властью, теперь уже финансовом, со стороны формируемого специальным образом независимого института внешнего государственного финансового контроля.

Таким образом, сначала следовала серия докладов о том, как общество гарантирует себе, что уплаченные в налоги деньги будут эффективно потрачены на общее благо, а не бездарно растранжирены или, тем более, украдены.

Далее вновь шел рассказ о контроле, но уже не за властью, а за средствами массовой информации, со стороны специального омбудсмена по прессе и на основе тщательно продуманного законодательства. Логика очевидна: едва ли возможен общественный контроль за властью, если власть непосредственно или с помощью близких ей экономических субъектов будет иметь возможность манипулировать общественным сознанием.

Следом шел доклад уже не о том или ином контроле за властью, а о социально-политической системе в целом и, в частности, об опасности для общества попасть в так называемую «социальную ловушку», когда граждане, хотя и согласны с полезностью того, на что должны пойти их деньги (будь то новый мост или учреждение социальной сферы), в то же время не хотят быть единственными глупцами, честно уплачивающими налоги. Этот доклад представлял собой системный взгляд на то, что было изложено в предыдущих докладах, и теоретически обосновывал необходимость демократического контроля.

Действительно, риск попадания общества в социальную ловушку усиливается, если не выполняются следующие три условия, описываемые так называемой «теорией условного согласия», пытающейся

book-7_RAN_BLOK.indd 101 02.11.2009 17:34:50

объяснить, при каких условиях граждане солидарно поддерживают деятельность государства через финансирование его расходов:

1) цели государства считаются справедливыми;
2) процедуры реализации государственной политики считаются справедливыми;
3) существует солидарное распределение бремени расходов на политику государства.

То есть, если граждане полагают, что налоги расходуются на разумные цели, они будут с меньшей неохотой платить налоги по сравнению с тем случаем, когда им представляется, что собранные через налоги средства растрачиваются или поступают не к тем, кому следует. Кроме того, чувство ответственности перед обществом и государством зависит от того, насколько граждане верят в то, что и «другие» предпочитают честно сотрудничать (платить налоги), а также в способность государства устанавливать соразмерное налогообложение, осуществлять правосудие и ставить на место тех, кто пытается уклониться от налогов.

Как мы видим, решающую роль в том, будут ли граждане солидарно нести бремя финансирования государственных расходов, играет фактор доверия между гражданами и государственными институтами, а также между самими гражданами. В обществе, институциональная структура которого (о чем речь шла в предыдущих докладах) создает основу для серьезного доверия, возможно эффективное сотрудничество граждан и государства. Там же, где такой основы нет и господствует недоверие, очень высока вероятность возникновения социальных ловушек, когда рациональным оказывается не сотрудничать, притом что сотрудничество принесло бы пользу большинству.

И только после всех докладов, посвященных элементам демократического контроля и его роли, наступил черед выступления главы государственного налогового управления Швеции. Но даже и этот доклад был посвящен не только фискальной стороне вопроса. Существенная по объему вступительная часть также раскрывала институциональные условия равноправного партнерства граждан и государства, что, собственно, было отражено в самом названии доклада руководителя налогового ведомства — «Обязанность граждан платить налоги и обязанности государства по отношению к гражданам»[155].

[155] «Демократический контроль над государственной властью». Материалы российско-шведского семинара. М. Посольство Швеции в РФ, 21 ноября 1997 г.

book-7_RAN_BLOK.indd 102 02.11.2009 17:34:50

Таким образом, фундаментальной основой современного социального государства является действенный демократический контроль, обеспечиваемый четко работающим социально-политическим механизмом, состоящим из набора государственных и общественных институтов, позволяющих гражданам, во-первых, реально выражать свою волю в вопросе формирования власти и тем определять направление социально-экономической политики и, во-вторых, быть уверенными в том, что власть достаточно добросовестно распоряжается общими ресурсами.

book-7_RAN_BLOK.indd 103 02.11.2009 17:34:50

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВА

3.1. Модели социального государства и последствия их реализации

Сравнительный анализ возникших в 40-е годы XX столетия социальных государств позволяет сделать любопытное наблюдение. Сегодня промышленно развитые страны Запада при достаточно высоком уровне социальных расходов, тем не менее, весьма серьезно различаются по доле ВВП, направляемой на расходы, основная часть которых, как мы видели, идет на социальную сферу. В 1990-х годах крупные европейские страны тратили на 50% больше, чем США, а скандинавские страны — почти в два раза больше, чем США.

Однако так было не всегда. В 1960-х годах разница между этими странами в общем объеме государственных расходов была гораздо меньше: в США он составлял около 28%, а в скандинавских странах — в среднем около 29%. И если США тратили на социальное страхование и социальную помощь около 7% ВВП, то скандинавские страны тратили лишь на 2% больше.

Таким образом, происходит дивергенция систем соцобеспечения современных социальных государств. Примечательность, если не парадоксальность, этого явления состоит в том, что дивергенция протекает на фоне происходящей в последние десятилетия чрезвычайно интенсивной политической и экономической интеграции этих стран в виде растущей интенсификации торговых обменов, глобализации финансовых рынков, все большей — благодаря масс-медиа — интернационализации ценностей. Вполне резонно было бы ожидать усиления унификации и в сфере социальной политики, однако этого не происходит — напротив, разница в объеме государственных расходов на социальные цели с 1960-х годов заметно усилилась.

Исследователи, например, Б. Ротштейн, полагают, что подобный феномен объясняется тем, что в свое время страны пошли по пути реализации разных моделей социального государства, в основе которых лежит собственная, особая политическая и моральная логика, неиз-

book-7_RAN_BLOK.indd 104 02.11.2009 17:34:50

менно воспроизводящая однажды выбранную модель[156]. Что же это за модели и в чем их специфика?

Одна модель предполагает реализацию универсальной социальной политики (так называемая социал-демократическая модель социального государства, к которой относят скандинавские страны), другая — селективной социальной политики (так называемая либеральная модель, к которой относят США и англо-саксонские страны), третья модель представляет собой некий компромисс между первыми двумя: как в социал-демократической модели, системой соцобеспечения охвачено все население, но социальные программы, прежде всего, связанные с социальным страхованием, нередко организованы отдельно для получателей из разных социально-профессиональных групп (так называемая корпоративистская модель, к которой относят Германию, Австрию, Францию и т.п.)[157]. Особый случай представляет Великобритания, в которой некоторые элементы социал-демократического универсализма сочетаются с англосаксонской традицией селективности и отдельного для каждого из классов соцобеспечения. По мнению Тейлора-Губи[158], именно это определяет особую чувствительность британской социальной политики к тому, какое именно правительство с ориентацией на какую из моделей находится при власти.

Рассмотрим основные различия и характерные черты каждой из моделей, а также политическую и моральную логику, лежащую в их основе.

Универсальная и селективная социальная политика принципиально различаются в отношении к двум вопросам.

Первый вопрос касается доли граждан, покрываемых системой соцобеспечения. В этом отношении существует два полюса: когда в систему соцобеспечения включается все население и когда соцобеспечением охватывается лишь определенная, ограниченная часть граждан.

Другой вопрос касается того, по какому принципу происходит предоставление обеспечиваемых государством социальных услуг и трансфертов, или, иначе говоря, кто и почему является их получате-

[156] Rothstein B. Op.cit.

[157] Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press. 1990.

[158] Taylor-Gooby P. Op.cit.

book-7_RAN_BLOK.indd 105 02.11.2009 17:34:50

лем. В этом отношении различается система, в которой социальное обеспечение рассматривается как особая форма прав граждан, и, как всякие гражданские права, оно имеет универсальный характер, то есть предоставляется всем гражданам на единой основе. И другая система, когда соцобеспечение предоставляется на основе оценки нуждаемости, а точнее (поскольку нуждаемость (needs-testing) — довольно сложное понятие, требующее дальнейшей спецификации) — оценки способности индивида самостоятельно оплачивать необходимые ему социальные блага (means-testing), то есть производится селекция граждан на основе их экономического положения.

Таким образом, термин «универсальная социальная политика» (или модель) применяется к социальным программам (выплатам или услугам), покрывающим все население и предоставляемым без применения проверки экономического положения. А под «селективной социальной политикой» понимается политика, в рамках которой условием получения государственной поддержки является недостаточная способность индивида или домохозяйства платить за услуги или социальное страхование. Таким образом, селективная политика нацелена на помощь экономически наиболее слабой части населения и поддерживает только тех, кого признают «действительно нуждающимися» (truly needy). Некоторые аспекты, касающиеся различий этих двух моделей, приведены в таблице 20.

Строго говоря, на практике все существующие социальные государства реализуют и универсальные, и селективные программы. Но наличие подобных «идеальных типов» позволяет оценить конкретные случаи (будь то характер социальной политики в целом или же отдельные социальные программы) как более или как менее универсальные или селективные.

Прежде чем перейти к рассмотрению политической и моральной логики, заложенной в каждую из моделей, остановимся более подробно на универсальном социальном государстве. И сделаем это по следующим обстоятельствам.

Во-первых, выше уже говорилось о том, что именно универсальное социальное государство, символизируемое т.н. «шведской моделью», было той желанной целью, тем «светлым образом», а по сути, тем идеологическим стимулом, который обеспечивал поддержку сначала горбачевских, а затем и радикальных российских реформ со стороны широких слоев населения в конце 1980-х годов.

book-7_RAN_BLOK.indd 106 02.11.2009 17:34:50

Во-вторых, в связи с тем, что во главе российских реформ оказались приверженцы неолиберализма, провозглашающего целесообразность минимального государственного участия, и ими же были взяты под контроль основные, в первую очередь, электронные СМИ, информация о государствах, реализующих универсальную модель, их достижениях и проблемах, подавалась усеченно и предвзято. Была представлена вся критика, обрушивавшаяся на государство всеобщего благосостояния в периоды его кризисов, но, в отличие от западного мира, в силу подчиненности основных СМИ новой российской власти или близким к ней экономическим кланам, в российский информационный контекст практически не просачивались сведения иного характера, дезавуирующие многие из звучавших претензий (например, аналогичные тем, что приведены в разделе, касающемся взаимоотношений расходов на соцобеспечение и экономического роста). Это позволило в определенной степени (хотя и совершенно необоснованно) дискредитировать в массовом сознании модель универсального социального государства и таким образом вывести ее за скобки общественной дискуссии о путях развития российского общества.

Таблица 20

Сравнительные характеристики селективной и универсальной социальной политики

Характеристика	Селективная модель	Универсальная модель
Доля ВВП, направляемая на социальные цели	малая	большая
Уровень пособий (выплат)	минимальный	адекватный
Круг предусмотренных законом пособий (выплат) и услуг	ограниченный	Широкий
Доля населения, покрытая пособиями (выплатами) и услугами	меньшинство	большинство
Доминирующий тип программ	На основе проверки нуждаемости	Универсальный
Роль программ, в первую очередь направленных на предотвращение нуждаемости	несущественная	Критически важная
Финансирование	За счет взносов	За счет налогов

Источник: Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State, Cambridge, 1998, p. 146.

book-7_RAN_BLOK.indd 107 02.11.2009 17:34:50

Более того, даже информация относительно неолиберальных реформ, проводившихся правительствами М. Тэтчер и Р. Рэйгана, подавалась весьма усеченно, позволяя вводить массовое сознание в заблуждение относительно масштабов производившихся сокращений социальных расходов и степени снижения налогового бремени для богатых слоев населения. На самом деле и то, и другое было далеко не так значительно, как рисовалось воображению российского обывателя, привыкшего к полнейшему, но немыслимому для современного западного человека произволу власти. Не было также достоверной информации о результатах этих реформ, в том числе относительно достижения заявленных неолибералами целей.

И, в-третьих, более подробное рассмотрение универсальной модели социального государства имеет смысл потому, что столь длительное функционирование вовсе не собирающейся уходить с исторической сцены модели является своего рода замечательным социальным экспериментом, и попытаться проникнуть в природу уникального социального механизма, выявить его приводные ремни интересно и полезно. Ведь, как известно, страны, реализующие модель универсального социального государства, отнюдь не являются периферией социально-экономического развития. Напротив, в этом случае мы имеем дело с лидерами, из года в год занимающими высокие места в самых респектабельных мировых рейтингах, причем имеющих отношение не только к достигнутому уровню и качеству жизни (таблица 21), но и к конкурентоспособности национальных экономик (таблица 22), а также к развитию научно-технического прогресса[159] (таблица 23), что, в свою очередь, свидетельствует об адекватности их нахождения среди наиболее конкурентоспособных стран: очевидно, что первенство в стимулировании создания и использования высоких технологий — безусловный залог мирового лидерства.

[159] Этот рейтинг входит в ежегодный доклад Всемирного экономического форума «О развитии информационных технологий (IT) в мире». В докладе дана оценка развития высоких технологий в 122 странах мира. Индекс учитывает общий уровень развития экономики, степень ее готовности к приоритетному развитию информационного сектора, степень проникновения высоких технологий в промышленность, бизнес, госуправление и домашние хозяйства. Для более детального отражения ситуации в IT–сфере индекс делится на несколько категорий. Таких, например, как «склонность страны к внедрению достижений высокотехнологичной индустрии» и «развитие профильного образования».

book-7_RAN_BLOK.indd 108 02.11.2009 17:34:50

Как уже говорилось, наиболее известным примером универсального социального государства является Швеция, в которой система социального обеспечения в целом состоит из трех частей. Первая — это обеспечиваемые государством и доступные для всех (то есть предоставляемые на универсальной основе) социальные услуги, такие как здравоохранение, базовое образование, помощь детям и старикам, а также регулируемая и субсидируемая государством жилищная сфера. Вторая — это система опять же предоставляемых на универсальной основе и одинаковых по величине (flat-rate) выплат в виде базовых пенсий и детских пособий. И третья часть — так называемая мандат-

Таблица 21

Рейтинг стран по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) 2007/2008 гг.

Страна	Рейтинг
Исландия	1
Норвегия	**2**
Австралия	3
Канада	4
Ирландия	5
Швеция	**6**
Швейцария	7
Япония	8
Нидерланды	9
Франция	10
Финляндия	**11**
США	12
Испания	13
Дания	**14**
Австрия	15
Великобритания	16
…	…
Россия	**67**

Источник: Доклад о развитии человека 2007/2008. http://www.un.org/russian/esa/hdr/2007.

book-7_RAN_BLOK.indd 109 02.11.2009 17:34:50

ная система социального страхования (например, дополнительные, соотнесенные с заработком, пенсионные схемы, медицинские страховки и т.п.), выплаты по которой отражают заработки на рынке труда и призваны поддерживать доходы на сравнительно высоком уровне.

Говоря о последней составляющей соцобеспечения, где оно соотносится с размером заработков, следует обратить внимание на то, что в Швеции принята система так называемой «солидарной заработной платы», то есть равной оплаты за равный труд, независимо от того, в какой сфере и в какой компании, частной или государственной, занят работник. Начало этой системе было положено так называемым Солчебаденским соглашением 1938 года, согласно которому раз в год, в твердо установленное время, полномочные представители профсоюзов и объединений работодателей за столом переговоров должны договориться об условиях труда на весь следующий год (если

Таблица 22

Рейтинг глобальной конкурентоспособности по версии Всемирного экономического форума (ВЭФ)

Страна	Рейтинг				
	2001	2002	2003	2004	2005
Финляндия	**1**	**2**	**1**	**1**	**1**
США	2	1	2	2	2
Швеция	**9**	**5**	**3**	**3**	**3**
Тайвань	7	3	5	4	5
Дания	**14**	**10**	**4**	**5**	**4**
Норвегия	**6**	**9**	**9**	**6**	**9**
Сингапур	4	4	6	7	6
Швейцария	15	6	7	8	8
Япония	21	16	11	9	12
Исландия	16	12	8	10	7
Австралия	5	7	10	14	10
…	…	…	…	…	…
Россия	**63**	**58**	**63**	**70**	**75**

Источник: http://www.weforum.org/en/initiatives/gcp/Global%20Competitiveness%20Report/index.htm.

book-7_RAN_BLOK.indd 110 02.11.2009 17:34:51

согласия достичь не удается, в качестве третьей стороны привлекается государство). Результатом переговоров становится решение о проценте роста заработной платы, причем зарплата повышается или всем, или никому, даже если бизнес готов с целью привлечения в свою сферу квалифицированных работников резко увеличить их заработки. Логика профсоюзов и государства здесь следующая: повышение доходов в одной отрасли может привести к цепной реакции в других, что ведет к разорению иных слабых, но общественно необходимых секторов, а также к всплеску инфляции, сводящей на нет прибавку, полученную таким «несолидарным» образом[160]. И хотя в других современных социальных государствах подобного шведскому института регулирования заработной платы нет, тем не менее, и там разного рода социально-политические и экономические механизмы не позволяют межотраслевой и межукладной[161] дифференциации оплаты труда достичь уровня нынешних российских контрастов.

Таблица 23

Рейтинг стран – лидеров научно-технического прогресса (2006 г.)

Страна	Рейтинг стран-лидеров в IT-технологиях
Дания	**1**
Швеция	**2**
Сингапур	3
Финляндия	**4**
Швейцария	5
Нидерланды	6
США	7
Исландия	8
Южная Корея	9
Норвегия	**10**
…	…
Россия	**70**

[160] Панкин Б. Указ. соч.

[161] Между частным и государственным секторами экономики.

book-7_RAN_BLOK.indd 111 02.11.2009 17:34:51

Таким образом, социальную политику в Швеции, а также в других скандинавских странах, отличает высокая степень универсального покрытия, означающая, что предоставление социальных услуг и трансфертов на разных стадиях жизни предусмотрено для всех граждан и на основе единых правил.

Перераспределение доходов в универсальной и селективной моделях социального государства

Одной из претензий, предъявляемых к универсальной модели социального государства сторонниками более селективной политики, является тезис о том, что поскольку социальные услуги и трансферты (пособия и выплаты) распределяются между всеми гражданами в практически равных долях, а налоговая система имеет умеренную прогрессию, никакого реального перераспределения между доходными группами не происходит. Ссылаясь на это, некоторые критики даже провозглашают, что универсальная система соцобеспечения в основном представляет собой движущуюся по кругу дорогую бюрократическую карусель.

Однако, как указывают авторы, хорошо знакомые с устройством универсальной модели, «трудно найти что-либо более далекое от правды — эта очень распространенная точка зрения в действительности является одним из, мягко говоря, великих заблуждений современной социальной науки»[162]. В подтверждение этих слов Ротштейн приводит иллюстрационную модель, наглядно демонстрирующую перераспределительный механизм универсального социального государства (таблица 24).

Итак, перераспределение в универсальной модели социальной политики происходит следующим образом. Предположим, с целью упрощения, что население делится по среднему доходу на пять одинаковых по численности групп (первый столбец таблицы 24), и пусть средний доход самой высокодоходной группы в пять раз превышает средний доход нижнего квинтиля, то есть показатель неравенства составляет 5/1. Теперь подвергнем эти группы налогообложению, причем даже не прогрессивному, как это происходит в действительности, а пропорциональному — со ставкой в 40%. Это позволит «собрать»

[162] Rothstein B. Op.cit. p. 147.

book-7_RAN_BLOK.indd 112 02.11.2009 17:34:51

сумму, примерно такую, какой является формируемая за счет налогов доля государственных расходов на социальную защиту, образование, здравоохранение и т.п., составляющая в настоящее время в Швеции около 56,2% ВНП. Далее предположим, что все социальные услуги и льготы являются универсальными, из чего следует, что в каждой группе люди в среднем получают одинаковую сумму в виде выплаченных наличными социальных трансфертов или за счет дотированных государством социальных услуг. В результате мы видим, как в этом смоделированном процессе функционирования универсальной модели происходит существенное — более чем в два раза – сокращение неравенства с 5/1 до 2,33 /1.

Следует еще раз подчеркнуть, что в модели-иллюстрации весьма существенное перераспределение достигнуто даже без какой-либо прогрессии при налогообложении и с предоставлением однотипных социальных услуг и трансфертов всем без исключения социальным группам, а не только целевым группам, состоящим из «действительно нуждающихся».

Таким образом, авторы, полагающие, что универсальная политика соцобеспечения не вносит сколько-нибудь значительного вклада в достижение социального равенства, действительно глубоко заблуждаются. По мнению Ротштейна, ошибка связана с тем, что ими

Таблица 24

Перераспределительный эффект универсального социального государства

Группа	Средний доход	Налог (40%)	Трансферты	Доход после налогов и трансфертов
A (20%)	1000	400	240	840
B (20%)	800	320	240	720
C (20%)	600	240	240	600
D (20%)	400	160	240	480
E (20%)	200	80	240	360
		(= 1200)	(1200:5=240)	
Отношение между группами A и E	5/1			2,33/1

Источник: Rothstein Bo «Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State», Cambridge, 1998, p. 147.

book-7_RAN_BLOK.indd 113 02.11.2009 17:34:51

не учитывается совсем простая вещь: судить о конечном результате всех экономических трансакций следует, принимая в расчет и доходы, и расходы. Вместо этого внимание обращается лишь на то, что «все получают равную долю», перераспределение же, а именно то, что разные доходные группы платят различные в абсолютном измерении суммы, даже если взять одинаковую процентную ставку налога, не учитывается. Таким образом, этими авторами упускается центральная идея итальянской системы бухгалтерского двойного счета, состоящая в том, что там, где есть кредит, должен быть и дебит. Когда, как в модели-иллюстрации, расходы (налоги) оказываются в пропорциональном соотношении, а доходы (пособия, услуги) равны в номинальном отношении, происходит значительное перераспределение между высокодоходными и низкодоходными группами.

Стоит заметить, что упомянутое Ротштейном «заблуждение» критиков универсальной модели имеет столь упорный характер, что позволяет думать о намеренном игнорировании логики и фактов. Так, Ротштейну приходится подробно, с помощью иллюстративной модели, разъяснять действие перераспределительного механизма универсального социального государства в 1996 году — спустя 16 лет после того, как то же самое сделал Эспин-Андерсен в 1980 году. Вот как это звучит у Эспин-Андерсена: «Полностью иная картина возникает, если мы посмотрим на доходы после налогообложения и трансфертов. То есть те, кто говорит, что государство всеобщего благосостояния не преуспело в выравнивании доходов, делают такой вывод исключительно на данных о доходах до налогообложения»[163]. В подтверждение им приводятся эмпирические данные, свидетельствующие о существенном перераспределительном, выравнивающем эффекте универсальной модели: «Если в качестве грубого индикатора степени, в которой комбинация налогообложения и социальных выплат изменяет дифференциацию доходов, подсчитать нынешнее соотношение налогов и социальных трансфертов для промышленных рабочих и высокопоставленных менеджеров, то мы получим следующую картину (см. таблицу 25).

Находится ответ и для тех особо въедливых критиков универсальной модели, которые указывают на ограниченность перераспределительного эффекта, связанную с тем, что многие социальные

[163] Esping-Andersen G. (1980) Op.cit.

book-7_RAN_BLOK.indd 114 02.11.2009 17:34:51

трансферты в универсальной модели все же соотносятся с доходами: например, из некоторых сфер, в частности из системы образования, средний класс явно извлекает больше. Однако, даже если говорить о трансфертах такого типа, перераспределительный эффект все равно оказывается значительным. Дело в том, что практически во всех типичных для универсальной модели доходозамещающих программах существует определенный доходный максимум, при превышении которого никакие компенсации не выплачиваются, притом что такие высокообеспеченные граждане, тем не менее, продолжают платить подоходные налоги. Недавние расчеты перераспределительного эффекта шведской системы соцобеспечения, произведенные Седерстремом, указывают, во-первых, на падение коэффициента неравенства между верхним и нижним квинтилями после налогообложения и перечисления трансфертов с 3,75/1 до 2,43/1 и, во-вторых, на то, что 60% наиболее экономически сильных домохозяйств оказываются в числе тех, кто получает от системы соцобеспечения меньше, чем отдает[164].

Еще более сильные аргументы в пользу того, что универсальная модель социального государства справляется с задачей перераспределения доходов гораздо лучше, чем селективная, предоставляют сравнительные эмпирические исследования распределения доходов в различных странах (таблица 26).

Таблица 25

Отношение уплаченных налогов к полученным социальным трансфертам для домохозяйств типичного индустриального рабочего и типичного топ-менеджера в 1970/71 гг.*

	Рабочий	**Топ-менеджер**
	Налоги / трансферты	Налоги / трансферты
Швеция	23 / 10	204 / 10

Источник: Esping-Andersen G. «Social Class, Social Democracy and State Policy». Copenhagen.1980, p. 312.

* – Налоги включают все прямые налоги и платежи, но исключают косвенные налоги. Пособия (выплаты) включают типичные прямые трансферты домохозяйствам, такие как семейные пособия и жилищные субсидии. К 1977 году для домохозяйства рабочего с двумя детьми соотношение стало 16:10.

[164] Rothstein B. Op.cit. p. 149.

book-7_RAN_BLOK.indd 115 02.11.2009 17:34:51

Как следует из таблицы 26, вариации между странами в области перераспределения доходов весьма существенны. Кроме того, приведенные данные позволяют сделать интересный вывод о наличии явной корреляции такого рода: чем более универсальной является система соцобеспечения, тем сильнее перераспределительный эффект. Именно те страны, что расположены в нижней половине последней колонки, обычно классифицируются как селективные социальные государства. Получается как будто бы парадоксальный, идущий вразрез с ожиданиями, результат: казалось бы, вполне резонно ожидать, что страны, в которых помощь концентрируется на «действительно нуждающихся» и где государство в буквальном смысле слова берет у богатых и отдает бедным, должны демонстрировать максимальное перераспределение. Но очевидно, что это не так. Скорее страны, в которых берут у каждого и каждому дают, демонстрируют наиболее заметное перераспределение. Такой эффект частично объясняется причинами, продемонстрированными на иллюстративной модели: налоги для значительной части населения преимущественно пропорциональные, а большинство трансфертов либо плоские, то есть оди-

Таблица 26

Уровень неравенства до и после налогообложения и социальных трансфертов

Коэффициент Джини до налогообложения и трансфертов		**Коэффициент Джини после налогообложения и трансфертов**		**Чистое перераспределение (%)**	
Норвегия	0,385	Швеция	0,197	Швеция	53
Канада	0,387	Норвегия	0,234	Норвегия	39
Великобритания	0,393	Германия	0,252	Германия	38
Германия	0,407	Великобритания	0,264	Нидерланды	37
Швейцария	0,414	Австралия	0,287	Франция	35
Австралия	0,414	Канада	0,293	Великобритания	33
Швеция	0,417	Нидерланды	0,293	Австралия	31
США	0,425	Франция	0,307	США	25
Нидерланды	0,467	США	0,317	Канада	24
Франция	0,471	Швейцария	0,336	Швейцария	19

Источник: Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State, Cambridge, 1998, p. 150.

book-7_RAN_BLOK.indd 116 02.11.2009 17:34:51

наковые по размеру для всех получателей, либо существует потолок дохода, до которого они предусматриваются.

Причины разнообразия моделей социальных государств

Возникает интересный вопрос: чем же объясняется эта разница в характере и масштабах соцобеспечения в западных социальных государствах?

Традиционный путь, с помощью которого социальная наука решает такую задачу — идентификация основных причин, стоящих за внедрением той или иной модели социального государства, иначе говоря, это вечный поиск независимых переменных с наибольшей объясняющей силой. Исследования в этой области ведутся весьма интенсивно, и на сегодня имеется целый ряд рабочих гипотез, связанных с политической силой умеренных левых партий, характером госаппарата, результатами экономической модернизации и т.д. Например, по мнению Эспин-Андерсена, сформировавшиеся в разных странах модели социального государства есть результат взаимодействия социально-классовой структуры и сложившейся политической системы[165]. В «социал-демократических» режимах, типичных для скандинавских стран, альянс рабочих партий левого спектра с зависящими от государственных субсидий мелкими фермерами сформировал аграрно-городской союз, настаивавший на обязанности государства обеспечивать широкий диапазон универсальных услуг и поддержание полной занятости. В типичных для Германии, Австрии и Франции корпоративистских режимах консервативные силы в правительстве с целью интеграции профсоюзного движения с государством и обеспечения лояльности и среднего, и рабочего классов, создали систему социального страхования, сегрегированную по роду занятий. В либеральных государствах, характерных для США и англосаксонских стран, где фундаментальный классовый союз так и не был достигнут, возникло очень избирательное государственное соцобеспечение, направленное на бедных, а нужды среднего класса обслуживает система частных и государственных услуг.

Некоторые из теорий, например, так называемая «властно-ресурсная» модель, подчеркивающая важность такого фактора, как моби-

[165] Esping-Andersen G. (1990) Op.cit.

book-7_RAN_BLOK.indd 117 02.11.2009 17:34:51

лизация наемного труда в профсоюзах и партиях социал-демократической направленности, находят эмпирическое подтверждение: чем сильнее профсоюзы и политическое влияние социал-демократических партий, тем более всеобъемлющая и универсальная социальная политика проводится. Правда, встает вопрос, почему в одних развитых странах оказываются более сильные социал-демократические партии и более высокий уровень профсоюзной организации, чем в других. Другая проблема состоит в том, что статистика нередко затушевывает важные исключения. Так, пример Австралии и Нидерландов показывает, что можно иметь сильное рабочее движение, не приводящее к универсализму в социальной политике (Австралия), и можно иметь универсальный тип социального государства в отсутствие сильного рабочего движения (Нидерланды).

И главное: в рамках многих из этих теорий нередко трудно определить, что является действительно независимой переменной, а что — зависимой. Например, очевидно существование серьезной связи между силой рабочего движения и универсализмом в социальной политике в скандинавских странах. Но нет ли здесь и обратной связи — между характером социальной политики и силой этих организаций? Может быть, дело в том, что была реализована политика, способствовавшая усилению социал-демократической партии и профсоюзов? Такая теория впервые была выдвинута Пржеворски в 1985 году[166]. Представляется, что на этот вопрос можно ответить утвердительно — рассматривая историю становления шведского социального государства, мы видели, что сила рабочего движения может до определенной степени объясняться характером инициатив в социальной политике на более ранних этапах.

Таким образом, как это обычно бывает в социальных науках, отношения между зависимыми и независимыми переменными не односторонние, а двусторонние и диалектические: характер политической мобилизации влияет на социальную политику, но и характер социальной политики влияет на политическую мобилизацию, то есть по ходу истории независимые и зависимые переменные меняются местами.

Одним из недавних интересных исследований, пытающихся объяснить феномен дивергенции социальной политики в современных

[166] Przevworski A. Capitalism and Social Democracy. Cambridge, 1985.

book-7_RAN_BLOK.indd 118 02.11.2009 17:34:51

социальных государствах, является работа Б. Ротштейна «Дело — в институтах. Политическая и моральная логика государства всеобщего благосостояния»[167].

Идея Ротштейна состоит в том, что: а) небольшая разница в институциональном оформлении системы соцобеспечения на ранних этапах ее становления, сделано ли это намеренно, из рациональных побуждений, или случайно, может иметь большое значение в гораздо более поздние периоды; б) однажды взятый курс практически невозможно развернуть в ином направлении; в) фактор, являвшийся изначальной причиной организации системы так, а не иначе, приводит к эффекту, на следующем историческом витке усиливающем этот исходный фактор, и так возникает положительная обратная связь. То есть развитие той или иной модели социальной политики есть следствие того решения, которое было принято в ставший определяющим момент истории.

Возникающий причинно-следственный круг, способный быть как порочным, так и продуктивным, и имеющий свою политическую и моральную логику, по мнению Ротштейна, как раз и определяет развитие и дальнейшее существование той или иной модели социального государства.

Политическая и моральная логика универсальной и селективной моделей социального государства

Рассмотрим подробнее политическую и моральную логику применительно к каждой из моделей социальной политики. И начнем с политической логики, под которой понимается логика избирателей, своим электоральным поведением направляющих власть на реализацию того или иного варианта социальной политики, или, иначе говоря, своей электоральной поддержкой создающих властный ресурс, позволяющий реализовывать тот или иной вариант социальной политики.

Политическая логика универсальной и селективной моделей

Итак, кто и почему голосует за универсальную модель социальной политики?

Вопрос этот не такой простой, поскольку, как мы видели, одной из неизбежных черт универсального социального государства являет-

[167] Rothstein B. Op.cit.

book-7_RAN_BLOK.indd 119 02.11.2009 17:34:51

ся тяжелое налоговое бремя. Действительно, если социальные трансферты в виде разнообразных выплат и пособий и социальные услуги должны охватывать все население, да при этом еще быть такого качества, чтобы удовлетворять и вполне благополучных индивидов, то высокие налоги абсолютно неизбежны, и, как мы видели, в современной Швеции объем налоговых поступлений равен 57% ВВП. Очевидно, что в свободном обществе подобное возможно лишь в случае, если в массовом сознании широко распространено представление о том, что игра стоит свеч, то есть что получаемые блага и то, чем приходится жертвовать, находятся в разумном соотношении. Таким образом, попытка понять политическую логику, или, иначе говоря, соображения, по которым данной модели большинство населения оказывает поддержку, достаточную для того, чтобы курс на реализацию такой социальной политики оставался неизменным, требует выяснения, каков, говоря бухгалтерским языком, баланс между дебитом и кредитом, или издержками и прибылью. Особый интерес в этом отношении представляют средние слои населения, поскольку, как мы увидим, именно их позиция оказывается определяющей для реализации той либо иной модели.

В отличие от предсказаний о постепенном превращении рабочего класса в большинство населения, начиная с 1930–40-х гг. численность промышленных рабочих сначала оставалась практически неизменной, а затем начала сокращаться. Одновременно с этим процессом происходил рост так называемой «беловоротничковой» страты. Сокращение численности традиционного электората привело социал-демократические партии к осознанию того, что для привлечения необходимого для получения власти числа голосов необходимо сконструировать социальные программы так, чтобы они были выгодны не только сужающемуся рабочему классу, но и той растущей части населения, что занята в различных беловоротничковых и сервисных профессиях — то есть тем слоям, которые называют средним классом. Задача непростая, поскольку ставит партию перед дилеммой, связанной с риском потери традиционных избирателей. Острота этой дилеммы в разных странах неодинакова и определяется композицией социально-классовой структуры и организацией рабочего движения.

По мнению Ротштейна, шведские социал-демократы являются чемпионами мира в деле успешного создания баланса между инте-

book-7_RAN_BLOK.indd 120 02.11.2009 17:34:51

ресами синих и белых воротничков, поскольку сумели организовать социальную политику, позволяющую получать поддержку не только традиционных избирателей из рабочего класса, но и среднего класса в целом. Все было задумано так, чтобы возник своего рода perpetum mobile: в период своего правления социал-демократы выстроили универсальную политику, которая генерирует рост поддержки этой партии, несмотря на тот факт, что ее традиционный электорат уменьшается в размерах. Как следует из опросов шведского населения, такая социальная политика стабильно поддерживается общественным мнением: «волна идей либерального характера, вызвавшая политическую дискуссию в 1980-е годы, не оказала никакого влияния на уровень поддержки населением той части системы соцобеспечения, которая организована на универсальной основе»[168]. Это вынуждает и партии, находящиеся справа от социал-демократов, согласиться с идеологией универсального социального государства или даже воспринять ее. Например, сменившее в 1991–1994 гг. социал-демократов четырехпартийное буржуазное правительство заявило о своей поддержке универсальной модели следующим, весьма нелицеприятным для селективной политики, образом: «Социальная политика в Швеции в основном универсальна. Альтернативной моделью является селективная система, нацеленная на поддержку только наиболее нуждающихся. Такая система имеет много недостатков: она требует больше тестирования и контроля — кто-то должен решать, кто имеет право на помощь, а кто нет, и это легко приводит к бюрократизации и вмешательству в частную жизнь граждан. Кроме того, селективная система создает маргинальные эффекты: в то время как выплаты падают, доходы растут, и многие люди рискуют попасть в ловушку бедности. Фундаментальная идеология социального государства, базирующегося на универсальном подходе, должна и в будущем служить нам проводником»[169]. Таким образом, за исключением консервативной партии, ни одна партия в Швеции не готова бросить серьезный вызов базовым принципам универсального социального государства.

Соответственно, первый тезис, касающийся политической логики, состоит в том, что универсальная модель социальной политики может существовать только в случае, если ей оказывают поддержку социаль-

[168] Rothstein B. Op.cit. p. 22–23.

[169] Rothstein B. Op.cit. p. 21.

book-7_RAN_BLOK.indd 121 02.11.2009 17:34:51

ные слои, не имеющие отношения к «бедным», «обездоленным», «рабочему классу» и другим подобным социальным группам, которых недостаточно, чтобы создать необходимую электоральную базу для всеобъемлющей системы соцобеспечения. Но и наоборот: рассчитывать на поддержку универсальной социальной политики беловоротничковыми группами и в целом средним классом можно, только если она организована так, чтобы соответствовать их интересам.

Критическая важность позиции, занимаемой средними слоями, очевидна, если вернуться к таблице 24, на которой представлена модель перераспределения доходов в универсальном социальном государстве. Мы видели, что для средней группы (группа С), которая уплачивает в налоги практически столько же, сколько затем получает в форме социальных услуг и трансфертов, универсальная социальная политика в целом представляет экономический кругооборот[170]. Исходя из тезиса о стремлении рациональных индивидов к максимизации полезности, можно было бы ожидать от этой группы демонстрации большей неопределенности в отношении к универсальной модели, чем у любой другой группы. Однако мы видим твердую и стабильную поддержку. Значит, она находит основания полагать, что при определенных условиях может остаться в выигрыше от универсальной социальной политики. Что же это за условия?

Первое условие связано с соответствием объема и качества предоставляемых государством благ размеру средств, уплаченных этой группой в налоги. Если услуги государства оказываются низкого качества или недоступны, либо широко распространено мнение о возможности в рамках подобной системы злоупотреблять общественными ресурсами, то естественно ожидать нежелания средних слоев поддерживать универсальную социальную политику, т.е. платить за нее. В политической терминологии это означает, что средняя группа откажет партиям, реализующим подобную политику, в своей электоральной поддержке. Если подобного не происходит, значит, это условие выполняется.

[170] Исследования Седерстрема показывают, что средние слои теряют в результате работы системы социального страхования. Однако ввиду того, что они гораздо более интенсивно используют систему образования, финансируемую за счет государства сферу культуры и т.п., они выходят приблизительно на баланс (Rothstein B. Op.cit. p. 153).

book-7_RAN_BLOK.indd 122 02.11.2009 17:34:51

Другая рациональная причина для средней группы поддерживать универсальную систему, несмотря на отсутствие прямой экономической выгоды, связана со страховым характером системы соцобеспечения в рамках универсальной модели. Дело в том, что селективная модель, во-первых, до представления помощи нуждающимся требует от потенциальных получателей распродать имущество и, во-вторых, помощь оказывается в таком объеме, какого хватает лишь на поддержание минимального уровня жизни. Впоследствии все это может усложнить решение возникших проблем и возвращение к трудовой жизни. По-видимому, быть принужденными в силу временных трудностей — а гарантий вечного благополучия ни у кого нет — распродать большую часть имущества и есть то самое, что, в особенности, средний класс считает абсолютно неприемлемым.

Критическая важность позиции средней группы состоит в том, что она является решающей для исхода выборов — если исходить из предпосылки о рациональных, основанных на эгоистическом интересе, основаниях электорального поведения. Группы D и E, следуя своему рациональному интересу, заведомо поддержат универсальную модель, так как от подобной социальной политики они получают прямую материальную выгоду. Группы A и B будут против такой системы, так как платят в налоги больше, чем получают взамен (они, в принципе, могут поддержать такую политику, но по другим причинам). Значит, именно группа C, от голосов которой зависит, какая из сторон получит большинство, определяет направление политики.

Таким образом, для сохранения курса на реализацию универсальной социальной политики исключительную важность представляет позиция средней группы: и потому, что она экономически наиболее чувствительна к тому, как работает система, и потому, что от нее зависит исход выборов. Из этого следует вывод о том, что в странах с универсальной социальной политикой был успешно достигнут политический альянс между группами C, D, и E; там же, где политическое большинство состоит из групп A, B и C, реализуется селективная политика. Сделанное на основе теоретических рассуждений, это заключение находит подтверждение в данных опросов, посвященных изучению поддержки системы соцобеспечения разными социальными группами: чем сильнее социально-классовая поляризация, тем уже база поддержки универсальной модели социального государства,

book-7_RAN_BLOK.indd 123 02.11.2009 17:34:51

причем именно средняя группа — самая колеблющаяся, и ее поддержка наиболее условна.

Моральная логика универсальной и селективной моделей

В то же время, один лишь рациональный эгоистический интерес не может объяснить существование (т.е. электоральную поддержку) универсальной модели соцобеспечения. Так, допустим, что средние и до определенной степени высшие классы поддерживают универсальную модель потому, что переоценивают риск потери дохода, превращения в безработных и т.д., и это заставляет их смириться с тем, что в сугубо материальном плане они не получают ничего. Однако, в таком случае, они, будучи рациональными и стремящимися избежать риска, должны были бы попытаться вместо принятия на себя издержек поддержания более низких классов (платящих меньше налогов и нуждающихся в большей поддержке) организовать себе — на классовой или профессионально-групповой основе — отдельную систему социального страхования и социальных услуг. Но этого не происходит: несмотря на то, что в 1970–80-е годы во всех скандинавских странах буржуазные партии получали бразды правления на относительно долгий срок, никаких заметных сокращений в социальных расходах или изменений в сторону более селективной политики не происходило. Следовательно, существуют какие-то иные, кроме сугубо эгоистического материального интереса, мотивы поддержки универсальной модели социальной политики. Но тогда мы приходим к предположению о наличии у различных типов социального государства своей, особой моральной логики, устанавливающей связь между доминирующими социальными нормами и моделью системы соцобеспечения. Причем можно предположить, что моральный аспект имеет наибольшее значение для средних слоев, имеющих в рамках универсальной модели нулевой баланс полезности, притом что их электоральная поддержка оказывается решающей. Ведь когда рациональный, основанный на эгоистическом интересе, подсчет полезности дает неясный результат, особую важность в мотивации поведения могут приобретать рассуждения морального характера.

Для прояснения моральной логики, лежащей в основе разных моделей соцобеспечения, нам вновь потребуется обратиться к теории

book-7_RAN_BLOK.indd 124 02.11.2009 17:34:51

условного согласия[171], рассуждающей о том, при каких условиях большое число граждан готово действовать солидарно и делать выбор в пользу универсальной, а не селективной социальной политики, хотя ее реализация не полностью совпадает со сферой их непосредственных материальных интересов.

Начнем с первого из трех условий, связанного с вопросом о справедливости целей деятельности государства, в данном случае — справедливости целей, на которые направлена реализация данной модели социальной политики. Итак, можно ли доказать, что цели универсальной модели справедливы? Можно, если в рамках обсуждения вопроса о том, *что должно делать государство*, исходить из постулата, что государство должно относиться ко всем своим гражданам с «равной заботой и уважением» и обеспечивать их «базовыми ресурсами, позволяющими осуществлять автономный (независимый) жизненный выбор»[172]. Этот принцип, подчеркивает Ротштейн, составляет сердцевину, сущность универсальной социальной политики, поскольку основной посыл универсальной модели заключается в том, чтобы не производить селекцию среди населения — не отделять «нуждающихся» и «бедных» от остальных граждан и не обращаться с ними иначе. Напротив, все направлено на то, чтобы обеспечить граждан в соответствии с принципом равной заботы и уважения базовыми возможностями, и тем самым более или менее уравнять их в способности действовать как автономные индивиды.

Соответственно, в отличие от ситуации в странах, реализующих селективную модель, общественная дискуссия по социальной политике в универсальном социальном государстве не может проводиться с использованием характерной терминологии типа «что будем делать с этими людьми, группами и т.д.[173]». Таким образом, выбор той или иной организации системы соцобеспечения является и выбором характера моральной логики в дискуссии о социальной политике.

---

[171] Rothstein B. Op.cit.

[172] Примечание: акцент на автономности граждан в их жизненном выборе связан с тем, что критики универсальной модели упрекают ее в том, что государство своей всепоглощающей заботой и масштабными интервенциями лишает гражданина его автономности.

[173] Ротштейн подчеркивает, что именно такие, негативно окрашенные, с акцентом на дистанцирование слова («those people») использовал в дебатах, говоря о бедном населении, вице-президент США.

book-7_RAN_BLOK.indd 125 02.11.2009 17:34:51

В случае селективной политики государство отделяет граждан, неспособных самостоятельно себя обеспечить, и обеспечивает их. Но чтобы это сделать, государство должно сначала определить, принадлежат ли они к нуждающейся группе, и если да, то сколько им следует дать. Сделать это, не нарушая принцип «равного уважения», очень трудно: сам акт выделения нуждающихся почти всегда ставит на них клеймо социальной неполноценности, как на «других», с другим набором социальных характеристик и потребностей. Такие наблюдения позволяют ряду авторов, например, Уолзеру, доказывать, что селективная социальная политика несовместима с подержанием у реципиента чувства самоуважения, а тот, кто лишен самоуважения, вряд ли способен действовать как автономный гражданин[174].

Поскольку общественная дискуссия в рамках селективной модели часто сводится к вопросу о том, что хорошо адаптированному к жизни большинству делать с менее приспособленным или социально маргинализированным меньшинством, справедливость целей социальной политики может ставится большинством под сомнение: у налогоплательщиков могут возникнуть вопросы, во-первых, в отношении того, где должна быть проведена линия между нуждающимися и не нуждающимися, и, во-вторых, не виноваты ли сами нуждающиеся в своем затруднительном положении, иначе говоря, законны ли их просьбы о помощи. Таким образом, в рамках селективной модели дискуссия часто фокусируется на «не заслуживающих помощи» бедных, и идут бесконечные дебаты о том, как и где проводить эти две демаркационные линии. Поскольку дискуссия о социальной политике повернута не на вопрос о том, что вообще справедливо, а на то, что необходимо сделать для нуждающихся в помощи государства девиантных индивидов, общественное согласие с системой соцобеспечения подрывается.

В рамках универсальной системы, где государство обеспечивает базовыми возможностями всех граждан, моральная логика и, соответственно, направленность дискуссии совершенно иная. Социальная политика здесь должна быть задумана так, чтобы заинтересовать все общество, и потому вопрос формулируется следующим образом: что, по общему мнению, является справедливой организацией системы соцобеспечения. Никакие упомянутые выше дискуссии о том, как

[174] Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. N.Y. Basic Books, 1983.

book-7_RAN_BLOK.indd 126 02.11.2009 17:34:51

и где проводить граничные линии, совершенно не нужны — по той простой причине, что никаких подобных линий проводить не требуется. Вопрос о социальной политике, таким образом, становится вопросом не о том, что делать с «бедными» и «неприспособленными», а о том, что вообще является справедливым в отношениях между гражданами и государством. Иначе говоря — не «как мы будем решать их проблемы», а «как мы будем решать *наши общие* проблемы (здравоохранение, образование, пенсии и т.д.)».

Следующие различия в моральной логике имеют отношение ко второму из условий, предусмотренных теорией условного согласия, и связаны с процессом реализации социальной политики. В этом случае поддержка гражданами той или иной модели зависит от того, какой ответ дается ими на вопрос, можно ли верить в то, что гордо провозглашенные государством цели социальной политики будут реализованы намеченным образом. Это — вопрос о пределах возможностей государства, о том, *что может сделать государство*. Итак, как выбор универсальной или селективной политики влияет на общественные представления о возможностях государства?

Начнем с универсальной модели. Очевидно, что социальные выплаты одинакового размера (пенсии, детские пособия и т.д.), типичные для универсальной модели, значительно проще, дешевле и легче осуществить, чем их аналоги в селективной системе, поскольку реализация программ универсального типа не требует административного аппарата, ответственного за проведение проверок двух типов: 1) на предмет установления того, положена ли данному просителю помощь, и 2) если положена, то какая помощь ему причитается. В универсальных программах критерий соответствия («подлежит» или «не подлежит») часто столь прост (например, возраст), что делает процесс автоматическим. Таким образом, социальное обеспечение имеет форму специфицированных гражданских прав, и социальные обязательства государства строго определены.

Селективные программы, напротив, представляют серьезную проблему с точки зрения их реализации, поскольку предоставляют чиновникам широкие возможности для произвола. Граждане оказываются в руках бюрократии или системы правил, которую никто в действительности не понимает и в рамках которой никто ни за что не несет ответственности. То обстоятельство, что селективные про-

book-7_RAN_BLOK.indd 127 02.11.2009 17:34:51

граммы многое отдают на усмотрение чиновников, имеет два важных следствия, часто принимаемых за противоположности, но на самом деле являющихся двумя сторонами одной медали: бюрократический произвол и мошенничество со стороны реципиентов. С одной стороны, у получателей помощи в селективных системах есть естественное желание описывать свою жизненную ситуацию хуже, чем она есть в действительности, и занижать возможности самостоятельного решения своих проблем. Со своей стороны ответственные за социальную помощь органы склонны с подозрением относиться к заявлениям просителей. В итоге эмпирические исследования показывают, что в странах с селективной моделью социальной политики власть расходует огромные ресурсы, с одной стороны, на проверку клиентов и, с другой, на контроль за работающими с клиентами чиновниками[175]. В то же время в странах с универсальной моделью такого вопроса просто не существует.

Проблема процедурной справедливости, или, иначе говоря, доверия граждан к процессу реализации социальной политики все время возникает в селективной модели, и это подрывает легитимность деятельности государства в социальной сфере. Как пишет Ротштейн, «даже если случаи мошенничества получателей и произвола чиновников в действительности относительно редки, общество теперь живет в логике масс-медиа, что означает, что именно такие случаи привлекут внимание СМИ, окажутся в фокусе общественного внимания и будут подрывать общественную поддержку социальной политики»[176].

Таким образом, с точки зрения легитимности в глазах граждан универсальные программы, просто исполняемые и распространяющиеся на широкие массы населения, предпочтительнее селективных, нацеленных на узкий слой, адресно.

И, наконец, обратимся к различиям в моральной логике, имеющим отношение к третьему из условий теории условного согласия. В этом случае вопрос касается справедливости в распределении бремени расходов на деятельность государства в социальной сфере, а именно: несут

[175] Например, на то, что проверка нуждаемости — дело дорогое, указывают следующие данные: если число тех, кто работал в муниципальных дошкольных учреждениях в 1975–1984 гг., выросло на 100%, то число тех, кто был так или иначе вовлечен в администрирование очереди в дошкольные учреждения, выросло за тот же период на 270% (Rothstein B. Op.cit., p. 163).

[176] Rothstein B. Op.cit. p. 162.

book-7_RAN_BLOK.indd 128 02.11.2009 17:34:52

ли все граждане солидарно свою долю бремени. Поведение граждан в этом случае подобно поведению участвующих в системе страхования: они готовы поддерживать данную систему (хотя знают, что если не наступит страховой случай, они ничего непосредственно не получат) до тех пор, пока могут быть уверены, что все (или почти все) другие участники также будут вносить свой вклад. Таким образом, здесь вопрос касается того, насколько доверия заслуживает сама организация коллективных усилий, то есть того, что эти усилия действительно будут коллективными. Можно сказать так: граждане, желающие вносить свой вклад в общее благо, готовы делать это, только если они полагают, что и другие будут вносить свой вклад, а также если они не думают, что кто-то, действующий несолидарно, будет незаслуженно получать преимущества от их солидарности: меньшинство не будет вести себя солидарно, если большинство — несолидарно.

В этом вопросе моральная логика универсальной и селективной модели также различаются. Для селективной модели типичным является то, что помощь предоставляется только тем гражданам, которые никак иначе не могут себя обеспечить и удовлетворить свои «базовые потребности». Это, как правило, означает, что у таких граждан нет дохода и, следовательно, они не платят налоги. То есть, они составляют категорию, не вносящую экономический вклад. В то же время легитимность социальной политики возрастает в той степени, в какой конструкция системы позволяет даже чистым бенефициариям играть роль партнеров тех, кто реально, в соответствии с возможностями, вносит вклад в оплату системы. В таком случае возникает вопрос, что гражданам надо предпринять, чтобы решить их общие проблемы, а не вопрос, «что «мы» должны делать с «ними».

Подведем некоторые итоги. Как видим, универсальная и селективная модели имеют две полностью различающиеся моральные логики. Селективные программы сложно реализовать таким образом, чтобы и поставленные цели, и сам процесс реализации представлялись гражданам справедливыми, и это подрывает общественную поддержку социальной политики в целом. Да, большинство может быть готово в целом поддержать социальную политику, однако постоянные репортажи о мошенничестве, бюрократическом произволе, хищениях и т.д. ведут к формированию представлений о социальной политике как о пустой трате времени и денег. Вряд ли население с

book-7_RAN_BLOK.indd 129 02.11.2009 17:34:52

таким негативным взглядом на социальную политику откликнется на предложение сделать соцобеспечение более универсальным, поскольку такое предложение предполагает расширение системы. Напротив, доминирующим становится подозрение к государству: как ему, не способному позаботиться о бедных, доверить более серьезную задачу распространения социального обеспечения на все население?

В универсальной системе такого рода установки не возникают, поскольку проверка нуждаемости либо не требуется, либо может быть произведена столь просто, что ее можно доверить автомату. Простота универсальных программ, их ясность в отношении вопроса, кто и за что несет ответственность, возможность организовать их на основе четко прописанных прав граждан — все это вызывает доверие со стороны населения к государству как институту. А если граждане доверяют государству как институту, то они гораздо более склонны к солидарным действиям, необходимым для его функционирования.

3.2. Государство всеобщего благосостояния: развитие, кризисы

Хотя название этого параграфа содержит слово «кризисы» и на Западе существует немало работ, содержащих в названии именно этот термин, следует скорее согласиться с теми, кто полагает, что правильнее было бы говорить о возникающих время от времени вызовах государству всеобщего благосостояния. Что это за вызовы, и какой ответ дает на них современное социальное государство?

Первый кризис социального государства

В послевоенной дискуссии о социальной политике в развитых странах Запада доминирующей была идея о том, что главным архитектором благосостояния граждан должно быть государство, и дебаты фокусировались на том, как лучше достичь этой цели. Однако экономические трудности, переживаемые рядом социальных рыночных экономик в середине-конце 1960-х, а затем экономический кризис середины 1970-х — начала 1980-х годов, последовавший за т.н. нефтяным шоком 1974 года, привел длительный период роста системы соцобеспечения к резкой остановке. Социальные расходы в западных странах, достигшие в период с 1960 по 1975 гг. более 6% в год, снизились

book-7_RAN_BLOK.indd 130 02.11.2009 17:34:52

примерно до 4% в 1975–1980 гг. и до 2,5% в 1980–1985 гг. Одновременно резко возросла безработица: с менее чем 3% в 1970 до пика в почти 12% в 1985 году[177]. В этих условиях жизнеспособность государства всеобщего благосостояния в том виде и масштабах, какие оно приобрело за послевоенные десятилетия, была поставлена под сомнение. Как пишет Тейлор-Губи, «длительное балансирование между умиротворением капитала и массы граждан грозило резко оборваться»[178].

Первая атака на социальное государство, приходившаяся на экономический кризис 1970-х годов, основывалась на утверждении, что обеспечение государством высококачественных социальных услуг стоит больше, чем может себе позволить экономика. «Государственные расходы — корень проблем британской экономики», — утверждалось в «Белой книге государственных расходов» — докладе пришедших к власти в 1979 году консерваторов под руководством М. Тэтчер[179]. Год спустя, в 1980-м, посвященная «кризису государства благосостояния» официальная конференция заключила: «прежде всего, необходимо осознать, что во многих странах социальная политика создает препятствия для экономического роста»[180].

Ниже мы подробно остановимся на вопросе о том, является ли развитая система соцобеспечения, покрывающая основную массу граждан, бременем для экономики и тормозом экономического роста, а сейчас обратим внимание на тот важный факт, что различные страны отвечали на экономическое давление по-разному. И самое примечательное: как показывают межстрановые сопоставления, наиболее громко тема «кризиса социального государства» звучала и наиболее существенные сокращения социальных расходов были произведены в тех странах, что и до экономического кризиса тратили на государственное соцобеспечение меньше других (наиболее заметно — в США и Великобритании, а также в Новой Зеландии). По мнению автора сравнительного исследования Р. Мишры, различия в реакции обусловливались идеологическими пристрастиями политических сил, находившихся в это время при власти: в либеральных социальных государствах, где правительство в этот период контролировалось пар-

[177] Taylor-Gooby P. Social change, social welfare and social science, N.Y., L., 1995, p. 3.
[178] Taylor-Gooby P. Op.cit., p. 1.
[179] The Government's Expenditure Plans, 1980–81, L.; HMSO, p. 1.
[180] OECD, The Crisis of Welfare, Paris: OECD, 1981.

book-7_RAN_BLOK.indd 131 02.11.2009 17:34:52

тиями правой ориентации, разделяющими неолиберальные идеи о соцобеспечении как основной причине экономических проблем (правительство М. Тэтчер в Великобритания и Р. Рэйгана в США), производилось наиболее существенное сокращение социальных расходов; в тех либеральных социальных государствах, где к власти пришли центристские или лево-центристские правительства (Канада, Австралия), сокращение расходов на соцобеспечение было менее острым. Еще менее существенным оно было в социал-демократических и корпоративистских социальных государствах[181].

Так, в Великобритании дискуссия о судьбе государства всеобщего благосостояния началась еще в середине 1960-х на фоне неблагоприятной ситуации в британской экономике (ослабление национальной валюты, внешний долг, давление зарубежных конкурентов), осложнявшейся массовой иммиграцией в страну жителей слаборазвитых стран — бывших английских колоний. Поводом для дискуссии стали исследования, показавшие, что бедность все еще остается неизжитой проблемой. Ряд организаций социальной направленности использовали эту информацию как аргумент в пользу увеличения семейных пособий, уровня минимального дохода и т.д. Другие же политические силы, т.н. «новые правые» (или неолибералы), использовали эти же данные как аргумент в пользу минимизации участия государства в экономической и социальной сферах. Неудачи британского социального государства стали излюбленной темой основанного в 1964 году Института экономических проблем, превратившегося в академическую ветвь «новых правых». Как пишет К. Джонс, «лозунг «Еще многое надо сделать» можно очень легко перевернуть в лозунг «Государство всеобщего благосостояния провалилось»[182].

После девальвации английского фунта в 1967 году острейшие дебаты на тему «универсализм или селективность», или, иначе говоря, социальное обеспечение и политика благосостояния, охватывающие всех граждан и, соответственно, предполагающие высокий уровень социальных расходов, или социальное обеспечение только наиболее нуждающихся, предполагающее низкий уровень социальных расходов, начались и в кругах лейбористов. Материалы фабианского симпозиума, опубликованные в вышедшей в 1968 году книге «Социальные

[181] Mishra R. The Welfare State in Crisis. Brighton. 1984.

[182] Jones K. Op.cit. P. 169.

book-7_RAN_BLOK.indd 132 02.11.2009 17:34:52

услуги для всех?», содержат выступление П. Таунсенда, доказывавшего, что в действительности вопрос стоит не о денежных ограничениях, а «о типе и качестве общества, к которому мы хотели бы прийти»[183], однако большинство фабианцев к 1968 году были готовы принять определенную степень селективности.

Ситуацию еще более усугубил нефтяной кризис 1973 года, заставивший лейбористское правительство пойти на сокращение социальных расходов. По данным Д. Хейли, министра финансов лейбористского правительства в тот момент, рост нефтяных цен всего лишь за год увеличил дефицит бюджета на 2,5 млрд. и стоимость жизни на 10%, при этом ВВП сократился на 5%. Когда валютные резервы страны оказались в опасности, Хейли был вынужден обратиться в Международный валютный фонд (МВФ) с просьбой о кредите, «но в МВФ доминировали американцы, а США были все еще против британского социализма, в итоге кредит был предоставлен, но на условии, что правительство произведет существенные сокращения в расходах госсектора»[184].

Однако попытки лейбористского правительства в 1978–79 гг. контролировать инфляцию провалились: ограничение роста зарплат в госсекторе до 5% вызвало волну забастовок, в том числе и у тех профессиональных групп, чей отказ от работы вызывал немедленную общественную реакцию (транспортники, поликлинические работники, мусорщики, дорожники и т.п.). Как подчеркивает К. Джонс, «горькая ирония состоит в том, что всплеск негативного отношения к профсоюзам у относительно большой части британского населения был связан с действиями этих сравнительно низкооплачиваемых групп, но это стало основным фактором поражения лейбористов»[185].

Пришедшие к власти в 1979 году под лозунгом «Лейборизм не работает» консерваторы приступили к решительным мерам, и, как пишет К. Джонс, это было десятилетие, когда более чем сорокалетний консенсус в отношении понимания природы социального прогресса и роли государства был резко оборван и замещен фундаментально иными принципами. Если в 1979 году уровень зарегистрированной безработицы составлял 1,2 млн. человек, то к середине 1984 года

[183] Social Services for All? Fabian Tracts, 1968, p. 382–384.

[184] Jones K. Op.cit. P. 186.

[185] Jones K. Op.cit. P. 189.

book-7_RAN_BLOK.indd 133 02.11.2009 17:34:52

официальные данные указывали на 3 млн. человек. На самом деле, по оценкам специалистов, от безработицы страдало порядка 20% населения — учитывая тех, кто не зарегистрировался или был вынужден досрочно выйти на пенсию, иждивенцев, лиц, вынужденных отложить ипотечные платежи и т.д.[186]

Рост безработицы оправдывался задачей повышения эффективности британской промышленности за счет освобождения от избыточной рабочей силы и борьбой с инфляцией. Кроме того, безработица была мощным оружием против профсоюзов: в 1980–82 гг. были приняты законы, ограничивающие их право на проведение политических забастовок.

В 1980-х производительность труда несколько выросла, средняя заработная плата опережала инфляцию, налог на доходы был снижен, росло число домовладельцев и акционеров коммунальных, телекоммуникационных и т.п. предприятий. И, как пишет К. Джонс, снова стало модно говорить о «бедных» как особом классе и бездельниках, не желающих трудиться,[187] притом что бремя преодоления проблем национальной экономики непропорционально тяжело легло как раз на более бедные слои населения, вызвав серьезный социальный стресс. «Нет сомнений, – пишет в связи с этим К. Харрис, – в том, что за экономический рост в 1980-х была заплачена немалая цена. Цена в три миллиона безработных и еще пять миллионов живущих в бедности, в усиление контрастов между богатыми и бедными, между Севером и Югом страны. Как в Америке, неолибералы рискуют создать перманентно существующий класс людей, исключенных из пользования всеми теми свободами, которыми пользуется остальное общество. ... Длительное существование достаточно большого андеркласса — удар по теории Хайека, согласно которой в свое время общество получит выгоду от богатства, созданного на его верхних этажах. Теперь эти идеи трудно подтвердить фактами и цифрами»[188].

Кстати, о цифрах и фактах. Исследователи социальной политики эпохи торжества неолиберализма обращают внимание на два связанных с информацией обстоятельства. Во-первых, как указывает К. Джонс, «закат политики всеобщего благосостояния труднее

[186] Jones K. Op.cit. P. 190–192.

[187] Jones K. Op.cit. P. 188.

[188] Harris K., Thatcher, Weidenfeld and Nicolson, 1988, p. 291.

book-7_RAN_BLOK.indd 134 02.11.2009 17:34:52

документировать, чем ее начало»[189]. Ибо если создание государства всеобщего благосостояния было довольно упорядоченным и плановым процессом, в рамках которого группы экспертов формулировали рекомендации, разрабатывались проекты законов, последние утверждались парламентом и затем их реализация подвергалась тщательному критическому разбору, то есть это был процедурно и информационно открытый дискуссионный процесс, то при обратном движении, как минимум до третьего тэтчеровского срока (до 1987 года), политика в основном оформлялась не законами, а бюджетными распоряжениями и решительным сокращением расходов.

Во-вторых, известно, что любая система нуждается в обратной связи. В социальной сфере первичным средством тестирования политики является анализ социальной статистики. Однако в 1980-х годах, когда срочно требовался мониторинг последствий сокращения социальных расходов и изменения подходов к социальной политике, в Великобритании было произведено резкое сокращение статистических служб. Упразднение многих специализировавшихся на экспертизе социальных проблем организаций, в том числе и тех, что проводили серии крупных исследований по вопросам социального расслоения, распределения богатства, работы государственных и добровольных социальных служб, стало одним из первых шагов правительства консерваторов после выборов 1979 года. Менее информативными стали и регулярные официальные статистические сборники, причем здесь причина была не только в резком сокращении штата соответствующих служб, но в изменении самого подхода к тому, кому и для чего должна служить информация. Например, в правительственном издании (т.н. «Белой книге») от 1981 года содержится рекомендация лорда Райнера, президента компании «Маркс и Спенсер», в которой он не только предлагает на четверть сократить службы официальной статистики, но и утверждает, что «информация должна собираться преимущественно не для публикации — ее следует собирать потому, что правительство нуждается в ней для своих собственных дел»[190]. С этого момента правительственные статистические сборники стали очень дорогими и содержали все меньше и меньше информации по социальным вопросам, хотя объем экономической статистики сохранялся на

[189] Jones K. Op.cit. P. 205.

[190] Jones K. Op.cit. P. 206.

book-7_RAN_BLOK.indd 135 02.11.2009 17:34:52

прежнем уровне. Обеспокоенность дефицитом точных статистических данных выразили в 1989 году бывший глава правительственной статистической службы и бывший президент королевского статистического общества (кстати, также оба лорды), призвавшие к организации независимого органа, призванного отслеживать использование статистики правительством. В противовес позиции консерваторов они подчеркнули: «Раньше целью правительственной статистической службы было служить нескольким хозяевам: во-первых, и, прежде всего, — правительству, но также промышленности, научным кругам, широкой публике — то есть всей нации»[191]. Очевидно, что отсутствие официальных статистики и исследований затрудняло возможность оценки успехов проводимой политики с социальной точки зрения.

И тем не менее, знакомясь с переменами, драматизм которых подчеркивают зарубежные авторы, нам стоит обратить внимание на такую вещь, как наличие в реально функционирующих демократиях с налаженным механизмом сменяемости власти и дышащей в спину власти оппозицией, ограничителей, не позволяющих «социальным хирургам» от власти заходить в своих действиях слишком далеко.

Так, имея в парламенте лишь небольшой перевес голосов, правительство Тэтчер не приступало в первые два срока своего правления к реализации многих мер, способных отпугнуть большую часть избирателей. Как указывает К. Джонс, несмотря на сокращения и замораживание различных пособий, бюджет социального страхования продолжал расти: нередко оказывалось, что в то время как правительство сокращало один вид социальных расходов, увеличивались другие. Повторные попытки усиления адресности — перечисления средств лишь наиболее нуждающимся группам – имели весьма ограниченный успех: за сокращением больничных коек и финансирования больниц, домов для престарелых и инвалидов следовал массовый рост запросов на увеличение пособий для этого контингента и т.д. Таким образом, сокращения в социальной сфере оказалось гораздо легче планировать, чем внедрять[192].

В ряде случаев правительство было вынуждено отступить от уже реализованных им мер, например, связанных с перекладыванием налогового бремени на менее обеспеченные слои населения. Так,

[191] Jones K. Op.cit. P. 207.

[192] Jones K. Op.cit. P. 194.

book-7_RAN_BLOK.indd 136 02.11.2009 17:34:52

предпринятая правительством Тэтчер попытка заменить местные налоги на недвижимость, величина которых зависела от ее стоимости, платежом, одинаковым по величине и для владельца коттеджа, и для жителя многоквартирного дома, окончилась тем, что на «flat-rate charge» (плоский налог) тысячи англичан ответили «flat refusal to pay» — простым отказом платить, в связи с чем менее чем через два года правительству пришлось вернуть дифференцированный налог, базирующийся на стоимости имущества[193].

Основные изменения, характеризующие неолиберальную политику в целом (ограничение расходов на здравоохранение и соцобеспечение, привлечение к участию в социальной сфере частного бизнеса и привнесение в нее принципов управления из бизнеса, разрушение крупных организаций социальной сферы и т.п.), были произведены после выборов 1987 года на фоне экономического роста. Одновременно, с целью перетягивания на свою сторону относительно обеспеченных граждан (богатые слои населения, получившие снижение максимальных ставок подоходного налога, и так были на стороне правительства Тэтчер) консерваторы проводили политику привлечения массы населения к владению жильем, а также акциями предприятий под лозунгом создания «демократии собственников» через реализацию «права покупать». С этой целью правительство, с одной стороны, сокращало финансирование местных бюджетов, принуждая местные власти к распродаже домов на выгодных для их арендаторов условиях, а с другой — финансовыми мерами поддерживая низкие процентные ставки, делало привлекательными кредиты. В совокупности эти меры, существенно увеличив спрос на жилье, послужили пусковым механизмом спирали роста цен на недвижимость (во многих районах страны цены на жилье за год удвоились), что сделало неизбежным дальнейший рост инфляции. Разумеется, основные состояния были сделаны крупными коммерческими фирмами, оперирующими на рынке недвижимости и в банковской сфере, однако и многие обычные люди так или иначе включились в эту кампанию: существовала вера в то, что цены на жилье никогда не упадут и что владение недвижимостью — страховка от инфляции. Но и то, и другое оказалось неверным. К концу 1989 года после двух резких повышений

[193] Jones K. Op.cit. P. 198.

book-7_RAN_BLOK.indd 137 02.11.2009 17:34:52

процентных ставок на рынке жилья произошел коллапс. В результате существенного падения цен на жилье многие собственники жилья очутились в ситуации, когда взятый кредит оказался больше текущей стоимости их собственности. Как пишет К. Джонс, «владельцы жилья наконец поняли риск: мелкомасштабный капитализм был выгоден, пока стоимость акций и жилья росла, когда же пузырь лопнул, он стал означать финансовые осложнения (более четверти миллиона домовладельцев имели более чем полугодовую задолженность по выплате процентов), потерю семейного дома и иногда банкротство»[194]. Другим негативным эффектом от раскрученной консерваторами кампании стало то, что распродажа муниципального жилья (было продано около 1 млн. муниципальных домов) наряду с сокращением объема муниципального строительства существенно сократили объем доступного жилья, арендуемого по низкой цене.

Таков был неолиберальный ответ на так называемый «первый кризис социального государства». Но, как пишет Эспин-Андерсен, «за неочевидным исключением Великобритании, Новой Зеландии и США, неолиберальный проект оказался непривлекателен для большинства рядовых граждан и даже для их выборных представителей. Проекты неолибералов редко реализовывались на практике — даже там, где горячо одобряли их идеологию. Очевидно, что неолиберальная модель оказалась чересчур радикальной даже для большей части европейских правых»[195]. Если же в целом говорить о политике, с помощью которой капиталистические страны с высоким уровнем соцобеспечения преодолевали трудности, вызванные первым в истории существования социальных государств экономическим кризисом, то она состояла из имеющей страновые вариации смеси сокращений социальных расходов, протекции производству и фискальной дисциплины. В результате экономический рост в странах Запада возобновился и к 1983 году вернулся к темпу в более чем 3% в год.

На уровне же академической дискуссии тезис о том, что государство всеобщего благосостояния находится в противоречии с капиталистической экономикой, был отвергнут, во-первых, демонстрацией того, как финансируемая государством социальная сфера и социальные трансферты создают существенный «обратный поток» финансо-

[194] Jones K. Op.cit. P. 199–200.

[195] Эспин-Андерсен Г. Указ. соч., С. 27.

book-7_RAN_BLOK.indd 138 02.11.2009 17:34:52

вых ресурсов в рыночный капиталистический сектор, и, во-вторых, отсутствием явных доказательств в пользу тезиса от том, что расходы на соцобеспечение составляют нетерпимое для экономики бремя. С учетом важности этого вопроса для современной России остановимся на нем подробнее.

Соцобеспечение и экономический рост

Поиск ответа на вопрос, являются ли расходы государства на соцобеспечение, составляющие львиную долю госрасходов, фактором плохого функционирования экономики и препятствием для экономического роста, велся исследователями в следующих направлениях.

Во-первых, был проведен ряд исследований, базирующихся на межстрановых сопоставлениях, нацеленных на выявление статистической связи между расходами и экономическим ростом для установления корреляции между этими двумя переменными. Исходный посыл для такого рода анализа заключался в том, что тезис о социальных расходах как о бремени предполагает, что при прочих равных условиях экономика стран, больше расходующих на соцобеспечение, должна страдать сильнее, нежели экономика тех, что тратят меньше.

Во-вторых, предпринимались попытки отыскать косвенные факторы, воздействующие на функционирование экономики, и также связанные с системой государственного соцобеспечения. Исходным посылом в данном случае служила гипотеза о том, что экстенсивная система соцобеспечения может вытеснять более прибыльные сектора экономики, а также подрывать стимулы к экономической деятельности.

Что же показали исследования?

Начнем с того, что дал поиск прямых связей между расходами на соцобеспечение и экономическим ростом. В результате ряда авторитетных исследований, проведенных в середине 1980-х на основе данных ОЭСР, были сделаны следующие выводы.

Во-первых, уже знакомый нам вывод о том, что в тех странах, где дебаты по поводу государственного соцобеспечения и его влияния на экономический рост были в 1970–80-е годы особенно сильными, в действительности не имелось особенно высокого уровня государственных социальных расходов. Так, правительства Великобритании и США были особенно активны в реструктуризации социальных расходов с целью улучшения функционирования экономики, притом

book-7_RAN_BLOK.indd 139 02.11.2009 17:34:52

что эти страны тратили на основные социальные программы, соответственно, 18,7% и 16,9% ВВП — меньше, чем любая другая из крупных держав ОЭСР (за исключением Японии), и существенно ниже среднего уровня, равного примерно 22% (таблица 27). По-видимому, с учетом того, что в послевоенный период обе страны также демонстрировали низкий темп экономического роста, было удобно в поисках козла отпущения указать на бремя социальных расходов (на самом деле сравнительно низких).

Во-вторых, на основе корреляционного анализа данных, касающихся двадцати самых крупных стран ОЭСР, между ростом государственного вмешательства (будь оно измерено как валовые расходы государства или как расходы на отдельные социальные программы и т.д.) и валовым накоплением капитала удалось установить лишь очень слабую корреляционную связь, чуть более очевидная негативная связь обнаружилась между размером расходов и накоплением капитала. В итоге авторы исследований сделали следующее заключение: «Нельзя исключить возможность того, что государственное соцобеспечение в капиталистических странах вторгается каким-то, еще требующим определения, образом в процесс «накопление — инвестиции — рост — создание рабочих мест», однако, трудно возложить вину за низкий экономический рост на социальные расходы как таковые в ситуации, когда в странах, расходующих много, наблюдается такой же высокий темп экономического роста, как и в странах, расходующих мало»[196].

Аналогичные выводы следуют из анализа взаимосвязей между экономическим ростом и государственной политикой, направленной на смягчение неравенства, в 12-ти наиболее крупных стран ОЭСР в период экспансии социального государства с 1960 по 1977 гг., проделанного Туроу и др. и представленного на международной конференции в 1980 году: «Не существует прямой связи между эффективностью функционирования экономики, степенью социального неравенства и масштабом направленного на его смягчение перераспределения»[197].

Причинно-следственный анализ более свежих данных, касающихся темпов экономического роста и увеличения социальных расходов, лишь усиливает впечатление о сложности обнаружения между

[196] Taylor-Gooby P. Op.cit. P. 55.

[197] Taylor-Gooby P. Op.cit. P. 55.

book-7_RAN_BLOK.indd 140 02.11.2009 17:34:52

book-7_RAN_BLOK.indd 141

Таблица 27

Экономический рост и социальные расходы 1960–1991 гг.

Страна	Среднегодовой темп роста ВВП			Социальные расходв в % от ВВП		Среднегодовой темп роста социальных расходов	
	1960–74	1975–85	1985–91	1960	1985	1960–74	1975–85
США	3,4	2,6	3,0	10,9	16,9	6,5	2,5
Япония	8,6	4,3	4,4	8,0	14,8	8,5	5,7
ФРГ	3,8	2,0	3,2	20,5	24,1	4,8	1,4
Франция	5,0	2,1	3,0	13,4	28,4	7,3	4,4
Великобритания	2,6	1,5	2,8	13,9	18,7	3,9	1,9
Италия	4,6	2,2	3,2	16,8	27,7	5,5	3,4
Канада	5,1	3,3	3,4	12,1	21,0	7,6	3,0
В среднем	4,7	2,6	3,4	13,7	21,7	6,3	3,2

Источник: Taylor-Gooby P. «Social change, social welfare and social science», N.Y., L., 1995, p. 54.

02.11.2009 17:34:52

ними какой-либо прямой связи. Как следует из таблицы 27, в которой данные за 1960–1991 гг., касающиеся темпов экономического роста, разделены на периоды с целью показать воздействие связанной с нефтяным шоком 1974 года рецессии и последующего подъема, отношения между экономическим ростом и расходами на соцобеспечение не укладываются в модель, утверждающую, что расходы угрожают росту. Мы видим, что темпы роста имеют явные страновые вариации: резко упав в конце 1970-х, они с разной степенью успешности восстановились и снова снизились в период рецессии в начале 1990-х, особенно в США и Великобритании. При этом можно обнаружить примеры высоких темпов роста при низком уровне расходов, как в Японии. Однако есть и такие случаи, когда, несмотря на низкий уровень социальных расходов, экономический рост остается сравнительно низким, как в Великобритании, или умеренным, как в США. И напротив: высокий уровень социальных расходов вполне сочетается с умеренными темпами роста, как во Франции, Германии и Италии, а умеренный уровень социальных расходов — с высоким темпом роста, как в Канаде. Иначе говоря, в условиях конца 1980-х годов у стран с низкими расходами на соцобеспечение, таких как Великобритания и США, дела шли не успешнее, чем у стран, продолжавших поддерживать высокий темп роста социальных расходов, таких как Италия и Канада. Таким образом, как заключает Тейлор-Губи, «модель, в которой социальные расходы рассматриваются как экономическое бремя, может рассказать лишь часть истории».

Проблемы с демонстрацией прямой связи между социальными расходами и экономическим ростом потребовали поиска иного, более опосредованного влияния политики массового социального обеспечения на успешность функционирования экономики. В этой связи было выдвинуто два тезиса. Первый — о том, что государственное соцобеспечение отвлекает ресурсы из секторов, создающих национальный доход. И второй — о том, что высокий уровень налогообложения, необходимый для финансирования экстенсивного, покрывающего практически все население соцобеспечения, подрывает стимулы к работе, и таким образом экономика становится менее продуктивной, чем могла бы быть в противном случае. Рассмотрим каждый из тезисов по отдельности.

В своей книге «Экономические проблемы Великобритании: слишком мало производителей» британские авторы Бэкон и Элтис объясня-

book-7_RAN_BLOK.indd 142 02.11.2009 17:34:52

ли экономические проблемы Великобритании тем, что в 1960–1970-е годы нерыночный государственный сектор расширялся за счет рыночного: «Экспансия государства, особенно в социальной сфере, отвлекла ресурсы в нерыночные услуги, такие как образование и здравоохранение, и сократила ресурсную базу, которая могла бы пойти в индустрию»[198]. Однако, во-первых, практически нет свидетельств того, что упомянутый авторами критически значимый ресурс — труд — был отвлечен от промышленности сферой социальных услуг. На самом деле, в период экспансии социального государства с середины 1950-х до середины 1960–х годов эта сфера обеспечивалась принципиально новой рабочей силой, в первую очередь, ранее массово не занятыми замужними женщинами. Во-вторых, еще труднее предположить, что государственная система соцобеспечения отвлекает квалифицированный труд из промышленности во время высокой безработицы, которой характеризовался период рецессии, последовавшей за нефтяным кризисом.

И главное: государственное социальное обеспечение может быть не только бременем на шее производительного сектора, оно вполне может быть продуктивным — обеспечивая обратный поток средств и услуг, позволяющих рыночному сектору получать больше прибылей. Чтобы понять, как это происходит, необходимо, имея в виду множество затрагиваемых государственным соцобеспечением отраслей (а это все, что относится к здоровью, образованию, повышению квалификации, культуре, жилью, пассажирскому транспорту, службам социальной защиты, помощи инвалидам, семьям с детьми и т.д.), идентифицировать социальные группы, институты, предприятия и отрасли экономики, прямо или косвенно заинтересованные в росте государственных расходов.

Для этой цели требуется отказаться от модели, предлагаемой теорией распределения доходов и расходов, а вместо этого анализировать: 1) рынки, поддерживаемые расходами на социальные услуги и социальные трансферты в виде разнообразных пособий и выплат; 2) рабочие места, созданные в самих социальных секторах; 3) рабочие места и рост объемов производства в тех отраслях, которые производят потребительские товары, оборудование и услуги,

[198] Bacon R. and Eltis W. Britain's Economic Problem: Too few producers. L., Macmillan, 1978.

book-7_RAN_BLOK.indd 143 02.11.2009 17:34:52

необходимые для функционирования и развития социальных секторов[199].

В этом случае мы увидим, что ряд социальных трансфертов, а именно выплат, предоставляемых с тем, чтобы возместить или дополнить доходы граждан, являются не чем иным, как финансированием потенциального спроса, который иначе невозможно сделать эффективным. Такие, полученные прямо реципиентами выплаты, возвращаются предприятиям и другим организациям, обеспечивающим те товары и услуги, в которых эти получатели трансфертов нуждаются. Таким образом, социальные трансферты поддерживают или увеличивают глобальный спрос различных слоев населения.

Не следует недооценивать и масштаб динамического эффекта, который растущие инвестиции государства в сферы, занятые поддержанием, адаптацией и развитием человеческих ресурсов (здравоохранение, образование и т.д.) или просто улучшением человеческого бытия как такового (помощь престарелым, инвалидам и т.п.), оказывают на рост производства и строительной индустрии, связанных с этими сферами. Огромное множество отраслей экономики имеет прямой интерес в функционировании и развитии социального сектора, поскольку они возводят для организаций социальной сферы здания и предоставляют инженерные услуги, поставляют или устанавливают бытовое и лабораторное оборудование, медицинские приборы и инструменты, фармацевтические препараты, бухгалтерские и информационные услуги и т.д.. Как подчеркивает Ж. Делкурт, «эти снабжающие отрасли и их представители имеют дело не с пациентами и получателями пособий, а с квалифицированным персоналом социального сектора»[200]. Таким образом, социальные расходы в виде, с одной стороны, поддерживающих спрос социальных трансфертов, а с другой стороны, финансирования государством предложения товаров и услуг, производят двойной эффект: создавая спрос и обеспечивая соответствующие инвестиции, они поддерживают занятость высококвалифицированного персонала как непосредственно в социальной сфере, так и в отраслях, обеспечивающих ее функционирование.

---

[199] Social policy in Western Europe and the USA, 1950–80: An assessment / Ed. by Girod R. et al. Basingstoke; L., 1985.

[200] Social policy in Western Europe and the USA, 1950–80: An assessment. Op.cit.

book-7_RAN_BLOK.indd 144 02.11.2009 17:34:52

И, наконец, следует упомянуть о том вкладе социальной сферы в развитие промышленных предприятий и конкурентоспособность национальной экономики в целом, каковым является подготовка системой образования высококвалифицированной рабочей силы.

Итак, не существует убедительных свидетельств того, что государство всеобщего благосостояния истощает ресурсы производительного сектора и вытесняет его из экономики. Напротив, логика, следующая из адекватной модели анализа, говорит об обратном. Критичным же, как подчеркивает Тейлор-Губи, является не масштаб государственных расходов на социальное обеспечение, а характер и организация системы соцобеспечения, а именно: расширяет ли она рынки для непосредственно производительного сектора, открывая населению возможность прямо или опосредованно приобретать его продукцию, и обеспечивает ли непосредственно производительный сектор рабочей силой, способной более эффективно трудиться[201].

Теперь обратимся к тезису о том, что налоговое бремя, требующееся для финансирования государства всеобщего благосостояния, подрывает трудовую мотивацию, поскольку люди получают меньше денег, чем они зарабатывают, и, в конечном итоге — снижает эффективность экономики.

Лежащая в основе этого тезиса логика такова: чем хуже вознаграждается труд, тем сильнее тенденция замещать его досугом. Правда, как подчеркивает Тейлор-Губи, теоретически можно применить и обратную логику: поскольку больше дохода уходит на налоги, возникает стимул больше работать, чтобы восполнить средства, отданные государству. Эмпирические данные также не содержат явных указаний на то, какой из эффектов налогообложения — эффект «замещения досугом» или эффект «дополнительных трудовых усилий» — доминирует. Проведенное в рамках ОЭСР авторитетное международное исследование заключило, что уровень налогообложения в целом не оказывает серьезного воздействия на интенсивность трудовых усилий[202], этот же вывод содержится в ряде британских исследований в 1979–1981 гг.[203].

Однако получившие распространение в середине 1980-х новые теории об эффектах налогообложения вновь обострили дискуссию о

---

[201] Taylor-Gooby P. Op.cit.

[202] Godfrey L. Theoretical and Empirical Aspects of the Effect of Taxation on the Supply of Labor. Paris: OECD, 1975.

[203] Brown C. Taxation and Incentive to Work, Oxford, 1980.

book-7_RAN_BLOK.indd 145 02.11.2009 17:34:52

судьбе государства всеобщего благосостояния и как будто бы снабдили дополнительными аргументами разделяющие эти теории политические силы. Во всяком случае, идеи, связанные с именем американского экономиста Лаффера, оказали значительное влияние на фискальную политику в США и Великобритании.

Данная теория утверждала: высокий уровень налогообложения подрывает стимулы к труду и в целом замедляет темпы экономического роста в такой степени, что доходы государства оказываются ниже, чем они могли бы быть в ином случае. Соответственно, на долгий срок сокращаются возможности государства финансировать социальные программы: «жадное государство само себя истощает»[204]. Г. Лепаж выразил это следующим образом: «Требуя все больше и больше усилий от населения и, особенно, в налоговой политике, передвигая верхний уровень налогообложения и устанавливая предел преимуществам, которые может принести доход, государство всеобщего благосостояния постепенно нивелирует разницу между материальным положением людей, какова бы ни была степень их активности и созидательности. Сжимая шкалу доходов, оно постепенно становится эгалитарным государством, и этот его характерный эгалитаризм, ограничивающий разницу в потребительских возможностях и поощряющий массы не следовать элитарному потреблению, атакует одно из оснований экономического и социального динамизма. Во все времена должно быть производство и потребление не только товаров и услуг, востребуемых всеми, но также и круга иных товаров и услуг, дифференцированных настолько, чтобы отражать респектабельную социальную позицию индивидов и семей, — по крайней мере, если есть желание придать или сохранить динамичность процесса развития»[205]. Свои рассуждения Лепаж подкрепляет цитатой из Кольма: «Мы должны позволить богатым быть богаче, так чтобы бедные могли быть менее бедными... не потому, что чрезвычайное неравенство оправдано само по себе, а потому, что самый элементарный реализм обязывает нас видеть, что вне определенных пределов любая политика, состоящая в отнимании у богатых ради того, чтобы отдать бедным, приводит к такому эффек-

[204] Canto V., Jones D. and Laffer A. Tax rates, factor employment, market productivity and welfare / Canto V., Jones D. and Laffer A. (eds.) Foundation of Supply-side Economics, N.Y.; Academic Books, 1983.

[205] Social policy in Western Europe and the USA, 1950–80. Op.cit. P. 73.

book-7_RAN_BLOK.indd 146 02.11.2009 17:34:52

ту, который делает последних еще беднее. Они теряют больше из-за снижения ВВП, связанного с негативным эффектом от роста перераспределительного налогообложения»[206].

Согласно теории Лаффера, рациональная стратегия правительства, желающего максимизировать налоговые доходы, должна быть такова: сокращение уровня налогообложения до пределов, поощряющих индивидов к более усердной работе — рост экономики — рост доходов, доступных для налогообложения — рост государственных доходов. Казалось, что и эмпирика говорит в пользу идей Лаффера: в Великобритании в 1979–1986 гг. доля налоговых поступлений от 5% наиболее высокооплачиваемых налогоплательщиков выросла с 24% до 27% всех налоговых доходов, притом что верхний предельный уровень налога снизился в 1979 году с 83% до 60% и иные изменения также были в пользу этой группы. Глава британского Минфина в своей речи по поводу бюджета на 1988 год доказывал: «Чрезмерный уровень налога на доходы разрушает предприимчивость, поощряет уклонение и преследует талант... В результате, в реальности дополнительные государственные доходы растут меньше. Напротив, снижение верхних уровней подоходного налогообложения может привести к более высоким сборам в казну»[207].

Что же получилось на практике? Налоги были резко сокращены, государственный бюджет недосчитался 6 млрд. фунтов, хотя энтузиасты теории Лаффера предсказывали 8% рост государственных доходов за счет усиления стимулов. Кроме того, было найдено иное объяснение роста доли налогов, уплаченных наиболее высокодоходными группами в 1980-х, — детальный анализ показал, что это было связано с усилением неравенства доходов: «Простой факт состоит в том, что доходы наиболее обеспеченных налогоплательщиков росли в этот период гораздо быстрее, чем доходы остальных налогоплательщиков, и это — то самое, что в основном и объясняет возросшую долю налоговых доходов государства, внесенную богатыми»[208].

Тщательный анализ недавно полученных данных также приводит исследователей к выводу, что снижение уровня налогообло-

---

[206] Social policy in Western Europe and the USA, 1950–80. Op.cit. P. 74.

[207] Taylor-Gooby P. Op.cit. p. 59.

[208] Kell M. Top Rate Tax Cuts, Incentives and Revenue // Economic Review, 1988, September, p. 31.

book-7_RAN_BLOK.indd 147 02.11.2009 17:34:53

жения не заставляет людей работать усерднее или в течение более длительного времени, нежели это было бы в противном случае: «Недостаточно свидетельств, позволяющих считать, что в случае усиления налоговых послаблений или сокращения в базовом уровне налога был бы сколько-нибудь существенный рост в краткосрочном предложении труда»[209].

Таким образом, поиск негативной связи между масштабами государственных расходов на соцобеспечение и здоровьем экономики оказывается безуспешным как при попытках найти прямую корреляцию между темпами экономического роста и размером государственных расходов, так и в рамках поиска факторов, опосредованно воздействующих на экономику, таких как ресурсы и стимулы. Можно привести примеры успешных и неуспешных экономик как с относительно высоким, так и с относительно низким уровнями государственных социальных расходов. «Подобный результат, — заключает Тейлор-Губи, — говорит о том, что связь между всеобъемлющим и универсальным социальным обеспечением и экономическим ростом гораздо более сложная, нежели предполагает теория, утверждающая, что одно является бременем для другого. Соответственно, расходы государства на социальное обеспечение не есть роскошь, от которой надо отказаться, когда наступают непростые времена». Судя по данным ряда исследований, специфика организации соцобеспечения в гораздо большей степени определяет его воздействие на экономику, нежели масштаб расходуемых средств. Соответственно, «поиск предельных размеров доли ВВП, которая может быть направлена на социальные расходы без ущерба экономике, попросту не имеет смысла»[210].

И, наконец, самый главный вопрос. Весь разговор о влиянии масштабов соцобеспечения, уровня налогов и т.п. на эффективность экономики подразумевает: благоприятные экономические условия и, прежде всего, освобождение бизнеса от излишних социальных повинностей, позволит ему создать гораздо «больший пирог», в результате чего и самым бедным группам населения достанется кусочек побольше. Такова логика известной либеральной метафоры о «большом пироге». Однако достаточно ли одного экономического роста, чтобы преодолеть бедность?

---

[209] Brown C. Will the 1988 Tax Cuts either Increase Incentives or Raise More Revenue? // Fiscal Studies, 1988, vol. 9, no. 4, p. 107.

[210] Taylor-Gooby P. Op.cit., p. 54.

book-7_RAN_BLOK.indd 148 02.11.2009 17:34:53

Как пишет Б. Ротштейн, «конечно, большой пирог лучше маленького, но остается вопрос о том, как его будут делить»[211]. Более того, даже если при увеличении пирога абсолютный размер кусочка, выделяемого наименее обеспеченным группам, и увеличится, останется вопрос об относительной величине этого кусочка пирога в сравнении с другими социальными группами. То есть так или иначе возникает вопрос о том, как этот увеличившийся в размерах пирог распределяется в обществе. Проиллюстрируем сказанное на примере данных уже знакомой нам таблицы 19.

Как мы видим, несмотря на тот факт, что в середине 1980-х годов США имели более высокий и более стабильный экономический рост, нежели большинство включенных в исследование европейских стран, и, кроме того, более низкий уровень безработицы, доля американских домохозяйств, находящихся в бедности, была более чем в 2 раза больше, чем в любой из европейских стран. Таким образом, теория о том, что общий экономический рост избавляет общество от бедности — безотносительно действующих в обществе механизмов перераспределения, не подтверждается.

Второй кризис социального государства

В конце 1980-х годов, сначала на фоне экономического спада, а затем и на фоне роста возник так называемый «второй кризис социального государства». И если ранее критики государства всеобщего благосостояния черпали силы из экономического кризиса, служащего предлогом для побуждения к радикальному сокращению социальных расходов, то в 1990-х они заявляли, что государство с такой системой соцобеспечения устарело, поскольку социальный контекст, в котором реализуется традиционная модель государственного соцобеспечения, фундаментальным образом изменился, и прежняя социальная политика больше не способна эффективно отвечать на социальные нужды.

Доводы тех, кто утверждает, что объективные социальные изменения представляют собой внешнюю, то есть неподвластную государству угрозу, касаются трех моментов.

Во-первых, экономического давления на государственное соцобеспечение. Возникавший в 1990-х годах в государствах всеобщего

[211] Rothstein B. Op.cit.

book-7_RAN_BLOK.indd 149 02.11.2009 17:34:53

благосостояния (например, в Швеции) бюджетный дефицит, хотя, во-первых, и был затем более чем преодолен и, во-вторых, не исключено, что был вызван не размахом соцобеспечения, а серьезными макроэкономическими ошибками, тем не менее, указал на финансовую неустойчивость. Кроме того, поскольку уровень налогообложения в подобных государствах, с международной точки зрения, уже достаточно высок, все возрастающие требования в отношении социальных услуг и выплат вряд ли могут быть, как минимум, в их большей части, решены за счет увеличения налогов.

Во-вторых, изменений в возрастной структуре населения. Согласно докладу ОЭСР от 1988 года, демографический анализ вкупе с данными о том, что старшие поколения используют больше социальных услуг, указывает на серьезные проблемы, ожидающие социальное государство в будущем[212]. Поскольку соцобеспечение в любом случае возлагает бремя на экономику, эта информация дает серьезный повод для того, чтобы задуматься о возможности сохранения в будущем текущих форм соцобеспечения.

В-третьих, новых моделей семейной жизни, влияющих на объем социальных потребностей и возможность их удовлетворения. Традиционно значительная часть ухода за детьми, стариками, больными и инвалидами осуществлялась семьей. Однако продолжающиеся изменения в типе семьи (рост числа неполных семей, тенденция к сокращению размера домохозяйства, ведущая к росту доли одиноких молодых и, особенно, престарелых людей и т.д.) говорят о том, что помощь со стороны семьи уходит в прошлое, и забота об этих членах общества будет все больше перекладываться на государство.

Современные вызовы социальному государству осознаются и теми, кто не относится к противникам государства всеобщего благосостояния. Причем обеспокоенность у них вызывают не только эти тенденции. Так, Эспин-Андерсен указывает на вызовы, порождаемые технологическими изменениями и глобализацией: «Возникают совершенно новые группы победивших и проигравших членов общества. В эпоху социально ответственного капитализма промышленные рабочие и низкоквалифицированный персонал, как правило, могли надеяться на получение достойно оплачиваемой стабильной работы.

---

[212] OECD, Ageing Population, Paris: OECD, 1988.

book-7_RAN_BLOK.indd 150 02.11.2009 17:34:53

В XXI веке — уже нет. Основные требования к тем, кто хочет жить обеспеченно и уверенно, одновременно и растут, и изменяются. Люди, не обладающие достаточными навыками или культурными и социальными ресурсами, могут быстро скатиться к образу жизни, характеризующемуся низкой оплатой труда, безработицей и случайной занятостью»[213].

На угрозах, связанных с глобализацией, мы подробнее остановимся несколько позже. Что же касается вызовов, порождаемых научно-техническим прогрессом, то, как поясняет тот же Эспин-Андерсен, проблемы связаны с потенциальной дуалистичностью формирующейся экономики: хотя основной сдвиг происходит в сторону создания рабочих мест для квалифицированных специалистов, может возникнуть и рынок низкооплачиваемых, рутинных услуг, альтернатива которому — массовая безработица. Каким же видится выход из этой объективно сложной ситуации? «Дуалистичность постиндустриальной структуры занятости не превратится в постиндустриальную классовую пропасть, если — и это важное «если» — общество сумеет гарантировать защиту от пожизненного пребывания в подобной ловушке. Для этого нужна система, дающая широкие возможности для мобильности. Возможно, потребуются и другие меры, так как углубление индивидуального неравенства может увеличить неравенство домохозяйств — брачные союзы по-прежнему объединяют людей с близким социально-экономическим статусом, следовательно, в постиндустриальном обществе победители и проигравшие будут группироваться в отдельных домохозяйствах»[214].

Важно заметить, что задача преодоления нового индивидуального неравенства рассматривается в гораздо более широком контексте, нежели судьба отдельных индивидов — от решения этой задачи зависит будущее современного социального государства, способность справиться с вызовом, рожденным его же успехами, — проблемой старения населения. Вот как излагает эту логику преодоления Эспин-Андерсен: «Каждому, кто лишен идеологических пристрастий, должно быть очевидно: развитые страны в XXI веке не могут позволить себе не быть эгалитарными. Равенство возможностей и жизненных шансов становится обязательным условием эффективности. Человеческий

[213] Эспин-Андерсен Г. (2006) Указ. соч. С. 27.

[214] Эспин-Андерсен Г. (2006) Указ. соч. С. 28–29.

book-7_RAN_BLOK.indd 151 02.11.2009 17:34:53

капитал — это наиболее значимый ресурс, необходимый для создания динамичной и конкурентной экономики знаний. Тут неизбежно затрагиваются вопросы социальной справедливости. Мы стоим перед лицом огромного демографического дисбаланса, связанного со снижением численности когорт трудоспособного возраста, и для поддержки пожилых нам следует максимизировать производительность труда молодежи».

3.3. Социальное государство в эпоху глобализации

Говоря о современных вызовах социальному государству, среди прочих мы упомянули и фактор глобализации. Остановимся на нем подробнее и рассмотрим, как влияет глобализация не только на давно сложившиеся социальные рыночные экономики, но и на те страны, кому движение в сторону развитого социального государства еще предстоит, в том числе на Россию.

Итак, каково влияние экономической глобализации на степень социальной защищенности населения? Ответ на этот вопрос далеко не однозначен.

С одной стороны, глобализация с ее не зависящей от национальных границ циркуляцией капиталов и производств и универсализацией потребительской культуры как будто бы должна позитивно сказываться на социальной сфере: новые рабочие места, а значит, дополнительные отчисления в социальные фонды; экономический подъем, а значит, и возможности для увеличения бюджетных ассигнований на социальные нужды; и конечный результат — постепенное выравнивание уровня и качества жизни всех обитателей «глобальной деревни». Во всяком случае, именно такова логика, положенная в основу апологетики глобализации.

Однако реальная практика нередко свидетельствует об ином, если не об обратном эффекте. Цифры говорят о нарастающей поляризации развитого центра и мировой периферии. Так, например, блестящие реформы в странах Юго-Восточной Азии в 1980-х годах позволили им достичь 7%-ного роста ВНП на душу населения. В этот же период рост ВНП на душу населения в странах «большой семерки» составил 34%. Основная причина нарастания разрыва обусловлена быстрым ростом доли информационной и интеллектуальной составляющей в цене

book-7_RAN_BLOK.indd 152 02.11.2009 17:34:53

товара, а подавляющее доминирование на рынке высоких технологий (в том числе и информационных) и управленческих услуг имеет так называемый постиндустриальный мир. Как замечает В. Иноземцев, «хотя информация и становится все более доступной, она оказывается наименее демократичным фактором производства, ибо доступность не то же самое, что обладание»[215].

Более того, на фоне глобализации социальные проблемы в виде растущего разрыва между элитой и малоимущими слоями, массовой нисходящей мобильности среднего класса, утраты чувства социальной защищенности и т.п. усугубляются и внутри стран самого центра. Социологические исследования показывают, что в наше время американцы больше всего боятся потерять работу[216]. Если 10–15 лет назад 75% американцев, работающих не в сфере управления, были уверены в сохранности своих рабочих мест, то сегодня такую уверенность чувствуют лишь 51%; аналогичное снижение чувства уверенности в отношении своих рабочих мест наблюдается и у работников управленческого аппарата[217]. Что же касается углубления имущественного неравенства, то если в период с начала 30-х до середины 70-х годов доля национального богатства, принадлежавшая одному проценту наиболее состоятельных семей, снизилась в США с 30% до 18%, то к 1981 году упомянутый один процент американского населения увеличил свою долю в национальном богатстве до 24%, к 1984 году — до 30%, а к середине 90-х — до 39%[218]. Подобные социально-экономические издержки глобализации вооружают аргументацией ее критиков.

Противоречивость исходных постулатов глобализационной теории выводу о выравнивании уровней социально-экономического развития стран в процессе глобализации заметна и в рамках чистой логики. Так, одним из основных тезисов США в пользу экономической глобализации и создания наднациональных финансовых институтов был тезис о том, что поддержание экономической системы и полной занятости населения Соединенных Штатов требует такого объема экспортной прибыли, который может быть достигнут при условии доступа к ресурсам и рынкам большей части мира (и действительно,

---

[215] Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация. М. 1999, С. 157.

[216] Harris poll, January 3, 1994.

[217] The New Deal: What Companies and Employees Owe One Another, Fortune, 1994.

[218] Nelson J. Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequality in America. L. 1995.

book-7_RAN_BLOK.indd 153 02.11.2009 17:34:53

на протяжении 1990-х годов США получили от роста экспорта около трети прироста своего ВНП[219]). Одновременно утверждалось, что глобальное распространение американской экономической модели сделает мир единым и процветающим. Однако выполнение условия, сформулированного в первом тезисе, перекрывает менее развитым и, тем более, получившим крупные займы на развитие странам возможность повторить опыт США: масштабный приток американского промышленного экспорта подавляет их собственную промышленность, не дает достичь положительного торгового баланса и выплатить долги международным финансовым институтам[220].

России в силу амбивалентности ее нынешнего положения — тенденций, ведущих ее к скатыванию в третий мир, с одной стороны, и пока еще не утраченных возможностей для прорыва в мир развитый, с другой стороны, — важно присмотреться как к опыту стран-лидеров глобализации, так и к опыту стран, играющих в глобализационном процессе лишь роль объекта.

Начнем с лидеров. Отвечая критикующим глобализацию за порожденные ею социальные издержки для развитого мира, в частности для США, Д. Хенвуд задается вопросом, действительно ли в глобализированных экономиках социальное неравенство сильнее, чем в неглобализированных. И, основываясь на данных исследования ежегодных индексов глобализации, согласно которым в более глобализированных странах социальная ситуация, хотя и далека от совершенства, тем не менее, отличается меньшим неравенством, чем в странах менее глобализированных, приходит к выводу, что воздействие глобализации — слишком простое объяснение причин усиления неравенства, и что на перераспределение доходов в большей степени, нежели интернационализация экономики, влияет то, как внутри национальных границ действуют институты государства и общества (например, профессиональные союзы): «Социал-демократии Западной Европы более глобализированы, нежели США, и при этом более социально однородны, то же самое, хотя и в меньшей степени, относится к Канаде. Южная Корея гораздо более глобализирована нежели Бразилия, но неравенство в южнокорейском обществе слабее, то же самое касается и Мексики»[221].

[219] Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001.

[220] Кортен Д. Когда корпорации правят миром. С-Петербург. 2002.

[221] Henwood D. Beyond Globophobia // After the New Economy. New Press. 2003.

book-7_RAN_BLOK.indd 154 02.11.2009 17:34:53

Действительно, как мы видели в разделе, посвященном первому кризису социального государства, различные страны отвечают на экономическое давление по-разному — в зависимости от социально-политических традиций, предусматривающих ту или иную степень участия государства в обеспечении благосостояния населения. Тем не менее, нельзя не заметить того, что глобализация все же является фактором, вызывающим существенную коррозию общественных и государственных институтов, влияющих на социальный контекст.

Так, наблюдающееся в развитых странах некоторое ослабление профсоюзного движения в значительной степени обусловлено конкуренцией с рабочей силой стран третьего мира, многократно менее оплачиваемой за аналогичный труд при несопоставимо худших условиях труда и в то же время лишенной или существенно ограниченной в возможности защищать свои права в отношениях с работодателем. Отсутствие у наемного труда слаборазвитых стран права на организацию профсоюзов и заключение коллективных договоров с работодателями (такова плата стран периферии за участие в глобализации), позволяет искусственно сдерживать заработную плату работников на уровне одной десятой от оплаты труда организованного рабочего сектора развитых стран Запада. Причем, если ранее процесс глобализации затрагивал в развитых странах лишь «синих воротничков» (квалифицированных рабочих), терявших работу в связи с переносом в менее развитые страны трудоемких производств, то с конца 1990-х годов в аналогичном положении все чаще оказываются и «белые воротнички» — специалисты, занятые интеллектуальным трудом. Авторы книги «Новая волна аутсорсинга» указывают, что в условиях, когда американский программист получает 60–80 тыс.долл. в год, а равный ему по квалификации программист, живущий в Ирландии, получает 23–34 тыс.долл., в Израиле — 15–38 тыс. долл., а в Польше или Венгрии готов работать за 6–8 тыс., в Индии — за 5–11 тыс, в Китае — за 8–9 тыс., на Филиппинах — за 6–7 тыс., в России — за 5–7,5 тыс. долл., американским корпорациям становится невыгодно нанимать программистов в США. И опрос, проведенный среди топ-менеджеров американских корпораций консалтинговой фирмой Diamond Cluster International, показывает, что около 86% из них предполагают переводить в иные страны подразделения своих фирм,

book-7_RAN_BLOK.indd 155 02.11.2009 17:34:53

занятых информационными технологиями[222]. Правда, забегая вперед, следует заметить, что при возникновении у транснациональной корпорации серьезных финансовых проблем, она, как правило, в первую очередь избавляется от служащих своих подразделений, расположенных вне пределов развитого мира.

Подобная глобальная конкуренция вынуждает наемных работников из развитого мира соглашаться на сокращение штатов, снижение реальной заработной платы и т.п. и усиливает их зависимость от временных работ, работ по совместительству без всяких льгот и т.п. Глобализационный фактор дополнительно усугубляется изменениями в организации труда, обусловленными заменой старой «тейлористско-фордистской» системы новой производственной моделью, более адаптированной к постоянному обновлению технологий и номенклатуры продукции, но одновременно делающей наемный труд все более индивидуализированным, а отношения работника и фирмы все более персонализированными. Возникающая в таких условиях флексибильность — гибкость в оплате труда, организации рабочего времени, трудовой мобильности и т.п., с одной стороны, позволяет работникам адаптироваться к меняющимся экономическим условиям, но с другой — усиливает их уязвимость и, следовательно, зависимость от работодателя[223].

Глобальный характер основных экономических акторов сказывается на функционировании и иных социально-политических институтов: сужает сферу деятельности национальных правительств и подтачивает демократический контроль, причем даже в странах с развитой парламентской традицией. Как отмечает председатель Мексиканской сети содействия свободной торговле И. Эскаланте, «до образования НАФТА мы считали, что корпорации могут подкупать лишь правительства Юга. Теперь мы видим, что они подкупают также и правительства Севера»[224].

В силу перечисленных факторов удержание транснациональных корпораций в границах исходного для ТНК национального государства оказывается весьма проблематичным. Например, в Швеции

---

[222] http:www.aglob.ru/ Washington ProFile.

[223] Клеман К. Мир наемного труда как «внутренняя периферия» // Россия в центро-периферическом мироустройстве. М. 2003.

[224] Кортен Д. Указ.соч. С. 23.

book-7_RAN_BLOK.indd 156 02.11.2009 17:34:53

ориентированное на поддержание полной занятости социал-демократическое правительство с целью побудить шведские транснациональные фирмы сосредоточить свою деятельность в данной стране устанавливало действительную эффективную ставку налога на прибыль, полученную в Швеции, на гораздо более низком уровне, нежели для прибылей, полученных за рубежом. И в первоначальный период это способствовало становлению альянса между крупными шведскими корпорациями и рабочими организациями и содействовало централизованным мирным переговорам по вопросам заработной платы и условий труда. Но одновременно такая налоговая система приводила к концентрации и монополизации собственности и росту разрыва между элитой и остальными слоями населения. По мере того, как элита добивалась все большей финансовой власти, росли и ее возможности по осуществлению контроля над зависимым от нее производительным трудом. Ситуацию усугубил экономический спад, давший дополнительный импульс к интернационализации экономики Швеции. На ранних этапах глобализации внешнее расширение шведских фирм создавало новые рабочие места и в собственной стране, и потому цели обеих сторон альянса не обнаруживали серьезных противоречий, однако как только шведские транснациональные корпорации стали определять свои собственные интересы как глобальные, а не национальные, альянс начал распадаться: «Чем больше правительство в своих отчаянных попытках сохранить рабочие места в стране уступало требованиям финансовой элиты, тем больше ресурсов перетекало в руки этой элиты, тем больше прав она получала, чтобы диктовать общественную политику в своих собственных интересах, и тем большее давление испытывала структурная основа общества»[225].

В этом смысле шведский опыт не уникален, очевидное сходство наблюдается и в других странах — мировых лидерах. Поэтому опыт развитых стран в контексте глобализации может быть полезен и для России. Дело в том, что обычно тема глобализации применительно к нашей стране подразумевает проблематику, связанную с приходом транснациональных корпораций на российскую территорию. Такой аспект, безусловно, важен (и на нем мы подробнее остановимся ниже), однако нельзя не учитывать перспективу интернализации изначально

[225] Кортен Д. Указ.соч. С. 74.

book-7_RAN_BLOK.indd 157 02.11.2009 17:34:53

российских компаний и недооценивать возможность вывода производств уже с российской территории — в случае, если в России по тем или иным причинам произойдет заметный рост реальной заработной платы, повышение уровня и качества соцобеспечения, устранение дисбаланса в пользу работодателей в трудовом праве, ужесточение природоохранного законодательства и т.п. Ведь специфика полупериферийной позиции в мирохозяйственной системе в том и состоит, что, являясь периферией по отношению к центру, для более отсталых стран полупериферийная страна сама может выступать в качестве центра — со всеми плюсами и минусами этого положения. Так, например, Мексика полагала, что Североамериканский договор о свободной торговле (НАФТА) позволит ей благодаря своей дешевой рабочей силе стать основным поставщиком продукции на американский рынок, однако за последние несколько лет многие мексиканские заводы, занимавшиеся производством электронного оборудования, были закрыты, поскольку корпорации предпочли перевести производства в страны с еще более дешевым трудом (в Малайзию, Индонезию, на Филиппины), при этом американские владельцы розничных мегасетей, пользуясь правилами НАФТА, имеют возможность ввозить в Мексику товары, произведенные в странах с еще более низкой оплатой труда, тем самым подавляя ее промышленность[226].

Кстати, вопрос о позитивных изменениях в уровне соцобеспечения российского населения, совершенствовании социального и трудового законодательства имеет принципиальное значение и при привычном ракурсе рассмотрения темы «Россия и глобализация», связанном с перспективами и проблемами включения России в орбиту интересов транснациональных корпораций. Ведь в этом случае Россия может терять свою привлекательность для ТНК, поскольку будет в меньшей степени удовлетворять условию обеспечения для крупных корпораций возможностей экстернализировать свои издержки — перекладывать часть затрат, возникающих при производстве товаров, на общество.

Интерес корпораций к экстернализации издержек логичен: очевидно, что производитель, сумевший успешно переложить вовне, на общество, свои социальные и экологические издержки, получает более высокую прибыль. Это позволяет ему привлечь больше инвесто-

[226] Хорос В. Полупериферия в контексте глобализации // Россия в центро-периферическом мироустройстве. М. 2003.

book-7_RAN_BLOK.indd 158 02.11.2009 17:34:53

ров, а также, предложив более низкие цены, захватить большую долю рынка. По мере возрастания экономической власти увеличивается и политическое влияние таких корпораций — у них возникает возможность использовать свое влияние на законодателей с целью дальнейшей «оптимизации» правил игры, иначе говоря, предоставления им дальнейших преференций. Причем чем крупнее рыночные игроки, тем более монопольным и менее конкурентным становится рынок, и тем легче крупным фирмам добиваться от государства (правительства и парламента) уступок, позволяющих им перекладывать все большую часть своих издержек на общество.

Вопрос экстернализации издержек имеет принципиальное значение в рамках обсуждения проблем социального обеспечения в контексте глобализации. Дело в том, что крупные фирмы имеют возможность экстернализовать свои издержки за счет привлечения низкооплачиваемого труда, снижения уровня социального страхования и стандартов безопасности на производстве, загрязнения окружающей среды (не компенсируемого производителем) и т.п. Кстати, именно на это намекают защитники глобализации, предостерегающие представителей развитого мира от громких упреков в ее адрес в связи со снижением их жизненных стандартов. Так, Д. Хенвуд пишет: «Жалуясь на глобализацию, нам, жителям «первого мира», следует проявлять осторожность, ибо, как и в те времена, когда европейское богатство в первую очередь зависело от колоний, так и сегодня мы извлекаем наши прибыли из дешевого труда и дешевых ресурсов»[227].

Когда капитал ограничен пределами национальных границ торговых партнеров, он мотивирован на перетекание в те отрасли, в которых страна происхождения капитала имеет сравнительное преимущество. Когда же экономики сливаются, то капиталу естественно (в отсутствие ощутимых ограничений) перетекать туда, где есть больше возможностей экстернализировать издержки. Не случайно основу рекомендаций по привлечению ТНК в регионы, ощущающие острую нехватку рабочих мест, составляют такие, в которых подразумевается создание условий для экстернализации корпоративных издержек: предоставление крупным инвесторам различных субсидий и налоговых льгот, низкий уровень оплаты труда и социальных стан-

[227] Henwood D. Beyond Globophobia // After the New Economy. New Press. 2003.

book-7_RAN_BLOK.indd 159 02.11.2009 17:34:53

дартов для местного персонала, нетребовательность экологического законодательства и т.п. Дополнительный импульс к созданию требуемых условий создается посредством формирования финансовой задолженности национальных государств глобальным финансовым институтам. Сегодня практически уже никто не опровергает тезис о том, что «финансовая помощь», предоставляемая странам третьего мира организациями типа Всемирного Банка, МВФ и т.п., по существу является инструментом углубления зависимости этих стран от глобальной системы, мотивирующей их учитывать интересы крупных корпораций. Как утверждает Д. Кан, «Всемирный Банк следует рассматривать как институт, осуществляющий власть с помощью своих финансовых рычагов, чтобы писать целые разделы законодательства и даже изменять конституционную структуру стран-должников. Одобренные банком консультанты часто пишут заново ...трудовое законодательство, требования к здравоохранению, ...правила выделения средств и бюджетную политику»[228]. Очевидно, что при наличии серьезной внешней задолженности наибольшим сокращениям подвергаются социальные расходы государственного бюджета. В той или иной мере в подобном положении оказались и так называемые «переходные страны», включая Россию, что не могло не сказаться на ее социальном контексте[229].

Возможность солидарных действий и самоорганизации как в международном плане — на уровне групп государств, являющихся объектами глобализации, – так и на уровне одной социальной общности, усложняется, если не подрывается, в силу формирования в процессе интернализации экономики новой мировой стратификации, при которой деление на «первый» и остальные «миры» становится более сложным. При неизменности отрыва периферии от развитых стран структура самой периферии, в том числе внутренняя структура входящих в нее стран, их отдельных регионов и даже городов, начинает представлять собой систему концентрических окружностей со своим центром и периферией.

Итак, добросовестный и стереоскопический взгляд на глобализационные процессы требует признать наличие ряда серьезных про-

[228] Кортен Д. Когда корпорации правят миром. С-Петербург. 2002.

[229] Wedel J.R. Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. N.Y., 2001.

book-7_RAN_BLOK.indd 160 02.11.2009 17:34:53

блем, главная из которых — объективно возникающая тенденция к монополизации глобальными структурами контроля над экономической и социальной жизнью общества. И хотя определенные издержки от этой монополизации ощущают все страны, очевидно, что наиболее серьезные испытания выпадают на долю тех стран, которые способны выступать лишь в качестве объектов глобализации, поскольку в этом случае негативные последствия практически не компенсируются плюсами от интернационализации экономики.

Возможно ли минимизировать эти негативные тенденции, и каковы в этом смысле перспективы России?

Современные социальные мыслители в качестве такого ограничителя называют демократический плюрализм — систему управления, основанную на прагматическом равновесии сил рынка, государства и гражданского общества. Действительно, сдержать неизбежную в рыночной стихии тенденцию к монополизации может лишь сильное государство. Однако, как замечает Д. Кортен, «политики не склонны перечить и, тем более, вступать в противоборство с могущественными экономическими игроками, если ситуация не стала критической и если не выдвигается требований со стороны активного и хорошо организованного гражданского общества». Таким образом, основным звеном противостояния оказывается социум: «экономическая система может оставаться жизнеспособной лишь до тех пор, пока у общества есть механизм противодействия злоупотреблениям государственных или рыночных сил и той эрозии природного, социального и морального капитала, которую эти злоупотребления обычно обостряют»[230].

К сожалению, в России именно здесь оказывается «самое слабое звено». Тому есть множество различных свидетельств, в том числе и масштаб нецелевого использования средств государственных фондов социального обеспечения — абсолютно немыслимый для западных демократий. Так, например, проверка деятельности Фонда социального страхования РФ выявила нецелевое и нерациональное использование средств на суммы, исчисляемые сотнями миллионов рублей. Это стало возможным в силу того, что финансово-хозяйственная деятельность Фонда осуществлялась вне рамок парламентского контроля: федеральный закон о бюджете Фонда регулярно

[230] Кортен Д. Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 161 02.11.2009 17:34:53

принимался с большим опозданием (сначала не вносился правительством под предлогом «внебюджетности» Фонда, затем, когда этот предлог был законодательным образом снят, внесение закона просто саботировалось) — спустя почти год после завершения отчетного периода, что позволяло неоднократно корректировать контрольные цифры бюджета Фонда в течение отчетного периода. Аналогичным образом функционируют и другие социальные фонды государства. Например, было установлено неэффективное расходование Фондом занятости средств займа МБРР и даже их утрата в привлеченных Фондом коммерческих банках, при том, что Фонд из своего бюджета выплачивал десятки миллионов рублей за использование заемных средств[231].

Причем такой масштаб нецелевого использования средств, предусмотренных для социального обеспечения населения, происходил на фоне скудости государственных социальных фондов, проблем с формированием доходной части их бюджетов, связанных как с объективной ограниченностью средств значительной части организаций-страхователей (в первую очередь, предприятий реального сектора экономики и госбюджетных организаций), так и с теневым характером российской экономики — страховые взносы начисляются лишь с так называемой «белой бухгалтерии».

Очевидно, что возможным подобное становится в силу неспособности российского общества в его нынешнем состоянии к реализации сколько-нибудь полноценного демократического контроля. Как показали наши исследования, о которых подробнее будет сказано ниже, большинство россиян не осведомлено о его механизмах и, главное, абсолютно не верит в саму возможность его осуществления.

Последнее, как представляется, связано, в том числе, и с чрезвычайно низкой готовностью населения к осуществлению какой-либо самоорганизации для защиты своих прав и интересов. Так, лишь менее четверти из опрошенных нами респондентов, на вербальном уровне декларировавших необходимость в объединении усилий для защиты собственных интересов, реально участвует в каких-либо гражданских (в том числе, профессиональных) ассоциациях и тем более работает в них активно. Одна из причин подобной пассивности — уверенность в

[231] Бюллетень Счетной палаты РФ 2000 №5.

book-7_RAN_BLOK.indd 162 02.11.2009 17:34:53

полной бесперспективности коллективных действий с точки зрения их способности влиять на властные решения.

Другая причина пассивности населения в отношении защиты своих прав связана с нынешним характером российской экономики и значительной теневой составляющей в сложившихся социально-экономических отношениях. Так, К. Клеман подчеркивает, что «если Россия в целом относится к периферии новой мировой капиталистической системы, то можно утверждать, что рабочие и большинство наемных работников образуют периферию периферии»[232]. Подобная ситуация обусловлена чрезвычайным дисбалансом в соотношении сил между миром труда и собственниками капитала в пользу последних. Среди механизмов этого неравенства (и, соответственно, «периферийности» положения наемного труда) — неформальный характер трудовых отношений. Так, например, на всех предприятиях, где проводила исследование Клеман, неформальные правила и практики, идущие вразрез с законом, преобладали над формальными: неформальный характер носила оплата труда, организация рабочего времени и т.п. Участие в системе «неформальных» связей, с одной стороны, предоставляет работнику некоторые возможности (необлагаемые налогом материальные надбавки, реализацию вторичной занятости и т.п.), но с другой — ставит его в гораздо более подчиненное положение и зависимость от «неформального» хозяина, чем формальные иерархические отношения на предприятии. Причем важно заметить: сами наемные работники признавались в том, что не видят большого смысла в законах или писаных правилах, что, в общем, вполне логично в рамках привычного и представляющегося им наиболее эффективным метода решения проблем — выстраивания персонифицированных отношений с начальником вместо юридической процедуры. Более того, в процессе выстраивания своих «неформальных» отношений с работодателем работники нередко конкурируют друг с другом, тем самым подрывается основа даже для минимальной солидарности[233].

В результате этих и других подобных факторов (например, идеологической обработки общественного мнения, формирующей представления о сугубой вредности трудовых конфликтов и прогрессивности индивидуализации трудовых отношений), институализация

[232] Клеман К. Указ. соч.

[233] Клеман К. Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 163 02.11.2009 17:34:53

складывающейся в России системы социально-трудовых отношений происходит практически без влияния наемного труда со всеми вытекающими отсюда последствиями. Например, многие положения нового Трудового кодекса содержат оговорку «по согласованию с работниками», что весьма удобно работодателю в условиях той степени зависимости работника, о которой мы говорили выше и которая дополнительно усугубляется одной из последних правительственных новаций — поправкой в новый ТК о том, что выговор (и соотвественно, санкции) можно вынести работнику не в течение месяца с момента обнаружения его проступка (как было ранее), а в любой момент, когда он был обнаружен лицом, имеющим право наложения взысканий. Продолжается и движение в сторону снижения требований к охране труда — внесены поправки в статью Трудового кодекса, касающуюся принудительного труда без средств защиты: если раньше был запрещен всякий труд без положенной спецодежды и других обязательных средств индивидуальной защиты, то теперь он запрещен лишь в случае, если возникает *непосредственная* угроза жизни и здоровью работника, что до тех пор, пока работник не получил травмы или не погиб, доказать практически невозможно.

Кстати, неспособность российского общества должным образом, эффективно и по назначению использовать привнесенные из западных либеральных демократий институты (парламент, иные институты и механизмы демократического контроля и т.п.) служит дополнительным аргументом, позволяющим поставить под сомнение весомость такого тезиса пропагандистов глобализации, как способность последней содействовать универсализации культур: культура консьюмеризма, как показывает теперь уже российский опыт, далеко не то же самое, что политическая или деловая культура.

book-7_RAN_BLOK.indd 164 02.11.2009 17:34:53

ГЛАВА 4. КОНТЕКСТ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

4.1. Социальное государство в контексте становления рыночных отношений

В начале 1990-х годов макроэкономический сценарий, будто бы долженствующий привести к экономическому росту и — следом — к социально-экономическому благополучию населения, в том числе за счет появления у государства возможностей для полноценной реализации своих социальных функций, рисовался реформаторами и транслировавшими их идеи СМИ следующим образом.

На первом этапе под лозунгом необходимости срочного накопления средств для широкой модернизации российской экономики приоритетными были объявлены топливно-сырьевой и финансовый секторы — как сферы, более других способные быстро и эффективно осуществить масштабную концентрацию реального капитала. Соответственно, усилия правительства должны были быть направлены на укрепление позиций этих субъектов экономики, наращивание ими капиталов. Политика доходов в отношении не занятой в привилегированных отраслях экономики части населения при этом исключалась под предлогом того, что «передача «труду» части ресурсов неизбежно ослабляет капитал»[234].

Время для подобной «передачи» должно было наступить на втором этапе: утверждалось, что после периода «первоначального хапка» победители вольно или невольно начнут демонстрировать преимущества капиталистического способа производства просто для того, чтобы в конкурентной борьбе не растерять приобретенного[235]. Новая экономическая элита столкнется с необходимостью управлять собственностью и развивать ее, в связи с чем крупный капитал будет вынужден тратить часть своих доходов на профессиональные услуги специалистов и управленцев, создавая таким образом экономическую основу

---

[234] Гурова Т., Фадеев В. В левый поворот российский капитализм не впишется // Эксперт, 1995. N 14.

[235] Кириченко Н., Привалов А. Других олигархов у нас для вас нет // Эксперт, 1998 N 1.

book-7_RAN_BLOK.indd 165 02.11.2009 17:34:53

существования среднего класса. Материально окрепший средний класс придет на рынки товаров и услуг и в силу особенностей своего потребительского поведения усилит уже в этих секторах экономики конкуренцию и, соответственно, спрос на квалифицированный труд, обеспечивая тем самым дальнейший мультипликативный эффект (третий этап). Таким образом, уже в ближайшее время крупный капитал должен был кардинально изменить структуру национальной экономики и обеспечить долгосрочный экономический рост, создающий материальную основу для социального государства, дополнительно расширяющего платежеспособный спрос населения социальными трансфертами. На весь заложенный в сценарий цикл отводились считанные годы.

Однако к настоящему времени в полной мере оказался реализованным лишь первый этап описанного сценария — концентрация капитала и собственности в руках новой элиты за счет присвоения доходов от экспорта сырьевых ресурсов и масштабного перераспределения финансовых средств, в том числе изъятых из не связанного с сырьевыми отраслями реального сектора экономики. Второй и третий этапы сценария, вопреки прогнозам, так и не реализовались, хотя удержание собственности и являлось основной целью сформировавшихся финансово-промышленных групп.

На самом деле, предлагавшаяся логическая схема изначально была далеко не безупречна. Как свидетельствует опыт западных стран, концентрации капитала и собственности и ориентации их владельцев на максимизацию прибыли отнюдь не достаточно для обеспечения полноценной занятости многочисленных средних слоев. Например, в 1912 году, когда доминанта финансовой олигархии США, состоящая из Дома Морганов и его сателлитов, контролировала 341 корпорацию с суммарной капитализацией в 22245 млн. долларов[236], В. Вильсон, тогда кандидат в президенты США, обращал внимание банкиров на то, что «средний класс выжимается все больше и больше в результате тех процессов, которые мы называем процветанием..»[237]. Когда же в 1929 году концентрация финансового капитала стала еще значительнее (более 2400 корпораций с чистым активом в 74000 млн. долларов контролировались 167 персонами), уже миллионы безработных всех

[236] Corey L. The crisis of the middle class, N.Y., 1935.

[237] Яковлев Н.Н.Указ.соч. С. 7–8.

book-7_RAN_BLOK.indd 166 02.11.2009 17:34:53

профессий «были выброшены из нормального образа жизни в нищету и деградацию пауперизма»[238]. Не случайно основой рузвельтовского New Deal стала концепция баланса интересов труда и капитала, предусматривающая вмешательство государства в рыночную стихию ради достижения общественно приемлемых целей.

Аналогичная ситуация складывается и в случае прихода в страну крупного иностранного капитала. Еще в 1935 году Л. Кори замечал, что в экономически слабых странах действия крупного иностранного капитала препятствуют нормальному развитию экономики: индустрия этих стран подавляется в пользу экспортирования сырья, промышленные товары импортируются, развиваются только те отрасли, которые доминируют над экономикой и приносят сверхприбыли: энергетика, добыча ископаемых, транспортные артерии. Впоследствии это подтвердил опыт ряда стран Латинской Америки, испытавших после ухода иностранных монополий острый дефицит собственных квалифицированных кадров[239]. И уже в новейшей российской истории имеются примеры настойчивого лоббирования транснациональными корпорациями законодательных норм, дискриминирующих отечественное машиностроение и транспорт[240], а также случаи фактической ликвидации предприятий наукоемкого машиностроения иностранными конкурентами, получившими акции этих предприятий[241].

Тем не менее, на протяжении всех лет реформ правительство действовало исключительно в рамках данной парадигмы, раздавая своим «уполномоченным» исключительные возможности заниматься такой коммерческой деятельностью, которая, «не сопровождаясь никаким предпринимательским риском, приносила сверхприбыли»[242]. Как признают авторы книги «250 недель капитализма в России», «долгое время наши банки развивались в тепличных условиях: сначала их питал поток

---

[238] Corey L. Op.cit.

[239] Ворожейкина Т. Социальные последствия российских реформ в свете опыта Латинской Америки // МЭ и МО, 1994 N 6, 9.

[240] Заключение Счетной Палаты РФ на проект федерального закона «Об участках недр и о месторождениях полезных ископаемых, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции» от 13 июня 1997 года

[241] Глазьев С. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал, 1997 N 1–2.

[242] Крыштановская О. Финансовая олигархия в России // Известия, 10 января 1996 года.

book-7_RAN_BLOK.indd 167 02.11.2009 17:34:53

дешевых централизованных кредитов, затем деньги легко доставались за счет масштабных валютных спекуляций, затем, когда и валютный рынок перестал быть высокоприбыльным, государство тут же предложило новую «игрушку» — свои облигации (ГКО)»[243]. При этом борьба со стихийными процессами, т.е. с теми, кто пытался подняться без санкции властей, велась простым методом «перекрывания кислорода»[244].

Анализируя основные элементы проводившейся в 1990-е годы экономической политики, С. Глазьев выделяет несколько последовательных циклов масштабных изменений в структуре доходов и собственности: 1) крупномасштабное и чрезвычайно быстрое перераспределение доходов и их концентрация в немногочисленной социальной группе при резком сокращении доходов у большинства населения в результате либерализации цен (1992 год); 2) перераспределение общенациональной собственности в пользу немногочисленной социальной группы в результате масштабной приватизации государственного имущества (1992–1993 гг.); 3) перераспределение доходов и собственности в результате многочисленных крупномасштабных афер с финансовыми пирамидами (1993–1994 гг.) 4) перераспределение доходов путем резкого снижения реальных доходов населения при сохранении источников сверхдоходов финансовой олигархии и обслуживающих ее интересы социальных групп в результате специфики проводившейся макроэкономической политики (1995 год); 5) резкое секвестирование социальных расходов государства для решения проблемы бюджетного дефицита при сохранении госбюджета в качестве главного источника сверхдоходов влиятельных финансовых структур (1997 г); 5) усиление экономической депрессии путем втягивания сбережений населения и иных свободных денежных ресурсов в пирамиду ГКО[245].

Очевидно: источником «наращивания» капитала в условиях сокращения объемов и эффективности производства могло быть только перераспределение в пользу немногочисленной социальной группы доходов и сбережений остальной части населения, отчуждение их прав на бывшую общенациональную собственность, изъятие финансовых средств

[243] Двести пятьдесят недель развития капитализма в России. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000, С. 201.

[244] Крыштановская О. Указ. соч.

[245] Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века, М. 1997, стр. 22–39.

book-7_RAN_BLOK.indd 168 02.11.2009 17:34:54

из не входящего в сферу ее интересов реального сектора экономики. Очевидна и осознанность действий: экономическая политика всегда многовариантна, на каждом этапе реформ были возможны и иные варианты экономической политики, но они не были реализованы.

Так, демонтаж государственного контроля за ценообразованием и либерализация торговли не сопровождались формированием институтов обеспечения добросовестной конкуренции и прозрачности рынка. Следствием этого стала гиперинфляция, обесценившая сбережения и доходы большинства граждан, дезорганизовавшая работу предприятий, но в то же время обеспечившая сверхприбыли контролирующей товарные рынки организованной преступности, доминирующим над экономикой предприятиям-монополистам и банкам, изымавшим оборотные средства предприятий за счет удержания процентных ставок по депозитам и расчетным счетам много ниже темпа инфляции[246]. Потери населения могли быть в значительной степени скомпенсированы, если бы правительство обеспечило соответствующие пропорции распределения эмиссионного дохода, адекватно индексируя доверенные государству сбережения, а также заработную плату и социальные выплаты. Необходимые на это средства были: объем денежной эмиссии за 1992–1996 гг. составил 282 трлн. руб, или не менее 1/3 индексации сбережений населения, необходимого для поддержания неизменной их покупательной способности. Однако основная часть огромного эмиссионного дохода, создаваемого Центральным Банком в ходе гиперинфляции, была произвольным образом распределена между привилегированными банками и получателями льготных кредитов, прокручивавшими их в различных спекулятивных операциях[247]. Представления об объемах финансовых ресурсов дают такие цифры: только в одном 1994 году (когда, кстати, основной поток прямого присвоения эмиссии денег при посредничестве в распределении дешевых кредитов был уже остановлен избранным в 1993 году Федеральным Собранием) переток денежных средств из производственной сферы в сферу обращения через систему коммерческих банков составлял около 14% ВВП[248].

---

[246] Маневич В.Е., Козлова Е.А. Альтернативная модель денежно-кредитной политики // Российский экономический журнал, 1997, NN 5–6.

[247] Глазьев С. (1997) Указ. соч.

[248] Дмитриев М.Э. Российские банки накануне финансовой стабилизации, М., 1996.

book-7_RAN_BLOK.indd 169 02.11.2009 17:34:54

Другой пример — история с финансовыми пирамидами. Хотя международный опыт не только позволял предсказать появление на приватизационной волне спекуляций ваучерами и акциями приватизируемых предприятий финансовых пирамид, но и предлагал эффективные экономические и правовые механизмы предотвращения экономических деликтов, не было предпринято никаких мер по пресечению крупномасштабных мошеннических действий со сбережениями граждан[249].

Многовариантной является и технология подавления инфляции и макроэкономической стабилизации. Но, несмотря на возможность использования таких методов, как ужесточение контроля над ценообразованием в высокомонополизированных отраслях экономики, декриминализация товаропроводящей сети, использование экспорт-ных пошлин на сырьевые товары, жесткое пресечение всех форм недобросовестной конкуренции и т.п., выбор был сделан в пользу снижения инфляции путем сокращения доходов и платежеспособного спроса населения, производственных предприятий и государства, стабилизации обменного курса рубля и втягивания свободных денежных ресурсов в финансовую пирамиду государственного внутреннего долга. Макрорезультатом такой антиинфляционной политики стали углубление экономической депрессии, рост безработицы и дальнейшее снижение доходов и уровня жизни населения. В то же время для тех социальных групп, сфера деятельности которых ограничивалась в основном финансовыми операциями, резкое сокращение денежной массы и кризис ликвидности были выгодны, так как объективно вели к увеличению цены денег и повышению доходности денежных активов. Восстановленная с помощью пирамиды ГКО высокая прибыльность спекулятивных операций обеспечивала этим группам гарантированные государством сверхдоходы.

Аналогичная логика действий просматривается и в выборе методов преодоления бюджетного кризиса. Даже чисто административные методы, такие, например, как введение механизмов изъятия в доход госбюджета природной ренты в части экспортируемых природных ресурсов, отмена необоснованных льгот в таможенном законода-

[249] Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы. Политико-экономические аспекты. С-Петербург: Издательство С-Петербургского университета экономики и финансов, 1994.

book-7_RAN_BLOK.indd 170 02.11.2009 17:34:54

тельстве, введение госмонополии на импорт и оборот алкогольной продукции, контроль за использованием прибыли ЦБ, доходов по ранее предоставленным кредитам, эффективности управления государственными активами и т.п. могли бы задействовать немалые резервы увеличения доходной части бюджета. Но поскольку все это было источником сверхприбылей олигархических кланов, проблема бюджетного дефицита решалась иначе — за счет секвестирования социальных расходов и усиления экономической стагнации в результате выстраивания пирамиды ГКО. Минфин, энергично раскручивая рынок ГКО, пренебрегал тем, что при минимальном риске вложений в госбумаги, их доходность превышала доходность всех других финансовых инструментов, и, таким образом, финансируя бюджетный дефицит, государство фактически резко уменьшало инвестиционный потенциал экономики[250].

Что же касается собственно приватизации, то Л. Нельсон и И. Кузес, поминутно проследившие за всем, что было связано с ее подготовкой, обращают внимание на то, что реформаторы явно избегали открытого обсуждения объективных реалий, в которых ими предлагалось проводить ваучерную приватизацию. По мнению авторов, причина — в несовпадении публично декларируемых и реально преследуемых целей: «В то время как на парламентских обсуждениях в июне 1992 года Чубайс утверждал, что «политика ГКИ не собирается способствовать дальнейшей стратификации общества, а, напротив, направлена на предоставление каждому гражданину возможности участвовать в народно-ориентированной приватизации», в секретно разработанном плане ГКИ, поощрявшем аккумуляцию ваучеров и собственности в нескольких руках и широко открывавшем дверь массовой коррупции, был запрограммирован обратный эффект. И к ноябрю Чубайс, не колеблясь, выдвинул совершенно иную интерпретацию значения приватизации для российских граждан. Теперь он говорил не о «стратификации общества», а об индивидуальной свободе, причем скорее свободе наживаться на ваучерах, нежели участвовать в «народно-ориентированной приватизации»[251].

---

[250] Двести пятьдесят недель развития капитализма в России, С. 201.

[251] Nelson L.D., Kuzes I.Y. «Radical Reform in Yeltsin's Russia: Political, Economic and Social Dimension, Armonk, N.Y., M.E.Sharpe, 1995, p. 50–51.

book-7_RAN_BLOK.indd 171 02.11.2009 17:34:54

Неподготовленное к этой акции и плохо информированное население было лишено возможности принимать эффективные решения и в условиях резкого сокращения доходов вынуждено было сбросить свои приватизационные чеки сомнительным посредникам. Большинство из последних, в свою очередь, не имея достаточной информации для эффективных прямых инвестиций, ограничилось перепродажей ваучеров и спекуляцией акциями приватизируемых предприятий. В то же время наиболее значительные операции в сфере приватизации государственного имущества, ныне называемые в СМИ «скандально известными залогово-кредитными аукционами», носили характер сговора должностных лиц и заинтересованных коммерческих структур. В результате за бесценок или даже просто бесплатно под контроль группы частных лиц перешла большая часть заведомо рентабельных предприятий нефтяной и металлургической промышленности, акций крупнейших естественных монополий и т.п.[252].

К 1996 году цель «укрупнения структуры экономики» была достигнута, но, вопреки прогнозам[253], последняя не подавала никаких позитивных сигналов. Не стал фактором экономического роста и вызывавший у ряда авторов дополнительный оптимизм процесс окончательного оформления олигархического режима: спустя полтора года те же авторы, что в начале 1997 г. утверждали, что «после прихода к власти олигархии крупный капитал имеет все основания взяться за задачу «снова сделать нашу экономику экономикой производства, а не воровства» более рьяно и решать ее более успешно, чем нынешний конгломерат демократически сформированных властей»[254], были вынуждены признать, что «олигархи так и не явили не только никаких примеров предпринимательского духа, но и сколько-нибудь долговременно рассчитанной стратегии своего огромного бизнеса, а уж тем более гигантских вассальных владений»[255]. И хотя основной, если не единственной, их целью являлось удержание собственности, прогнозировавшегося включения механизмов капиталистической конку-

[252] Болдырев Ю. Близнецы братья: притворная экономика, притворная политика // Российская Федерация, 1997, N 9–10.

[253] См. например: Гурова Т., Медовников Д. Будущее уже есть // Эксперт, 1998. N 20; Крыштановская О. Указ. соч.

[254] Привалов А. Любите ли вы олигархию? // Эксперт, 1997. N 1.

[255] Кириченко Н., Привалов А. (1998) Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 172 02.11.2009 17:34:54

ренции не происходило, поскольку основная угроза потерь исходила отнюдь не от конкурентной борьбы на рынках.

Препятствием запуску рыночного механизма стали особенности сложившейся в ходе российских реформ институциональной среды: генезис российского капитализма — «захват бывшей государственной собственности, которую в данном случае надо понимать широко, как не только промышленные активы и недвижимость, но и права, привилегии и финансовые потоки»[256] и «разрешительность» как фундаментальный принцип функционирования российского рынка[257]. Сохранение за государством центральной роли, но не арбитра, а распорядителя новой системы привилегий, сделало процесс «первоначального хапка» перманентным. По существу не рыночный способ приобретения новыми собственниками предприятий, оставляя место для возможного в будущем оспаривания сделки, скорее поощряет к быстрейшему извлечению спекулятивного дохода при перепродаже, чем к долгосрочным инвестициям. При этом, поскольку реальной конкуренции в механизме смены собственника так и не возникает, мотивация новых владельцев оказывается аналогичной мотивации прежних хозяев[258].

В ситуации, когда монополия по-прежнему формируется не в процессе завоевания рынков сбыта, а в процессе распределения прав распоряжения ресурсами, поправлять свое финансовое положение российскому бизнесу привычнее и легче не с помощью рыночного механизма — когда рентабельность повышается за счет изменения внутренних параметров производства, – а сугубо нерыночным способом — когда рентабельность повышается за счет изменения не зависящих от производственного процесса внешних условий — налоговых льгот, госдотаций и т.п. В этой ситуации конкуренция за покупателя заменяется конкуренцией за «принимающего нужное решение»[259]. И это вполне естественно: как пишет Ф. Хайек, «бессмысленно ждать от индивида, что он будет вести себя «как если бы конкуренция была»,

---

[256] Двести пятьдесят недель развития капитализма в России, С. 226.

[257] Крыштановская О. Указ. соч.

[258] Болдырев Ю. В России нет экономических проблем, но на путь современной западной цивилизации мы еще не вступили // Профессионал, 1997. N 1.

[259] Рожков К., Смирнов А. Кто, как и почему растрачивает инвестиции? // Инвестиции в России, 1997. N 7–8.

book-7_RAN_BLOK.indd 173 02.11.2009 17:34:54

когда на самом деле ее нет, или как если бы он работал в условиях полной конкуренции, в то время как на самом деле эти условия обеспечены лишь частично»[260].

Все это негативным образом сказалось на масштабах и специфике формирующегося среднего класса, чей численный рост и потребительское поведение должны были стать генератором мультипликативного эффекта. Очевидно, если максимизация прибыли связана с основной деятельностью фирмы, растет спрос на квалифицированных специалистов; если же денежный доход предприятия образуется преимущественно вне связи с функционированием производства, включаются персонализированные механизмы отбора, не связанные с задачей повышения экономической эффективности.

Действительно, доходы формирующегося в подобных условиях «среднего класса» были в основном «шальными деньгами» безудержно растущих зарплат в отдельных, преимущественно не связанных с производством реальных товаров и услуг, сегментах рынка, где он, собственно, и был в основном занят, а также доходов от игры на рынке ГКО и т.п.[261] Потребительские запросы этой доли населения практически полностью удовлетворялись импортом и в силу этого никаким серьезным стимулом к развитию отечественной экономики не служили. Не стал сформировавшийся «средний класс» и эффективным внутренним инвестором. У большинства его представителей не оказалось развитой культуры сбережения, что изучавшие его исследователи объясняли тем, что «люди еще не вполне насладились потреблением»[262], но, как представляется, может объясняться еще и легкостью «зарабатывания» необоснованно высоких денег в привилегированных секторах российской экономики. Те же, кто сберегал, также не превращался во внутреннего инвестора, доверяя отечественным финансовым институтам тем меньше, чем больше были сбережения и, соответственно, осведомленность о надежности российской банковской системы[263].

---

[260] Хайек Ф. Общество свободных. L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990, С. 111.

[261] Так на пике рефлексии после дефолта в августе 1998 года писала либеральная российская пресса — подробнее об этом будет говориться в параграфе 4.2.

[262] ГуроваТ., Медовников Д., Новиков А., Рогачков А. Новости национального потребления. Как и на что тратят деньги средние русские // Эксперт 2000. N 5.

[263] Авраамова Е.М., Овчарова Л.Н. Сбережения населения России в период экономических реформ // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М.: Дело, 1998, С. 259–269.

book-7_RAN_BLOK.indd 174 02.11.2009 17:34:54

Тем не менее, определенное оживление в реальном секторе экономики все же возникло — не благодаря созидательной деятельности «олигархов», а в результате произошедшей после дефолта 1998 года девальвации национальной валюты, давшей отечественным производителям некоторое конкурентное преимущество. Основным же фактором экономического роста стали цены на российские энергоносители. На этом экономическом фоне постепенно начали подрастать, хотя и незначительно, доходы населения, вызвав рост объемов розничной торговли, реализующей, впрочем, преимущественно продукцию зарубежного производства[264].

Однако довольно скоро стало ясно, что кардинальных изменений в структуре российской экономики (и, соответственно, структуре занятости, распределения доходов и т.д.) не предвидится: модель поведения основных инвесторов была смещена, главным образом, в сторону обеспечивающего быстрое получение прибыли краткосрочного текущего спроса. В силу этого существенная инвестиционная активность наблюдалась лишь в узкой группе экспортно-ориентированных энергосырьевых отраслей, в то время как отрасли, ориентированные на внутренний спрос, и в первую очередь промышленность, испытывали острый инвестиционный голод.

Таким образом, сложившаяся в 1990-е годы институциональная среда не претерпела качественных изменений, хотя ее препятствующие эффективному развитию специфические черты известны и неоднократно описаны. Это и незащищенность прав собственности; и неадекватность потребностям экономики финансово-кредитной системы, при которой процент за кредит завышен настолько, что однозначно ориентирует на вложения в краткосрочные и сверхприбыльные проекты, к которым преобладающее большинство наукоемких и высокотехнологичных проектов явно не относится; и дестимулирующий характер налогообложения; и неравные условия конкуренции; и отсутствие мер государства по защите интеллектуальной собственности и продвижению соответствующих товаров на внешние рынки и т.д. Более того, существуют сформулированные как в рамках научного сообщества, так и практиками бизнеса, конкретные предложения по изменению как характера российского законодательства

[264] За исключением, в основном, продовольствия и стройматериалов.

book-7_RAN_BLOK.indd 175 02.11.2009 17:34:54

в целом, так и его отдельных норм. Однако никаких принципиальных изменений на институциональном уровне не происходит.

Почему же «институциональный остаток» (термин Д. Норта) складывается не в пользу экономического роста, основанного на научно-промышленном развитии, а не на конъюнктуре цен на энергоносители? Почему, имея смешанный набор возможностей, Законодатель с постоянством выбирает скорее поощряющие деятельность по перераспределению материальных благ, чем по их производству, и скорее формирующие монополии, чем конкурентную среду?

Вполне убедительно демонстрируемую российской действительностью устойчивость принятия неэффективных (с точки зрения общественного прогресса) решений объясняет теория институциональных изменений Норта. Действительно, «институты далеко не всегда создаются для того, чтобы быть социально эффективными; их задача — служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»[265]. Что же касается организаций (в данном случае, органов власти, в том числе законодательной), то именно институциональные рамки в решающей степени определяют их сущность и развитие, они же, в свою очередь, влияют на процесс изменения институциональных рамок. Такая диалектическая взаимосвязь как раз и лежит в основе «эффекта блокировки», позволяющего институциональной матрице поддерживаться и самовоспроизводиться. Закрепление однажды выбранного направления в случае с социально неэффективной матрицей происходит в следующей последовательности: первоначальный набор институтов формирует анти-стимулы для продуктивной деятельности, их возрастающая отдача создает заинтересованные в поддержании существующих правил игры группы давления. Последние влияют на общество таким образом, что его члены вырабатывают в своем сознании ментальные конструкции и идеологии, оправдывающие сложившийся порядок вещей, и в результате постепенно формируется политика, укрепляющая сложившиеся стимулы и организации.

Действительно, реализация задуманного макроэкономического сценария, вернее, его первой части, не могла не оказать долгосрочного воздействия на весь комплекс общественных отношений. Проведение

[265] Норт Д. Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 176 02.11.2009 17:34:54

подобной дискриминирующей большинство населения экономической политики в условиях, когда судьба основных государственных постов и, соответственно, возможности реализации того или иного политико-экономического курса решается на выборах, требовало управляемой демократии, последняя же невозможна без жесткого контроля за формирующими массовое сознание СМИ со стороны связки «исполнительная власть — крупный капитал»[266]. Иначе говоря, концентрация экономической власти требовала монополизации власти политической, для чего, в свою очередь, требовалась монополизация основных каналов массовой коммуникации. Довольно быстро в процессе неконтролируемой обществом коммерциализации СМИ наиболее влиятельные масс-медиа перешли под контроль тесно перевязанных между собой крупных экономических структур и политических кланов[267]. В результате в России сформировалась медиаполитическая система[268].

4.2. Социальное государство в условиях «управляемой демократии»

Все большее возрастание роли СМИ в процессе формирования в общественном сознании картины социальной реальности есть, в принципе, повсеместное явление. Так, Д. Макуэйл подчеркивает такое свойство информационного общества, как зависимость членов общества от информации и от множества разнообразных экспертных заключений практически по любому вопросу[269]. Другие авторы обозначают еще более сложную проблему, связанную с новой ролью СМИ как средства социализации и всепоглощающей среды социальной ком-

---

[266] Очевидной иллюстрацией этого является одновременное курирование вице-премьером правительства А. Чубайсом в 1997 году финансово-экономического блока и ведомства, отвечающего за работу СМИ.

[267] См., например, Dunn J.A. The Ownership of the Russian Media //VI World Congress for Central and East European Studies; McNair B. Television in Post-Soviet Union: from Monolith to Mafia //Media, Culture and Society. Vol.18, 1996, p.488–489; Vartanova E. The Russian Financial Elites as Media Moguls //Post-Soviet Media Law and Policy Newsletter, N 35, 1997, p. 18–23.

[268] Засурский И. Масс-медиа второй республики. М.: Издательство Московского университета, 1999.

[269] McQuail D. Mass Communication theory. L., Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1987.

book-7_RAN_BLOK.indd 177 02.11.2009 17:34:54

муникации. Речь идет о возникновении культуры виртуальной реальности (термин М. Кастелса[270]), когда в силу специфики воздействия на человеческое сознание и подсознание новых коммуникационных технологий впечатления от медиа становятся опытом потребителей медиа-продуктов и социума в целом. Предельный случай подобного общества описан Г. Дебором в его концепции «общества спектакля»[271] с присущей последнему фальсификацией общественной (социальной, политической, культурной) и личной жизни, возможной вследствие опосредования основного потока человеческой коммуникации электронными СМИ. Например, создаваемая СМИ «таблоидная политическая мелодрама» (термин У. Беннета[272]), изображающая жизнь социо-политической системы в виде закрытой сферы, где инсайдеры «играют в борьбу за власть», не затрагивает существа дела и не дает представления ни о реальных силах в обществе, ни о реальном функционировании институтов. Однако такой «спектакль», становясь мировоззрением общества, превращается в самостоятельную псевдореальность. При этом Дебор обращает внимание на тот факт, что в ситуации, когда формирование самосознания общества происходит на «воссозданном СМИ языке мифа», «самое современное становится также и самым архаичным».

Однако, хотя общественное сознание во многом определяется средствами массовой коммуникации, это не означает, что СМИ обладают властью. Они лишь инструмент, обеспечивающий такие элементы господства одних групп интересов над другими, как «контроль за доступом к информации как особому ресурсу» и «право на истолкование событий и выдвижение целей развития»[273]. Власть же в информационном обществе, как утверждает М. Кастельс, принадлежит тем, кто имеет возможность создавать транслируемые СМИ новые культурные коды, которые общество использует для определения реальности и выработки сознательных решений[274]. Такая виртуальная

[270] Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture, Malden (Massachusets, USA), Oxford (UK), Blackwell Publishers, 1998.

[271] Debord G. Society of the Spectacle. Detroit: Black and red.1970.

[272] De-Westernising Media Studies/J.Curran, Myung-Jin Park (eds.).L.,N.Y., Routledge, 2000.

[273] Радаев В. Экономическая социология. М., 1998, стр. 81–82.

[274] Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture, Malden (Massachusets, USA), Oxford (UK), Blackwell Publishers, 1998, p. 119.

book-7_RAN_BLOK.indd 178 02.11.2009 17:34:54

власть оказывается вполне реальной, поскольку по мере концентрации она может трансформироваться в способность отдельных индивидуумов или малочисленных групп навязать свою волю обществу вне зависимости от консенсуса.

И действительно, как показывают наши исследования[275], формируемые российскими СМИ в массовом сознании «ментальные конструкции» вполне соответствовали интересам политико-экономических сил, заинтересованных в поддержании правил игры, обеспечивающих статус-кво.

Свое поведение индивидуумы выстраивают на основе, во-первых, рефлексии индивидуальных практик, и, во-вторых, навязанных извне представлений об эффективности тех или иных моделей поведения — соответствующие апологии черпаются в информационно-коммуникативном контексте. Доказать значимость последнего в процессе формирования моделей социально-экономического поведения мы попытались с помощью проведенного в 1998–2001 гг. специального исследования, в котором, во-первых, изучался создаваемый СМИ информационно-идейный контекст, а, во-вторых, исследовались социально-экономические установки и ориентации населения, в первую очередь — интересовавшего нас потенциального среднего класса, состоящего из индивидов, обладающих рядом значимых идентификационных признаков — образование, профессия, самоидентификация.

Соответственно, на первом этапе исследования методом контент-анализа изучались материалы российской прессы на предмет наличия в их содержании идей и сведений, связанных с реализацией объективных интересов среднего класса, а на втором — с помощью углубленных формализованных интервью изучались сформировавшиеся у читательской аудитории представления и установки. Сопоставительный анализ результатов первого и второго этапов исследования позволял оценить влияние СМИ на формирование идейного и организа-

[275] Речь идет об исследованиях, проведенных автором в 1998–2001 гг. Основные результаты представлены в: Александрова О.А. Современный идейный контекст становления российского среднего класса // Российское общество на рубеже веков: штрихи к портрету. М. МОНФ. 2000; Александрова О.А. Социально-экономические интересы и ориентации российского среднего класса. Автореферат диссертации. М. 2001; Александрова О.А. Российский средний класс: идейный контекст становления // Общественные науки и современность. 2002. № 1.

book-7_RAN_BLOK.indd 179 02.11.2009 17:34:54

ционного ресурса потенциального среднего класса и, соответственно, возможность его превращения в активного субъекта социально-экономической политики, и в конечном итоге — на перспективы формирования в России полноценного (в смысле исполнения своих функций) и массового среднего класса.

Изучение социальных историй обществ с сильным средним классом и выявление в них общих и специфических черт, а также анализ основных факторов, способствовавших преодолению его кризисов в развитых странах Запада, позволили очертить круг идей, имеющих принципиальное значение для положения среднего класса[276]. В целом, идейной доминантой является представление о необходимости ограничения возможностей тех субъектов, которые способны препятствовать свободной частной инициативе и равной конкуренции, будь то на рынке производства товаров и услуг, или на рынке труда, или на рынке политического выбора. Соответственно, затрагиваемый исследованием круг тем включал в себя:

- представления о роли государства в рыночной экономике;
- представления о возможностях демократического контроля;
- представления об основных государственно-политических институтах;
- представления о политическом участии граждан;
- представления об индивидуализме и солидарности.

Предшествующее систематическое знакомство с содержанием российских СМИ позволило выделить по каждой из обозначенных тем ряд представляющихся типичными индикативных признаков. В совокупности по всем специальным вопросам исследования было выделено 23 смысловых блока, категориальная структура которых включала в себя 117 категорий анализа. Еще 28 категорий были введены для обозначения 12-ти типов авторов, 9-ти типов информационных материалов и 7 типов способов подачи материала. Кодированию подвергались любые по объему, жанру и иным характеристикам материалы, содержащие фрагменты текста, подпадающие под выделенные

[276] Об этом: Александрова О.А. Средний класс в современном обществе // Общество и экономика, 1996. №6; Александрова О.А. Процессы социальной стратификации и социальной интеграции. Проблемы формирования «среднего класса». // Россия: проблемы социальной адаптации, ИСЭПН РАН, М., 1996; Александрова О.А. Идейный фон становления российского среднего класса // Общественные науки и современность, 1999. № 1.

book-7_RAN_BLOK.indd 180 02.11.2009 17:34:54

в соответствии с темами исследования категории. Таким образом, единицей анализа служил фиксируемый текстовый отрезок, содержащий относящуюся к определенной теме законченную мысль, а единицами счета выступало количество единиц анализа, выраженное натуральным рядом чисел. Итогом первичного анализа выбранной совокупности текстов являлся подсчет частоты появления каждой искомой характеристики в целом по массиву.

В качестве примера приведем методику исследования подачи в СМИ темы демократического контроля, являющегося, как было показано выше, одним из фундаментальных условий существования действительно социального государства. В данном случае ставилась задача выяснить, какое место тема демократического контроля за властью занимает в содержании СМИ, позиционирующих себя как «демократические» и «либеральные», и какое отношение формируют СМИ как к самой идее демократического контроля, так и к его институтам.

Несущими позитивное отношение к демократическому контролю признавались фрагменты текста, содержащие один из следующих признаков:

- указания на опасность для общества бесконтрольной власти;
- суждения, увязывающие законопослушность граждан с возможностью осуществления ими контроля за государственной властью;
- указания на успешное функционирование институтов демократического контроля как на фундаментальную основу относительного благополучия развитых стран;
- информацию о механизмах деятельности институтов демократического контроля в развитых странах;
- точное, корректное информирование о механизмах деятельности российских институтов демократического контроля;
- указания на позитивность самого факта существования в России институтов демократического контроля;
- позитивное освещение деятельности российских институтов демократического контроля.

Негативное отношение к демократическому контролю за властью могло выражаться:

- высказыванием сомнений в необходимости (целесообразности) демократического контроля на данном этапе развития страны;

book-7_RAN_BLOK.indd 181 02.11.2009 17:34:54

– выражением сомнений в самой возможности реализации демократического контроля как в принципе, так и в российских условиях — в частности;
– высказываниями, дискредитирующими имеющиеся в России институты демократического контроля за властью.

В категориальную структуру раздела, связанного с темой сомнений в необходимости (целесообразности) реального функционирования демократического контроля за властью на данном этапе развития России, входили следующие категории анализа:

– ссылки на необходимость быстрых, радикальных, необратимых реформ, оправдание действий исполнительной власти своего рода «революционной целесообразностью»;
– ссылки на зарубежный исторический опыт, из которых должно следовать, что массовые злоупотребления властью и коррупция — неотъемлемые и потому неизбежные черты (издержки) исторического этапа, переживаемого Россией.
– ссылки на специфическую российскую традицию и культуру, делающую коррупцию неизбежным условием «запуска рынка»;
– ссылки на действие объективных экономических законов («законов рынка»), которые в перспективе снивелируют издержки нынешнего этапа, в силу чего алармизм по поводу злоупотреблений и коррупции делается излишним.

В категориальную структуру раздела, объединенного темой сомнений в самой возможности осуществления демократического контроля за государственной властью, входили следующие категории анализа:

– ссылки на современный зарубежный опыт, подводящие к выводу (или даже провозглашающие его) о всеобщности и повсеместности массовых злоупотреблений власти и коррупции — что переводит российскую ситуацию в разряд заурядного явления;
– ссылки на неблагоприятные историко-культурные традиции России;
– ссылки на отсутствие в современной России не дискредитированных субъектов и институтов, способных компетентно и беспристрастно осуществлять контроль за властью.

book-7_RAN_BLOK.indd 182 02.11.2009 17:34:54

Что касается категорий анализа, говорящих о негативном отношении к имеющимся в России институтам демократического контроля, то к ним относились:

– указания на необъективность, предвзятость субъектов контроля;
– указания на непрофессионализм, некомпетентность субъектов демократического контроля;
– указания на отсутствие влияния, бесполезность работы институтов демократического контроля.

Таким образом, при проведении контент-анализа устанавливалось соотношение позитивно и негативно заряженных суждений в отношении необходимости и возможности демократического контроля за властью, его институтов, а также исследовались используемые при создании образа институтов демократического контроля приемы.

С проблематикой демократического контроля за властью тесно связана тема социального контроля, отношение к которому также выяснялось через соотношение позитивно и негативно заряженных суждений.

Позитивно окрашивающими необходимость социального контроля признавались следующие категории анализа:

– указания на социальный контроль как на одну из фундаментальных основ демократического государства и рыночной экономики;
– указания на негативные последствия атомизации российского общества;
– упоминания с позитивным оттенком проявлений социального контроля в России;
– увязывание законопослушности граждан и социального контроля.

В качестве негативно заряженных квалифицировались следующие категории анализа:

– оправдание любых нарушений закона его несовершенством;
– ссылки на этическую неприемлемость «заглядывания в чужой карман» (при этом особо отмечались случаи, когда из контекста следовало, что речь идет о кармане должностного лица, чиновника);

book-7_RAN_BLOK.indd 183 02.11.2009 17:34:54

– сылки на приоритет прав человека, прошлый негативный советский опыт и опасность возрождения системы всеобщего доносительства;
– ссылки на современный зарубежный опыт, из которого делается вывод о том, что социальный контроль не дает результатов.

Временной интервал, в рамках которого изучались материалы СМИ, охватывал более чем десятилетний период: с апреля 1989 года по июнь 2000 года. Очевидная историческая неоднородность исследуемой эпохи обусловила необходимость вычленения в данном временном интервале отдельных периодов и сопоставления между собой результатов, полученных в рамках выделенных отрезков. Таких периодов было выделено четыре, и основные соображения, легшие в основу избранной периодизации, были следующими.

Первый период начинался с романтической эпохи первых демократических выборов в союзный парламент (апрель 1989 года) и заканчивался декабрем 1991-го — появлением самостоятельного российского государства, преддверием радикальных реформ. Данный период был так и озаглавлен — «романтический».

Второй период начинается со стартом радикальных реформ (январь 1992) и заканчивается в августе 1998 года. Ограничение данного периода этой датой было связано с предположением о неизбежности в связи с последствиями дефолта всплеска рефлексии, способной существенно изменить идейный контекст и, тем самым, серьезно исказить результаты анализа по периоду в целом. Второй — самый длительный период — получил название «радикальный».

Для определения характера изменений в идейно-информационном контексте по ходу реформ был проведен сравнительный анализ результатов контент-анализа материалов СМИ в «романтическом» и «радикальном» периодах отдельно для каждого из специальных вопросов исследования.

Третий временной интервал, выделенный для отдельного анализа и условно названный «рефлексия», занимает период с августа (после дефолта) по ноябрь 1998 года. Временное ограничение, отпущенное на интенсивную рефлексию, было заранее определено нами, но оказалось на удивление точным: как впоследствии показал анализ материалов СМИ, уже к концу октября рефлексия начала сворачиваться.

book-7_RAN_BLOK.indd 184 02.11.2009 17:34:54

Четвертым периодом был определен период, начинающийся 1 января 2000 года. Вехой, фиксирующей «новую эру», стал досрочный уход с политической арены президента Ельцина, чье правление олицетворяло прежнюю эпоху. В основу вычленения этого периода в качестве отдельного легла гипотеза о возможности возникновения принципиально новых тенденций в идейном контексте: предполагалось, что в предшествующий период процесс формирования среднего класса шел под воздействием идей, отражающих специфику реализации российских социально-экономических реформ в 1990-е годы; современный же период — и в силу традиции отрицания предшествующей эпохи при смене лидера, и ввиду достаточной неопределенности в отношении политико-экономической философии нового первого лица государства — казалось, мог создать совершенно новый идейный фон. Последний из выделенных периодов был условно назван «Новые времена».

Для изучения методом контент-анализа были выбраны ежедневная газета «Известия», а также еженедельники «Московские новости» и «Аргументы и факты». При выборе изданий учитывались следующие соображения. Во-первых, выбор шел из числа изданий, издававшихся на протяжении всего исследуемого временного интервала, что позволяло делать необходимые сопоставления между выделенными временными периодами. Во-вторых, интерес представляли издания, причисляемые к прореформаторской, «демократической» и «либеральной» ориентации, поскольку показательным для данного исследования представлялось то, какие идеи пропагандируются именно такими СМИ. Кроме того, в рамках исследуемого временного интервала выбранные издания выступали, хотя и в разной степени, в роли то оппозиционной, то лояльной по отношению к сменяющимся режимам прессы, что особенно наглядно на примере «Московских новостей» — одного из рупоров демократической оппозиции в эпоху перестройки. В-третьих, все эти издания являлись достаточно массовыми: в первом временном периоде (1989–1991 гг.) требование тиражности более чем выполняется для каждого из трех выбранных изданий; что же касается последующих периодов (1992–2000 гг.), то, несмотря на то, что планку огромных тиражей сумели удержать только «Аргументы и факты», тем не менее и «Известия», и «Московские новости» сохраняли на протяжении всего изучавшегося временного интервала статус относительно популярных и массовых центральных изданий.

book-7_RAN_BLOK.indd 185 02.11.2009 17:34:54

Очевидна специфика, которой отмечена каждая из газет: от граничащих с примитивизмом и вульгарностью «Аргументов и фактов» до претендующих на рафинированность «Московских новостей». Тем не менее, аудитория этих изданий с учетом внутренней стратифицированности и гетерогенности такого социального образования, каковым является «средний класс», вполне может считаться «среднеклассовой». Отмеченная же специфичность выбранных изданий предоставляла дополнительные возможности для анализа при сопоставлении данных, полученных по каждому из них.

Выборка за первый и второй периоды состояла из 96 газет для каждого периода, поровну каждого из наименований, а за третий и четвертый периоды состояла из 30 газет для каждого из периодов также поровну для каждого из наименований. С целью снижения искажающего воздействия на результаты экстраординарных событий при расчете выборки был предусмотрен необходимый временной сдвиг между номерами изданий.

Что касается опроса читательской аудитории избранных печатных изданий, представители которой были нами предположительно отнесены к потенциальному среднему классу, то ему предшествовал ряд процедур, направленных на оценку обоснованности сделанного допущения.

Первичная идентификация респондентов производилась посредством их самостратового выбора. Данный метод был избран по следующим причинам. Во-первых, существует и общепризнанна проблема идентификации «среднего класса» в переходных обществах. Как, например, указывают авторы исследования «Средний класс в России: количественные и качественные оценки», множественность методик и значительные расхождения в оценках величины и внутренней структуры российского среднего класса обусловлены не только индивидуальными предпочтениями исследователей или особенностями среднего класса, имеющими повсеместный характер (его гетерогенность и размытость границ), но еще и значительными нарушениями связей между статусными характеристиками, а также труднодоступностью либо ненадежностью информации о некоторых из них[277].

Во-вторых, как указывает Л. Хахулина, самоидентификация с определенным слоем, хотя и не является достаточным критерием для

[277] Средний класс в России: количественные и качественные оценки. ТЕИС, М., 2000, стр. 141.

book-7_RAN_BLOK.indd 186 02.11.2009 17:34:54

выделения этого слоя, тем не менее, является необходимым критерием выделения социального слоя, являющегося субъектом общественной жизни[278]. На это же указывает и Ю. Левада, предвосхищая возражения против использования метода субъективной оценки социального статуса: «Восприятие людьми своего собственного положения является одним из непреложных «социальных фактов» (в терминологии Э. Дюркгейма), рамки такого восприятия задают рамки любого социального действия»[279].

И, в-третьих, использование метода субъективной оценки социального статуса представлялось оправданным в работе, исследующей субъективные представления определенного социального слоя, причем прежде всего те, что определяют социально-экономическое, поведение его членов. Ведь, говоря словами авторов исследования «Средний класс в России: количественные и качественные оценки», «в конечном итоге важен не столько вопрос о численности и границах ядра среднего класса и даже протосредних классов, сколько о том, носителями какой социально-экономической стратегии они являются и какие из этих стратегий относятся к механизмам выживания, а какие — к механизмам развития»[280].

Структура анкеты состояла из нескольких тематических блоков, имеющих ряд смысловых пересечений и логических связей. Первый блок вопросов был посвящен собственно средствам массовой информации. Во-первых, у респондентов выяснялись спектр читаемых изданий и наличие традиций в их выборе, а также оценка объективности сообщаемой этими СМИ информации. Во-вторых, прояснялась информированность респондентов относительно источников финансирования читаемых изданий, а также их мнение в отношении степени влияния интересов собственников масс-медиа на содержание принадлежащих им СМИ. Эти вопросы были нацелены на выяснение степени отрефлексированности читателями этих проблем и их возможных последствий.

Следующий блок вопросов был связан с темой политического участия. Респондентам предлагалось, используя шкалу согласия, опре-

---

[278] Средний класс в России. Проблемы и перспективы.М.: ИЭППП, 1998 N 15, стр. 29.

[279] Левада Ю. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1993–1998, стр. 150.

[280] Средний класс в России: количественные и качественные оценки, стр. 146.

book-7_RAN_BLOK.indd 187 02.11.2009 17:34:54

делить свое отношение к ряду суждений, выявленных в результате контент-анализа прессы в качестве типичных в рамках данной тематики. Кроме того, к данному блоку относились вопросы, посвященные участию (и его видам) в выборах различного уровня, а также вопросы, связанные с оценкой действенности тех или иных методов защиты своих интересов. Еще один блок вопросов был направлен на выяснение склонности и готовности респондентов к самоорганизации.

Отдельная затрагивавшаяся опросом тема — представительная демократия. Посвященные ей вопросы были направлены как на выявление комплекса фундаментальных представлений о функциях и методах деятельности парламента, проблемах делегирования полномочий и т.п., так и на выявление представлений, связанных с реальной деятельностью российского парламента и его представителей в 1990-е годы. Как и в случае с некоторыми другими темами, вопросы этого смыслового ряда не были скомпонованы отдельным блоком, а включались в другие, логически связанные с ним тематические блоки. Причем, если одна часть вопросов была направлена на выявление поверхностных представлений, то другая — на выявление степени осознанности респондентами более глубоких, причинно-следственных связей.

Выявление комплекса представлений, связанных с другой важной темой — демократическим контролем за властью, – шло на двух уровнях: 1) на уровне фундаментальных представлений о его месте, роли, механизмах и 2) на уровне оценок и мнений по текущей проблематике, касающейся итогов приватизации, контроля за расходованием бюджетных средств, управлением госсобственностью и т.д. При формулировании вопросов этого смыслового блока, как и в других случаях, использовались выявленные в результате контент-анализа типичные идеологемы, клише и т.п.

Отдельный смысловой блок был связан с вопросами социальной стратификации. Здесь, кроме прочего, выяснялись основания самоидентификации респондентов, их положение в социально-экономическом пространстве, определялось социальное самочувствие опрашиваемых.

Что же показало исследование?

Начнем с сопоставительного анализа материалов СМИ последних перестроечных лет («романтический период») и периода радикальных реформ («радикальный период»).

book-7_RAN_BLOK.indd 188 02.11.2009 17:34:55

Во-первых, контент-анализ показал, что в первое десятилетие российских реформ в СМИ доминировал резкий негативизм в отношении государства, навязывалось представление о несовместимости «сильного государства» и рыночной экономики, гражданских свобод. При этом происходило смешение разных и даже противоположных понятий: «сильного государства» как имеющего право на произвол и потому опасного для граждан и хозяйствующих субъектов и «сильного государства» как способного исполнять свои базисные функции, в том числе обеспечивать универсальность и стабильность «правил игры». Очевидно, что подобный негативизм, равно как и господствовавшая в радикальный период идея «минимального государства», не стимулировали общественное сознание к выработке системы требований к государству, власти.

Во-вторых, сравнительный анализ «романтического» и «радикального» периодов позволил обнаружить ряд ярко выраженных тенденций в формируемых СМИ образах государственно-политических институтов. Во всех изданиях было зафиксировано существенное изменение отношения к исполнительной и представительной властям по показателю «указание на важную государственную и общественную функцию института (ветви) власти». Если в «романтическом» периоде СМИ преимущественно акцентировали внимание на значении и роли представительной власти, то в «радикальном» периоде акцент был перенесен на значение и роль исполнительной власти, пропаганду ее деятельности и достижений, наличие именно у нее необходимых властных ресурсов. Существенно усугубилась в «радикальном» периоде и тенденция к превознесению профессионализма и компетентности исполнительной власти и ее представителей с одновременным отказом в этом парламенту и его членам (заметим, что образованность и профессионализм лиц, принимающих управленческие решения, очень важная характеристика для восприятия институтов власти и их действий «средним классом»). Таким образом, можно говорить о возникших в «радикальный период» тенденциях принижения общественной значимости института представительной власти и даже его дискредитации и одновременной акцентуации на позитивной роли, значении и достижениях исполнительной власти.

В-третьих, как показал контент-анализ, тема демократического контроля за властью в период масштабного перераспределения обще-

book-7_RAN_BLOK.indd 189 02.11.2009 17:34:55

национальных ресурсов вообще практически не звучала. Более того, в «радикальном периоде» обнаружился резкий рост открыто негативного отношения СМИ к теме демократического контроля и его институтам — парламенту, Счетной палате, Уполномоченному по правам человека. Как и парламент, два последних института, если и упоминались, что случалось нечасто, то выставлялись некомпетентными и бессильными — в отличие от президентско-правительственных структур. Особенно урожайными на суждения, несущие негативное отношение к демократическому контролю и его институтам, оказывались номера газет, выходившие в периоды, когда парламент или Счетная палата обвиняли исполнительную власть в злоупотреблениях и коррупции.

Что касается темы социального контроля, то малое число связанных с ней фрагментов текстов не позволило выявить каких-либо определенных тенденций, однако, как и в случае с темой демократического контроля, показательной является уже сама неразвитость такой проблематики в эпоху перехода к рыночной экономике и демократии как форме управления.

В-четвертых, с началом радикальных реформ резко изменилось отношение СМИ к участию граждан в политическом процессе. Число суждений, в которых реальность демократии обуславливалась активным участием граждан, резко снизилось, так же как и число упоминаний об активном гражданском участии при создании позитивного образа представителя «среднего класса». В то же время число суждений, характеризующих политику как сферу, во-первых, далекую от жизни большинства граждан, и, во-вторых, нереспектабельную («политика — дело грязное», «политики — никчемные болтуны»), напротив, резко возросло, равно как и число суждений, подчеркивающих «аполитичность» как значимую позитивную черту представителя «среднего класса». Таким образом, характерное для СМИ в «романтическом периоде» позитивное, мобилизующее гражданскую активность отношение сменилось в «радикальном периоде» на негативное — провоцирующее и оправдывающее индифферентность, отстраненность и т.п. Притом что, как верно замечает П. Хатбер, «ничто не может быть более фатальным для интересов как среднего класса, так и страны в целом, чем тот тип известного цинизма или утомленной индифферентности, который отказывается заинтересоваться политическим процессом», ибо «если оправдывая свою отстраненность, постоянно пов-

book-7_RAN_BLOK.indd 190 02.11.2009 17:34:55

торять, что политики либо глупы, либо продажны и своекорыстны, то это все меньше становится неверным: чем ниже репутация политики и политиков, тем менее вероятно, что первая привлечет тех рекрутов, в которых она нуждается, и тем более вероятно, что последние будут вести себя плохо»[281].

Что касается выделенного нами третьего временного интервала — периода рефлексии после дефолта 1998 года, то контент-анализ продемонстрировал устойчивость выявленных в «радикальный период» тенденций. Кризис не стал стимулом к серьезному осмыслению причин случившегося и выработке новых идей. Усугубив фобии и неприязнь по отношению к государству, СМИ не только не предложили конструктивного решения в виде актуализации темы демократического контроля, но и усилили пропаганду дистанцирования от политики и государства.

Тогдашние, спровоцированные дефолтом, откровения выглядят удивительно актуальными на фоне нынешнего финансово-экономического кризиса, возникшего после «тучных лет» нефтяного бума. Ввиду очевидных параллелей остановимся на результатах контент-анализа периода рефлексии более подробно.

Временной период, в который мы предполагали обнаружить интенсивную рефлексию (август-ноябрь 1998 года), оказался весьма точным: уже к концу октября «рефлексия» начала «сворачиваться». В текстах все чаще стали встречаться фразы «все устали читать и особенно думать про кризис», «мне не нужен анализ ситуации, я устал разбираться в причинах» и т.п. Причем, мотив усталости от рефлексии настойчиво звучал не только в адресованных «разномастной» публике «Аргументах и фактах», но и в претендующих на интеллектуального читателя «Московских новостях». И это — несмотря на то, что, согласно СМИ, кризис, и особенно включение «среднего класса» в число его основных жертв, явились для всех полной неожиданностью. «Нам казалось, что так теперь будет всегда («так» — это «свободно передвигаться по миру, по своему выбору решать, чем заниматься, куда вкладывать деньги, где искать партнеров по бизнесу» — О.А.). Однако государство за какие-то несколько дней лишило нас иллюзий», — сокрушались «Московские новости». Другой, еще более при-

[281] Hutber P.»The decline and fall of the middle class — and how it can fight back, L. 1976.

book-7_RAN_BLOK.indd 191 02.11.2009 17:34:55

мечательный фрагмент из того же издания: «И вот теперь в процесс под названием «лишение людей денег» втянулись совершенно новые жертвы. Энергичные, инициативные, умные, вписавшиеся... Когда по телевизору показывали какую-нибудь МарьИванну, которая сидит в глухом медвежьем углу и год не получает зарплату за работу, которую она, между прочим, выполнила, преуспевающие молодые люди из крупных городов... были уверены: они сами — представители иного, цивилизованного общества. Потому что смотрят те же фильмы, что их европейские сверстники, покупают одежду тех же фирм, отдыхают на тех же курортах, расплачиваются пластиковыми карточками. Сейчас им указали их место. И выяснился интересный факт: это место — вовсе не там, где они предполагали. Неожиданно для самих себя они тоже оказались российским народом... За несколько летних дней произошел крах иллюзий целого поколения».

Однако проступающая сквозь тексты жизненная ткань, в которой вызревал и только-только начинал жить этот средний класс, показывает: крах был отнюдь не случаен. Как следует из спровоцированных кризисом откровений, источником, во многом питавшим и эту жизнь, и значительную часть этого «среднего класса», являлись «шальные деньги, быстро и помногу зарабатываемые банками при функционировании пирамиды ГКО» («Известия»), «безудержно растущие зарплаты» («Московские новости») в отдельных, преимущественно не связанных с производством реальных товаров и услуг, сегментах рынка. Довольно точная характеристика времени обнаружилась в статье В. Аксенова с примечательным названием «Похмелье» («Московские новости»»): «Сейчас, глядя назад, я вспоминал то ощущение, которое не раз появлялось у меня при взгляде на действительность в последние годы и которое я старательно отгонял... Мне казалось, что население находится в состоянии перманентного опьянения деньгами. Это касалось всех слоев... Что касается нарождающегося среднего класса, то и он был, что называется, подшофе... Похоже, что никто всерьез не размышлял о рыночной экономике, о демократических свободах...».

И верно: судя по ностальгическим воспоминаниям, становление этого «среднего класса» шло в обстановке беззаботной и бездумной. Отличная метафора прежней, докризисной жизни обнаружилась в известинском театральном обзоре. Поясняя причины отсутствия антреприз в послеавгустовском репертуаре, автор пишет: «В антрепризе

book-7_RAN_BLOK.indd 192 02.11.2009 17:34:55

не предусмотрено ничего серьезного, она вся — роман, увлечение, влюбленность... Финансовый кризис, ударивший по среднему классу, ударил и по этой атмосфере мелкобуржуазной гармонии... и вынуждает сменить глянцевые журналы мод, помад и духов на политические листовки (имеется в виду появление «Гамлета» с его сакраментальным «быть или не быть» в репертуаре сразу нескольких стационарных московских театров — О.А.)». О том же — в известинском телеобзоре: «Публицистика была надолго вытеснена кино и развлечениями на глубокую периферию вещания и лишь теперь вновь осваивает утраченные эфирные позиции». При этом, как пишут «Московские новости», «интеллигенции,... владеющей колоссальным инструментом воздействия на сознание общества... никто не мешал формировать в обществе иной моральный климат... Но «умничать» было не модно, и мы добровольно отдали наше богатство — эфир и печатные страницы под болтовню...».

Однако ясное понимание интереса хозяев (формальных или неформальных собственников СМИ), отнюдь не ставивших задачу воспитания думающей аудитории, берет свое. Отсюда — транслирование в СМИ новых мифов: «только жители очень благополучных стран могут позволить себе роскошь не знать, что у них происходит с экономикой»; хандры: «когда на душе плохо и не знаешь, как справиться с проблемами, мечта одна: взять и проснуться. И чтоб опять все дурное оказалось сном, мы опять живем в безмятежном августе», и даже протеста: «...почему вся страна, мало что понимая, должна с замиранием сердца следить, рухнет рынок ГКО или нет? Даст МВФ Чубайсу кредит или не даст?» («Аргументы и факты»).

Социальный инфантилизм особенно ярко проявляется в многократно и настойчиво звучащей теме взаимоотношений государства (власти) и общества, гражданина: «Государство не желает мне никакого добра» («АиФ»); «Наше государство нас не любит» («МН»), «Факты свидетельствуют: чаще других нашего человека обманывает государство. Социологи подсчитали: эта ложь случается в несколько раз чаще, чем, например, супружеские измены» («АиФ»).

Власть, поминаемая в эти дни, — это та, что «устраивает западни», позволяет себе «закидоны», «чистит, как и не снилось браткам» («МН»), «ищет хитроумных манков, поверив в которые люди еще раз отдадут ей свои сбережения» («Известия»). «Не понимаю, почему

book-7_RAN_BLOK.indd 193 02.11.2009 17:34:55

мы — народ и власть — враги друг другу?» — вопрошает «АиФ», а «Московские новости», цитируя Герцена, отвечают так, как еще недавно это делала т.н. «коммунистическая пресса»: «Власть расположилась в России, как оккупационная армия в захваченной стране. Те, кто еще носил пионерский галстук, избежал комсомола и на этом основании считал себя сыном западного мира, могут вспомнить эту цитату. Ну а кто именно претворяет ее в жизнь: правительство, банкиры, олигархи — не имеет значения».

Тема «мы — дети плохих родителей (государства)» получила и буквальное выражение: «Иногда мне кажется, что его (финансовый кризис — О.А.) придумали. Просто для того, чтобы объяснить нам что-то важное и нужное про жизнь и Родину. Как детям. Мы ведь, в сущности, и есть дети. Их дети — Правительства РФ, Государственной думы, Ассоциации российских банков, товарища Сороса. А они — наши родители. Мы их спрашиваем: «Когда ж это все кончится?» А они нам в ответ: «Чего?» («Московские новости»). И еще одна показательная публикация из того же ряда (в рубрике «Московских новостей», так и называющейся «Рефлексия»): журналист идентифицирует «судьбу целого поколения российских граждан и свою в частности» с экс-премьером С. Кириенко — «молодым, образованным, профессиональным, явно желающим поработать и наверняка умеющим это делать», «молодым человеком в очках, мальчиком из хорошей семьи» (явный образ представителя среднего класса — О.А.) и поясняет почему: «На примере Сергея Владиленовича мне просто гораздо легче передать своим соотечественникам ощущения от того, как поступила с нами наша драгоценная Родина». Претензии автора состоят в том, что он все в своей жизни делал так, как просила страна, но она его обманула. Отсюда — недоумение: «Да на каком таком основании она это сделала? Как могло случиться так, что я, молодой человек в очках, хорошо освоивший специальность, должен думать теперь о ГКО и ОФЗ, о возможности гражданской войны, о судьбе колбасы и стирального порошка, о коммунистах, эмиссии и лично господине Мишеле Камдессю?» И вывод: автору хотелось бы, чтобы государство «честно извинилось за то, что с ним сделало» и «представило план дальнейшей совместной жизни». Автору, как он пишет, достаточно одного лишь пункта, провозглашающего его — самым дорогим, что есть у государства, но он знает, что этого не случится: «вместо этого Родина моя ска-

book-7_RAN_BLOK.indd 194 02.11.2009 17:34:55

жет: «Слышь, да ты что, обиделся? Иди сюда, мы тебе леденцов дадим и на карусели покатаем».

Казалось бы, в ситуации, когда главной и явно болезненной становится тема произвола власти в отношении своих граждан, параллельную и столь же явную актуализацию должна была бы получить тема демократического контроля за государственной властью со стороны общества. Логично было бы ожидать обсуждения механизмов, существенно ограничивающих возможность власти творить произвол. Но даже в острый период кризиса и рефлексии эта тема по-прежнему практически отсутствует на страницах прессы. В изученных текстах всех трех изданий не оказалось ни одного суждения, акцентирующего внимание на опасности для общества бесконтрольной власти. А в целом за весь период рефлексии обнаружено лишь 14 публикаций, имеющих отношение к теме демократического контроля, из которых в восьми обнаружены утверждения о необходимости либо возможности осуществления контроля за властью, а в шести утверждается прямо противоположное. Позитивно заряженные публикации содержали отсылки к опыту западных стран, но и в них тема была практически не развита: обнаружилась лишь одна публикация, указывающая на демократический контроль как на фундаментальную основу их благополучия, в остальных содержалась весьма скудная информация о механизмах деятельности институтов демократического контроля в странах Запада. Что касается негативно заряженных публикаций, то они в основном были связаны с «российской почвой» — педалировались либо фатальность для перспектив демократического контроля неблагоприятных историко-культурных традиций («АиФ»), либо нарисованный самими же СМИ негативный образ имеющихся в России институтов демократического контроля («Московские новости» и «Известия»). Так, публикаций, содержащих позитивно или нейтрально окрашенные упоминания о деятельности российских институтов демократического контроля — парламента и Счетной палаты, оказалось в два раза меньше, чем публикаций, представляющих институты демократического контроля некомпетентными и предвзятыми. Причем в каждом из этих случаев (шла ли речь, например, о проверке использования средств кредита Всемирного банка или же о приватизации первого канала российского телевидения) СМИ транслировали исключительно взгляд заинтересованной (проверявшейся)

book-7_RAN_BLOK.indd 195 02.11.2009 17:34:55

стороны (Центробанка, Минфина, Госкомимущества), в то время как ни официальные документы, ни комментарии со стороны института демократического контроля (Счетной палаты) не публиковались.

Но что же все-таки предлагалось, как отвечали СМИ на вопрос «Что делать?» В текстах обнаружилась апологизация двух прямо противоположных типов действий: активного воздействия на власть и максимального дистанцирования от всего, что связано с государством.

Так, побуждением к активному воздействию можно считать призыв, правда, оказавшийся единичным, к среднему классу «стать политическим классом». Обоснование: «От государства нет надежных запоров и хитрых тайников — оно приходит без спросу и забирает все, оставляя тебе только долги... Почему бы нам не потребовать компенсации за этот разбой?... Наступил момент, когда средний класс должен стать «политическим» классом. Для этого надо не только осознать, но и сформулировать свои требования к власти...» («МН»). Кроме того, к такому побуждению можно отнести призывы никогда не игнорировать парламентские выборы, сопрягавшиеся с утверждениями о том, что главной причиной кризиса является «не тот» состав Государственной Думы[282], обусловленный неучастием значительной части «среднего класса» в парламентских выборах 1995 года (наиболее часто этот мотив встречался в «МН»).

Однако призывы, направленные на активизацию политического участия, с лихвой компенсировались массой разбросанных по текстам суждений, лежащих в русле выявленной ранее противоположной тенденции, отвращающей от политического участия. Так, в «Аргументах и фактах» обнаружилось абсолютное преобладание негативного, демобилизующего отношения к участию граждан в политике над позитивным (соотношение — 10 к 1). При этом наибольший удельный вес оказался у суждений, содержащих указания на политику как на нечто совершенно отдельное, далекое от жизни большинства граждан, не имеющее к их жизни непосредственного отношения, а также содержащих указания на политику как на область деятельности, характеризующуюся специфическими негативными чертами, делающими это занятие неприемлемым для достойных людей. В «Известиях» негативно заряженные суждения распределились по таким категориям,

[282] Притом, что пирамиду ГКО раскручивало правительство, а вовсе не парламент.

book-7_RAN_BLOK.indd 196 02.11.2009 17:34:55

как «политика — чужие игры», «политика — дело грязное», «представителю среднего класса — не до политики», «за нас уже все решено» и «мы все устали от политики». В «Московских новостях», уделивших теме политического участия наибольшее внимание, крен также в сторону негативно отношения (соотношение негатив/позитив — 14/10). Половина негативно заряженных суждений относится к категории «политика — грязное дело, неприемлемое для достойных людей», пятая часть — к категории «указания на бессмысленность интереса и участия простых граждан в политике ввиду полной невозможности реально на что-либо влиять».

Что касается характеристики «активное политическое участие» в позитивном образе представителя «среднего класса», активизацию которой можно было бы предположить в период кризиса среднего класса, то были обнаружены лишь единичные подобные публикации. Основная же масса публикаций по-прежнему педалировала «аполитичность» как значимую позитивную черту типичного представителя среднего класса.

В такой ситуации наибольшее влияние неизбежно приобретает второй из предлагаемых СМИ тип поведения, предполагающий дистанцирование от государства, политики, власти. В качестве примеров такого воздействия можно привести такие фрагменты известинского телеобозрения: «Вышедший в прайм-тайм «Взгляд», возможно, раньше других угадал в общественном настроении не очень внятный пока, но чрезвычайно важный посыл: надейся на себя. Делай сам... И чем больше будет людей, чья жизнь не зависит от политики, тем быстрее политика начнет зависеть от людей»; «А в «Пресс-клубе» собрались люди дела, предприниматели, представители среднего и малого бизнеса, больше других пострадавшие от финансового обвала... Они ничего у власти не просят, кроме одного: «Не трогайте. Не мешайте. Дайте нормальные законы и оставьте нас в покое».

Таким образом, контент-анализ посткризисной (1998 года) рефлексии показал, что глубинные причины происшедшего остались не осмысленными (во всяком случае — на уровне коммуникационного пространства, создаваемого СМИ). Вследствие этого кризис конца 1990-х не стал стимулом к сколько-нибудь серьезному продвижению идейного контекста в сторону необходимых для становления и упрочения позиций потенциального российского среднего класса знаний

book-7_RAN_BLOK.indd 197 02.11.2009 17:34:55

и навыков. СМИ лишь усугубили фобии в отношении государства, не предложив конструктивной программы действий, каковой могла бы быть актуализация темы демократического контроля за государственной властью.

Период, начавшийся в 2000-м году, не внес каких-либо серьезных коррективов в формирующий массовое сознание идейно-информационный контекст. Хотя «сильное государство» перестало быть «жупелом» и более не противопоставляется рыночной экономике и гражданским свободам, актуализации темы демократического контроля за властью при этом не происходит. Перестали быть символами «реакционной некомпетентности» парламент и Счетная палата, но лишь потому, что теперь формально или фактически встроены во властную «вертикаль»[283], утратив способность быть реальным противовесом исполнительной власти.

Как и предполагалось, все это не прошло бесследно. Проведенный в 2001 году опрос читательской аудитории обнаружил отсутствие в массовом сознании минимально необходимых представлений о механизмах и институтах демократического контроля. Так, число тех, кто вообще не имел никакого представления о том, каким образом общество, граждане могут контролировать то, как власть распоряжается общими ресурсами (бюджетными средствами, госсобственностью), составило в сумме 58,4% (таблица 28). Еще 33,5% респондентов выступили за то, чтобы такие механизмы появились и действовали: «надо создать такой орган», «надо, чтобы были такие законы» и т.п., то есть не были осведомлены о том, что «такие органы» и «такие законы» в России уже есть. Показательно чрезвычайно малое число респондентов, упомянувших в рамках данного вопроса о парламенте («через выбранных представителей», «выбирать порядочных») и полное отсутствие упоминаний о таких, специально для этих целей

[283] Согласно внесенным в начале 2000-х в Закон «О Счетной палате РФ» поправкам, кандидатуры руководителей (председателя палаты и его заместителя) органа, призванного контролировать исполнительную власть, вносятся президентом, по сути являющимся главой исполнительной власти. В ранее действовавшем законе палаты парламента самостоятельно определяли кандидатуры: председателя палаты — Государственная Дума, заместителя председателя — Совет Федерации. В свою очередь председатель палаты, согласно также внесенным поправкам, вносит для утверждения кандидатуры 12 аудиторов Счетной палаты. В ранее действовавшем законе палаты парламента сами вносили кандидатуры аудиторов (каждая палата назначает по 6 аудиторов).

book-7_RAN_BLOK.indd 198 02.11.2009 17:34:55

предназначенных и уже не один год функционировавших институтах, как Счетная палата РФ и Уполномоченный по правам человека в РФ. Последнее, впрочем, не удивительно. Например, в тот день, когда парламент принял закон «О Счетной палате РФ» (1994 г.), учреждавший в России один из основных институтов современного цивилизованного государства и вокруг которого шла ожесточенная борьба между тогда оппозиционным парламентом и исполнительной властью, стремившейся минимизировать полномочия независимого от нее контрольного органа, ни одна новостная программа ни по одному из каналов российского телевидения об этом не сообщила. Главной парламентской новостью дня, показанной во всех выпусках и на всех каналах, стала выходка депутата Марычева (фракция ЛДПР), фланировавшего по залу заседаний с накладным женским бюстом[284]. За редкими исключениями аналогичное замалчивание происходило в СМИ и в дни, когда высший орган независимого контроля в стране представлял результаты своих крупных проверок.

В качестве существующего института демократического контроля за властью респонденты чаще всего называли СМИ (около пятой части респондентов), но с оговоркой, что они должны быть «действительно независимыми», притом что, как выяснилось, большинство респондентов абсолютно не осведомлены даже о том, кому принадлежат изучавшиеся нами издания, подписчиками которых они являются и которым, судя по их словам, доверяют.

Сама возможность реализации в России независимого контроля за властью оценивалась респондентами более чем пессимистично — лишь менее пятой части респондентов ответили утвердительно, и по мере снижения социального статуса и веры в возможность своего (общества) влияния на политику государства число пессимистов нарастает (таблица 29).

Причины пессимизма в отношении перспектив появления в России действенного демократического контроля за властью (таблица 30), судя по ответам, следующие. Основная и фундаментальная причина — представления о слабости общества: оно, по мнению респондентов, либо не созрело до осознания проблемы и способности ее разрешить (так думает более 46% «пессимистов», принадлежащих к

[284] Болдырев Ю. «О бочках меда и ложках дегтя». М., Крымский мост, 2003.

book-7_RAN_BLOK.indd 199 02.11.2009 17:34:55

Таблица 28

Представления о способах контроля со стороны общества за тем, как власть распоряжается общими ресурсами

Сферы деятельности власти	Как сегодня граждане, общество могут контролировать процесс распоряжения общими ресурсами?*										
	Не знаю	Никак	Через СМИ	Через выборных представителей	Надо создать такой орган	Надо чтоб были такие законы	Нужно гражданское общество	Надо выбирать порядочных	Через сильные общественные организации	Надо поднимать культуру народа	Надо чтобы все было прозрачным	Не поняли вопроса	Не дали ответа	Другое
Расход-е средств бюджета	14,6	25,0	16,7	2,1	-	12,5	2,1	2,1	10,5	2,1	6,3	6,3	12,5	2,1
Управл-е госсобств. и госимущ.	10,8	16,2	21,6	2,7	2,7	10,8	-	2,7	10,8	2,7	8,1	8,1	16,2	2,7

* — Вопрос задавался в открытой форме, полученные ответы классифицировались.

book-7_RAN_BLOK.indd 200 02.11.2009 17:34:55

верхнему среднему слою), либо не в силах противостоять власти, которая «просто не позволит» себя ограничивать — «либо убьют, либо подкупят» (так думает 60% «пессимистов», причем все они сконцентрированы на более низких уровнях социального спектра). Среди других причин выделяются «плохие российские традиции» и несовершенство человеческой природы («нет неподкупных»).

Готовы ли при этом респонденты были сделать вывод о бесполезности какой-либо борьбы со злоупотреблениями власти? И да, и нет. Как видно из таблицы 31, во всех социальных слоях оказалось более трети респондентов, не разделяющих капитулянтское утверждение *«В России бесполезно бороться со злоупотреблениями власти и коррупцией»* (еще одно распространенное клише). И в то же время около четверти респондентов в двух средних слоях («среднем среднем» и «нижнем среднем») и более 40% в «низшем» слое выразили с ним полное согласие.

Исследование также обнаружило логические сбои в отношении сути и предназначения парламента. Как показали результаты опроса, респонденты ожидают от парламента вовсе не того, к чему он, по их

Таблица 29

Представления о возможности реализации в России демократического контроля за властью

	Возможен ли в России контроль за властью со стороны общества?		
	Да	**Нет**	**Трудно сказать**
Весь массив	16,8	49,7	31,8
Социальный слой			
Высший	25,0	50,0	-
Верх. средний	37,5	37,5	25,0
Сред. средний	20,4	44,9	34,7
Нижн. средний	15,9	45,1	37,8
Низший	6,7	73,3	16,7
Отношение к утверждению «От нас ничего не зависит – как «наверху» решат, так и будет»			
Полностью согласны	8,3	61,1	27,8
Частично согласны	16,7	52,2	31,1
Не согласны	23,4	38,3	34,0

book-7_RAN_BLOK.indd 201 02.11.2009 17:34:55

же мнению, призван. Судя по ответам на вопрос о роли парламента, она, прежде всего, состоит в ограничении (сдерживании) исполнительной власти — в целом по массиву сумма ответов, в комплексе описывающих сдерживающую функцию парламента («ограничитель произвола правителя», средство контроля за исполнительной властью, необходимый элемент системы разделения властей), составила 60% (таблица 32). Оценивая же деятельность парламента, респонденты

Таблица 30

Причины неверия в возможность реализации в России демократического контроля за властью

	Почему в России не возможен контроль за властью со стороны?*							
	Общество не созрело	**Плохие традиции**	**Власть не позволит**	**Нет необходимых законов и структур**	**Нет экономических и моральных основ для независимости**	**Нет неподкупных**	**Другое**	**Не дали ответа**
Весь массив	46,4	26,8	60,0	12,6	17,1	25,7	3,4	8,0
Социальный слой:								
Высший	-	-	-	100,0	50,0	-	-	-
Верх. средний	100,0	-	-	-	-	-	-	-
Сред. средний	22,7	13,6	40,9	9,1	4,5	9,1	4,5	9,1
Нижн. средн.	35,1	16,2	32,4	10,8	5,4	16,2	2,7	8,1
Низший	22,7	4,5	40,9	13,6	9,1	4,5	4,5	9,1
«От нас ничего не зависит – как «наверху» решат, так и будет»:								
Полностью согласны	13,6	4,5	45,5	13,6	9,0	9,0	13,6	9,1
Частично согласны	38,3	14,9	34,1	12,8	4,3	10,7	-	6,4
Не согласны	33,4	11,1	22,2	11,1	11,2	11,1	-	11,1

* – Вопрос задавался в открытой форме, полученные ответы классифицировались.

book-7_RAN_BLOK.indd 202 02.11.2009 17:34:55

исходили отнюдь не из ими же артикулируемых функций представительного органа. Так, среди того, что определило более высокую оценку деятельности исполнительной власти по сравнению с парламентом (таблица 33), в лидеры вышла деятельность, объединенная нами в категорию «делает конкретные дела» (таблица 34)...

Другие, важные в контексте обсуждаемой темы результаты исследования говорят об уверенности респондентов в бесперспективности усилий гражданских ассоциаций (таблицы 35, 36) и о распространенности представлений о политике как о нереспектабельной сфере деятельности (таблица 37). А в целом — о непонимании глубинных связей между политической и экономической сферами.

В результате обществу удалось навязать представление о политико-экономической концентрации как о продуктивной, приближающей реализацию социально значимых целей. В то время как, по словам Эрхарда, «демократия и свободное хозяйство находятся в такой же логической связи, как диктатура и государственное хозяйство» (имеется в виду монополия на принятие экономических решений — О.А.)[285]. И если это так, вряд ли сегодня при полном консенсусе относительно декоративности нынешней российской демократии есть

Таблица 31

Представления о возможности результативной борьбы со злоупотреблениями властью и коррупцией в России

	Согласны ли Вы с утверждением «В России бесполезно бороться со злоупотреблениями властью и коррупцией»?			
	Полностью согласны	**Частично согласны**	**Не согласны**	**Трудно сказать**
Весь массив	27,2	31,8	37,6	3,5
Социальный слой:				
Высший	-	-	100,0	-
Верх. средний	12,5	25,0	65,5	-
Сред. средний	28,6	36,7	32,7	2,0
Нижн. средний	23,2	36,6	36,6	3,7
Низший	43,3	16,7	33,3	6,7

[285] Эрхард Л. Указ.соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 203 02.11.2009 17:34:55

Таблица 32

Представления о том, для чего нужен парламент*

	Почему без парламента нельзя обойтись?**							
	Принимать Законы	Атрибут Демократии	Орган, представляющий граждан	Контролировать исполнительную власть	Должно быть разделение властей	Ограничивать произвол властителя	Другое	Не дали ответа
Весь массив	23,9	14,8	8,0	10,2	12,5	36,4	8,0	5,7
Социальный слой:								
Высший	66,7	33,3	0	0	0	0	0	0
Верх. средний	25,0	0	25,0	0	0	100,0	0	0
Сред. средний	22,7	27,3	9,1	9,1	4,5	27,3	0	4,5
Нижн. средний	19,6	8,7	8,7	13,0	17,4	39,1	8,7	8,7
Низший	30,8	15,4	0	7,7	15,4	30,8	23,1	0

* – Этому вопросу предшествовал вопрос о том, можно ли вообще обойтись без парламента. Во всех статусных группах не менее 2/3 респондентов полагало, что парламент нужен. Наибольшее число респондентов, готовых пожертвовать парламентом, оказалось в «низшем слое» (более четверти его состава).

** – Вопрос задавался в открытой форме, полученные ответы классифицировались.

Таблица 33

Оценка деятельности представительной и исполнительной ветвей власти

	Согласны ли Вы с тем, что в России исполнительная власть играет более конструктивную роль, чем парламент?		
	Да	Нет	Трудно сказать
Весь массив	50,3	15,6	34,1
Социальный слой:			
Высший	75,0	25,0	0
Верх. средний	25,0	37,5	37,5
Сред. средний	55,1	14,3	30,6
Нижн. средн.	48,8	15,9	35,4
Низший	50,0	10,0	40,0

book-7_RAN_BLOK.indd 204 02.11.2009 17:34:55

основания рассчитывать на скорое создание конкурентной экономической среды и устойчивое развитие.

Почему же российское общество и, в первую очередь, его средние слои, более других заинтересованные в реальной парламентской демократии, допустило деградацию основных демократических

Таблица 34

Представления о том, почему исполнительная власть играет более конструктивную роль, чем парламент

	Почему исполнительная власть кажется Вам более конструктивной чем парламент?*							
	Делает конкретные дела	**Вынуждена отвечать за свои решения**	**Имеет реальные рычаги**	**В ней больше компетентных**	**Двигает реформы**	**В парламенте больше «игр» и корысти**	**Другое**	**Не дали ответа**
Весь массив	31,5	10,5	22,4	7,9	7,9	22,4	7,9	6,6
Социальный слой:								
Высший	0	0	0	0	33,3	66,7	0	0
Верх. средний	0	50,0	0	50,0	0	0	0	0
Сред. средний	31,8	9,1	31,8	9,1	0	22,7	13,6	4,5
Нижн. средний	32,4	8,8	17,6	5,9	8,8	17,6	8,8	11,8
Низший	40,0	13,3	26,6	6,7	13,3	26,6	0	0
Указавшие на законодательную функцию парламента	41,7	0	16,7	0	8,3	25,0	16,7	
Указавшие на функцию парламента как ограничителя произвола властителя	46,2	23,1	46,2	9,1	0	9,1	0	
Указавшие на контрольную функцию парламента	33,3	0	16,7	0	16,7	16,7	0	
Указавшие на необходимость разделения властей	0	0	0	33,3	16,7	33,3	16,7	

* – Вопрос задавался в открытой форме, полученные ответы классифицировались.

book-7_RAN_BLOK.indd 205 02.11.2009 17:34:55

институтов? Причина, как представляется, связана с идейным кризисом, обусловленным не только описанными выше внешними, но

Таблица 35

Предпочтения в отношении индивидуального или коллективного способов решения своих проблем

	Ощущаете ли Вы необходимость в объединении усилий с другими людьми для решения Ваших проблем?	
	Да	**Нет**
Социальный слой:		
Весь массив	56,8	43,2
Высший	50,0	50,0
Верх. средний	60,0	40,0
Сред. средний	54,5	45,5
Нижн. средний	61,7	38,3
Низший	56,3	43,7
«От нас ничего не зависит – как «наверху» решат, так и будет»		
Полностью согласны	57,1	42,9
Частично согласны	58,6	41,3
Не согласны	59,4	40,6

Таблица 36

Представления о возможности влияния на власть со стороны гражданских ассоциаций

	Может ли Ваша общественная организация влиять на принятие властных решений в Ваших интересах?	
	Да	**Нет**
Участвующие в работе общественных организаций	45,8	54,2
Не участвующие в работе общественных организаций (но ответившие на этот вопрос)*	1,5	98,5

* – Хотя этот вопрос был адресован только участвующим в общественных организациях, на него ответили еще и 46,9% из тех, к кому он не был обращен (возможно, они упускали слова «Ваша организация»).

book-7_RAN_BLOK.indd 206 02.11.2009 17:34:55

и внутренними факторами, а именно: отсутствием к моменту радикального общественно-экономического переустройства самостоятельно вызревшей последовательной системы взглядов относительно фундаментальных основ иного общественного порядка (социальной рыночной экономики), на которое было сориентировано жаждущее перемен российское общество в середине-конце 1980-х. В такой ситуации общественное сознание оказалось беззащитным перед воздействием взятых под контроль радикальными реформаторами и крупным бизнесом СМИ.

Все это возвращает нас к проблеме функционирования институтов при их переносе в иной культурно-исторический контекст. Еще Токвиль указывал на уровень развития общественного

Таблица 37

Представления о политике как о сфере деятельности

	Согласны ли Вы с утверждением «Политика – занятие для тех, кто умеет только говорить, тем, кто занят делом, – не до политики»?			
	Полностью согласны	**Частично согласны**	**Не согласны**	**Трудно сказать**
Социальный слой:				
Высший	25,0	-	75,0	-
Верх. средний	-	62,5	37,5	-
Сред. средний	12,2	26,5	57,1	4,1
Нижн. средний	13,4	42,7	40,2	3,7
Низший	26,7	30,0	36,7	6,7
	Согласны ли Вы с утверждением «Политика – дело грязное, и порядочному человеку в ней делать нечего»?			
	Полностью согласны	**Частично согласны**	**Не согласны**	**Трудно сказать**
Социальный слой:				
Высший	25,0	-	75,0	-
Верх. средний	12,5	25,0	62,5	-
Сред. средний	14,3	44,9	26,5	14,3
Нижн. средний	17,1	42,7	34,1	6,1
Низший	30,0	33,3	33,3	3,3

book-7_RAN_BLOK.indd 207 02.11.2009 17:34:56

сознания как на основное условие эффективности заимствованных законодательных установлений[286]. Известно, что в западном обществе тема демократического контроля возникла в эпоху буржуазно-демократических революций — одновременно с задачей ограничения властного произвола, решение которой стало необходимым для реализации фундаментального интереса оформляющихся средних слоев: сохранении свободы и собственности. Именно так эта тема рассматривалась в трудах Локка[287], работах американских федералистов[288], а позднее — в исследованиях, посвященных кризисам среднего класса[289].

Вновь вопрос институциональной эффективности при переносе институтов актуализировался во второй половине XX в связи с неудачными попытками догоняющей модернизации в ряде стран «третьего мира». Возникшая в связи с этим теория институциональной эволюции объясняет различия в функционировании одного и того же набора формальных правил (институтов) в разных культурно-исторических контекстах наличием воплощенных в обычаях, традициях и кодексах поведения неформальных ограничений, искажающих (по сравнению с оригинальным контекстом) механизмы и практику контроля за соблюдением этих правил, норм поведения и т.д.[290] Задолго до Норта внимание на существование в обществе огромного запаса неформальных знаний, позволяющих интерпретировать формальные правила, обратил Саймон[291]. Эти, часто не эксплицируемые знания, и составляют то, что Поланьи назвал «молчаливым знанием»[292]. Фактически такая совокупность правил вместе со схемами их интерпретации, в том числе социальной онтологией и системой ценностей, и составляет социальную культуру в обществе. На ее детерминирующую роль в возникновении существенно разных последствий при общности пра-

[286] Токвиль А. Указ.соч.

[287] Рассел Б. История Западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Новосибирск, 1994, Т. 2 (кн. 3).

[288] Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. Избранные статьи, Chalidze Publications Benson, Vermont, USA, 1990; Беррэс Р. Документы американской революции. Тверь-Москва: Альба, Российский экономический журнал, 1994.

[289] Например: Corey L. Op.cit.

[290] Норт Д. Указ. соч.

[291] Simon G. Models of Bounded Rationality v.1–2 Cambridge Ma. M.I.T.Press 1982.

[292] Polanyi K. The Tacit Knowlege. Doubleday — Garden City. Ancor. 1967.

book-7_RAN_BLOK.indd 208 02.11.2009 17:34:56

вил игры в странах с различным культурным фундаментом указывал и Хайек[293].

При этом важно подчеркнуть, что проблема культурной идентичности не приводит авторитетных авторов к отрицанию самой возможности переноса институтов. Она, по их мнению, лишь требует понимания необходимости внесения как в теоретические конструкции, так и в институциональные механизмы соответствующих коррективов. Так, например, Хайек подчеркивает, что «неудачные примеры заимствования демократических институтов не ставят под сомнение приложимость демократии в принципе, они означают лишь то, что институции, какое-то время сносно работавшие на Западе, подразумевают целый ряд неявно присутствующих в культурной атмосфере старых демократий элементов и принимавшихся по умолчанию принципов, которые должны превратиться в статьи конституций там, где подобное умолчание не работает»[294].

Однако, говоря о перспективах социального государства, следует учитывать и следующее обстоятельство. Еще Вебер указывал на специфику социально-политического устройства западного общества — его рационально разработанное право и управление на основе твердых формальных правил, как на то, без чего может обойтись «авантюристический, спекулятивно-торговый капитализм и политически обусловленный капитализм всевозможных видов», но в чем «в такой же степени, как в исчисляемых технических средствах производства, нуждается рациональное частнохозяйственное предприятие с его основным капиталом и точной калькуляцией». И именно тем, что лишь Запад предоставлял хозяйственной сфере «подобное право и подобное управление в требуемой юридической и формальной законченности», Вебер объяснял уникальную инновационную восприимчивость современного западного капитализма[295]. Увы, по всем приметам — от структурных диспропорций до всепроникающей коррупции – российский капитализм может быть определен в терминологии Вебера как «авантюристический». Зиждущийся на неопределенности правил и персонификации отношений, он кардинально отличается от капитализма «производительного», инновационного, в таких условиях развиваться не способного.

---

[293] Хайек Ф. Указ. соч.

[294] Хайек Ф.Указ. соч., стр. 163.

[295] Вебер М.Избранные произведения. М., 1990.

book-7_RAN_BLOK.indd 209 02.11.2009 17:34:56

4.3. Социальный контракт в постсоветской России

В отсутствие у общества к началу радикальных реформ вызревшей системы взглядов об основах иного социально-экономического порядка (социальной рыночной экономики)[296] и, в силу этого, настойчивости в строительстве присущих ему институтов[297], в сознании большинства населения, переживающего тяжелейшую адаптацию, произошло быстрое возрождение архетипов, связанных с взаимоотношениями индивида, общества и государства. Тем самым определилось направление рационализации новых условий жизни. Еще Вебер, отдавая должное детерминирующему значению экономических условий, подчеркивал равную значимость и обратной каузальной связи «экономического рационализма» со «способностью и предрасположенностью людей к определенным видам практически-рационального жизненного поведения»[298].

В результате между государством и населением сложился непродуктивный[299] социальный контракт, предполагающий высокую толерантность населения к неисполнению (или ненадлежащему исполнению) государством многих из своих функций в обмен на предоставление гражданам свободы в части уклонения уже от их обязанностей. По словам Е.М. Авраамовой, социальный контракт был сформулирован государством, разумеется, негласным образом, как «мы будем делать то, что хотим, а вы выкручивайтесь, как можете»[300]. Следствием такого «контракта» стали, с одной стороны, чрезвычайные по масштабу злоупотребления власти, а с другой — масштабное участие населения в неформальных социальных и экономических отношениях в рамках самопомощи, на которую были обречены брошенные самоустранившимся государством россияне.

Действительно, одной из наиболее востребованных и эффективных адаптационных стратегий населения оказалась неформальная занятость, к разным формам которой обращалось до 60% россиян.

---

[296] Изначально реформы были спущены сверху, а не инициированы снизу.

[297] Об этом хорошо сказано М.Мамардашвили (Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992).

[298] Вебер М. Указ. соч.

[299] Не содействующий социальному и экономическому прогрессу.

[300] Авраамова Е.М. О пространстве возможностей реформирования социальной сферы // Общественные науки и современность 2006. № 2.

book-7_RAN_BLOK.indd 210 02.11.2009 17:34:56

Основным инструментом решения вопросов в сфере образования и трудоустройства также стало использование неформальных социальных связей. Подобные адаптационные практики стали воспроизводиться и в территориально-поселенческом (столица-провинция, город-село), и в поколенческом разрезах. И, если оставить за скобками цену адаптации (снижение продолжительности жизни и в целом убыль населения, усугубление социальных недугов и т.п.), то можно сказать, что население «выкрутилось»: с каждым годом все большее число респондентов на наш вопрос «Удалось ли Вам приспособиться к новым условиям?» отвечали утвердительно.

В конце 1990-х годов зиждившийся на анархии социальный контракт несколько видоизменился: после дефолта 1998 года и крупных террористических актов в российских городах, включая столицу (осень 1999 года), население стало требовать от власти стабильности и безопасности. И с приходом в 2000 году нового лидера, чье появление совпало сначала с некоторым оживлением экономики вследствие девальвации национальной валюты, а затем с притоком средств в бюджет благодаря росту цен на российские энергоносители, в определенной степени получило искомое.

В обмен на стабилизацию, некоторый рост доходов и державную риторику пошли политические права и свободы, которыми разочаровавшееся в возможностях демократии образца 1990-х годов население в своем большинстве, в общем, и не дорожило. Ни отмена выборов губернаторов, ни переход к выборам исключительно по партийным спискам, ни повышение барьера для прохождения в Государственную Думу, ни отмена графы «против всех» не вызвали со стороны общества практически никакого отклика, не то чтобы протеста. Вопрос постоянно снижающейся электоральной активности на выборах всех уровней легко решался технически — снижением порога явки, необходимого для признания выборов действительными. Таким образом, происходило все большее ослабление обратной связи между обществом и властью. В условиях нарастающего абсентеизма последняя в ней, впрочем, и не нуждалась, решая свои задачи с помощью зондажа, ставшего, по мнению В. Федотовой, главной формой общения власти с населением[301] и заключающегося

[301] Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-традиция, 2005.

book-7_RAN_BLOK.indd 211 02.11.2009 17:34:56

во вбрасывании через СМИ некой управленческой идеи (перехода на 100%-ную оплату ЖКХ, пенсионной реформы, изменения порядка управления Академией наук или ведущими университетами и т.д.) с выстраиванием дальнейших действий в зависимости от наличия или отсутствия какой-либо отчетливой реакции со стороны затрагиваемых социальных групп.

Новый порядок, пришедший на смену анархическому порядку 1990-х, квалифицируется экспертами как апатический[302]. Очевидно, что, как и его предшественник, порядок, основанный на глубокой общественной апатии, не способен преодолеть кризис идентичности, переживаемый российским обществом на протяжении всех лет реформ. Как очевидно и то, что это не позволяет говорить о возможностях становления полноценного социального государства, требующего определенной степени интеграции общества.

По мнению многих экспертов, высока вероятность того, что нынешний финансово-экономический кризис, спровоцировавший экономический спад и бюджетный дефицит, не позволит власти выполнять условия сложившегося в 2000-е годы социального контракта, и потому становится актуальным вопрос о том, какой договор между обществом и властью придет ему на смену. Возможно ли появление социального контракта принципиально иного, продуктивного характера, необходимого для преодоления кризиса с выходом на траекторию долгосрочного развития?

Представляется, что нет, поскольку нынешняя политико-экономическая элита пока вряд ли к этому готова. Ибо все варианты подобного контракта так или иначе предполагают определенное размораживание системы, в том числе — допущение политической конкуренции, что для политических сил, выросших на административном ресурсе и жестком контроле за СМИ, есть дело абсолютно непривычное (например, как известно, ни правящая партия, ни ее лидеры, баллотировавшиеся на высшие государственные посты, никогда не участвовали в телевизионных дебатах) и в неблагоприятной социально-экономической обстановке (а только такая и может заставить выйти из тепличных условий политического существования) еще и не вполне предсказуемое. Готовности же делиться аккумулированным в руках

[302] Федотова В.Г. Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 212 02.11.2009 17:34:56

ограниченного круга лиц национальным богатством не наблюдалось ни в «тучные годы», ни в условиях наступившего кризиса. Так, на фоне баснословных нефтяных доходов эксперты, транслирующие позицию властных элит, указывали на то, что при рассуждениях о возможности проведения той или иной социальной политики следует исходить из того, что государство (читай, правящая элита) «намерено и вынуждено быть активным в социальной области, но не готово инициировать или допускать риск потрясений... и идти на резкое перераспределение собственности и доходов»[303]. И уже во время грянувшего кризиса, прекрасно зная о бедственном положении промышленности, банковская система — одна из священных коров российских реформ — спокойно прокрутила переданные ей как будто бы для поддержки реального сектора средства Стабфонда.

По-видимому, прав А. Аузан, полагающий, что несмотря на наличие на столе у российских правителей весьма пессимистических экономических прогнозов, «в мозгах у власти сидит не первый, второй или третий вариант, а четвертый, называемый «Может, пронесет?»[304]. Если это так, то на время, пока развитые экономики не вернутся к прежнему уровню спроса на энергоносители, то есть не улучшится внешнеэкономическая конъюнктура, позволяющая российской власти вернуться на прежние рельсы взаимоотношений с обществом (покупку лояльности населения через небольшое повышение зарплат и индексацию пенсий вкупе с седативным воздействием СМИ), может быть предпринята попытка реализации социального контракта образца 1990-х («выкручивайтесь как хотите»). Хотя эксперты и говорят о существенном изменении условий по сравнению с началом радикальных реформ (насыщение рынка потребительскими товарами, гораздо более высокая степень монополизированности рынков и т.д.), ухудшающем перспективы реализации этого варианта.

Как бы то ни было, очевидно, что подобные социальные контракты наряду с кризисом идентичности и позитивный прогноз в отношении становления полноценного социального государства несовместимы. Возможны ли все-таки какие-то сущностные перемены в обозримом будущем?

---

[303] Л.И. Якобсон. Социальная политика: попечительство или солидарность? // Общественные науки и современность 2008. № 1.

[304] Аузан А. Договор-2009: В поисках нового контракта // Новая Газета, 17.06.09.

book-7_RAN_BLOK.indd 213 02.11.2009 17:34:56

На протяжении реформ ожидания качественных изменений многими экспертами связывались с приходом новых генераций россиян — так называемого «поколения next», чья социализация проходила уже в постсоветский период. Отсюда довольно частые, особенно в первые годы реформ, ссылки на Моисея, сорок лет ожидавшего в пустыне убыли родительского поколения, способного воспроизвести и на земле обетованной прежние социальные институты, отношения и нормы. Многие авторы с воодушевлением отмечают поведенческие и ценностные доминанты российской молодежи: индивидуализм, рациональность, ориентацию на успех, заметную готовность отвечать требованиям складывающейся социально-экономической среды.

Однако обоснованны ли подобные ожидания? Ведь обществоведы — не биологи, бестрепетно изучающие процесс адаптации: в случае с социумом важна не только ее успешность, но и то, как обусловленная средой, к которой требовалось приспособиться, специфика адаптации способна сказаться на, воспользуемся аналогией, судьбе «вида» и экосистемы в целом.

В свое время К. Манхейм замечал, что «картина того, что может дать нам молодежь, может быть достаточно полной лишь в рамках анализа исторической обстановки и конкретных условий, в которых ей придется действовать»[305]. Выше мы уже говорили о характере институциональной среды, складывавшейся в России в последние 15–20 лет: период социализации и накопления реальных практик новыми генерациями россиян пришелся на расцвет в России «авантюристического», а не производительного капитализма. Именно специфика периода социализации как раз и обуславливает проблематичность рассмотрения нынешней российской молодежи в качестве ресурса качественно иного, инновационного развития.

Еще Платон говорил: «В обществе совершенствуется то, что в нем ценится». О том же — теория институциональной экономики: «Когда институциональная система делает наиболее предпочтительной экономической деятельностью перераспределение ресурсов, знания и навыки развиваются совсем в другом направлении, чем в том случае,

[305] Манхейм К. Диагноз нашего времени, М. 1994.

book-7_RAN_BLOK.indd 214 02.11.2009 17:34:56

когда экономический эффект определяется расширением производства»[306]. И хотя связь не проста и не однозначна, тем не менее, очевидно как то, что институциональная система определяет направление, по которому идет приобретение знаний и навыков, так и то, что это направление может быть решающим фактором долгосрочного развития. Таким образом, если иметь в виду не задачу краткосрочного выживания, а долгосрочные перспективы, то высокая адаптивность поколений, чье становление происходило в условиях «авантюристического капитализма», может сыграть с обществом злую шутку: чем лучше они адаптированы, тем в большей мере становятся частью процесса закрепления и воспроизводства сложившейся непродуктивной институциональной матрицы.

Итак, что же «совершенствуется», в каком направлении развиваются знания и навыки? Обратимся к некоторым из результатов наших исследований.

Как следует из результатов опроса студентов старших курсов, проведенного нами в рамках проекта «Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики»[307], более половины из них (52%) поступили в вуз, используя деньги и связи родителей, причем особенно серьезную роль неформальные отношения играли при поступлении в престижные вузы, получение образования в которых открывало хорошие материальные и социально-статусные перспективы. В глазах абсолютного большинства респондентов связи являются и одним из двух наиболее ценных ресурсов удачного трудоустройства[308]. И более половины старшекурсников (54%) планировали задействовать связи в ходе предстоящего трудоустройства (не предполагали прибегать к ним в основном те, кто подобными возможностями не располагал).

Теперь посмотрим на то, какие профессии являются в представлениях молодых россиян наиболее перспективными. Для этого обратимся к данным, полученным нами в ходе опроса бакалавров

---

[306] Норт Д. Указ. соч.

[307] Реализован в 2003 г. при поддержке Фонда Форда и Независимого института социальной политики. Опрошено 900 студентов-старшекурсников, обучающихся в вузах, диверсифицированных по профилю, месторасположению (Москва, Вологда, Таганрог) и уровню престижности.

[308] Другим является квалификация, связанная с опытом работы.

book-7_RAN_BLOK.indd 215 02.11.2009 17:34:56

Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова осенью 2007 года[309].

На этот раз, в отличие от традиционного оформления вопроса о наиболее предпочтительных профессиях в виде выбора из предложенного списка, мы использовали вопрос в открытой форме. И кроме привычных «экономистов/финансистов» (названы половиной респондентов, в ряде случаев с уточнением — «финансовый спекулянт»), «юристов» (четверть опрошенных), «программистов» (менее пятой части респондентов) обнаружили, что почти треть студентов назвали наиболее перспективной работу в силовых структурах, а пятая часть — в системе госуправления. Нередко два последних варианта назывались вместе, через запятую — в обобщенном виде или конкретно, например, «судья, таможенник, силовые структуры».

Обнаружившаяся тенденция — не новость, сдвиг в эту сторону отмечался нами еще в 2003 году при проведении массового опроса студентов-старшекурсников. О ней же говорили и наблюдения из повседневной жизни: так, летом 2006 года отдыхающие на Волге молодые москвичи и угличане бравировали друг перед другом работой в налоговых органах, инспекции потребнадзора, учебой в училище ФСБ. Наиболее открыто подоплеку обнаруженной тенденции раскрывает ответ одного из студентов Московской школы экономики, в котором привычный набор из «силовых структур» и «госуправления» замыкается откровенным — «надзирающие органы»...

Увы, любому, знакомому с российской действительностью, понятны причины нынешней привлекательности подобных сфер деятельности. Как понятно и то, что такой их расцвет питает авантюристический капитализм, но никак не совместим с производительной, инновационной деятельностью, требующей серьезных затрат и не приносящей быстрой и сверхвысокой отдачи. Заметный же сдвиг в сторону неприкрытого интереса к занятости — на фоне роста коррупции — в контролирующих и силовых органах говорит не о смене профессиональных ориентаций, а об усилении морально-нравственной коррозии в обществе.

Очевидно, что сущностные изменения происходят в обществе под давлением социальных сил с четко сформулированным запро-

[309] Опрошены студенты третьего курса МШЭ МГУ им.М.В. Ломономова, проходившие практику на базе ИСЭПН РАН в октябре-ноябре 2007 года.

book-7_RAN_BLOK.indd 216 02.11.2009 17:34:56

сом и готовностью к социальному действию. И потому вопрос превращения нынешнего «поколения пепси» в «поколение next» зависит от того, тесно ли молодым россиянам в сложившихся рамках, считают ли они необходимым раздвигать горизонты возможностей.

Судя по нашим данным, такого внутреннего импульса у молодежи пока нет. Общество кажется ей достаточно открытым. Это следует из выявленных в ходе исследований представлений студентов и выпускников вузов о главных факторах жизненного успеха, о доступности образования, из практики трудовой мобильности[310]. Так, при явно наличествующих ограничениях доступности высшего образования, около 60% респондентов[311] во всех доходных группах, кроме наиболее обеспеченных, отвечая на вопрос «Насколько сегодня хорошее образование доступно для людей способных, но малообеспеченных?», выбрали вариант «способный человек может без денег получить любое хорошее образование кроме элитного» и еще около трети — вариант «бедным, но способным, доступно и элитное образование». Лишь 10–13% респондентов отметили вариант «без денег никакие способности не помогут». Та же картина вполне эгалитарного общества возникает, и если взять представления молодежи о факторах жизненного успеха — унаследованные ресурсы заметно отстают по значимости от индивидуальных способностей. Так, если на родительские доход и статус как на факторы жизненного успеха указали 13% респондентов, то на умение учиться и работать — 56,2%, на предприимчивость и целеустремленность — 55%, на ум — 37,5%, на коммуникабельность — 30,4%.

Другое дело, что, как следует из ответов на другие вопросы, раскрывающие представления респондентов о престижности тех или иных вузов, о размере заработной платы, приемлемой для нормальной жизни и т.д., сам уровень притязаний молодых и в отношении вуза, и в отношении рабочего места (уровня оплаты труда и т.д.), отражает принцип «каждый сверчок — знай свой шесток». В рамках же принятых для себя планок молодые россияне вполне адаптив-

[310] Данные о трудовой мобильности получившей высшее образование молодежи были получены в рамках проекта «Поведение выпускников российских вузов на современном рынке труда», реализованного в 2005 г. при поддержке Фонда Форда и Независимого института социальной политики.

[311] В данном случае — студенты-старшекурсники, обучающиеся в вузах, дифференцированных по профилю, престижности и месторасположению.

book-7_RAN_BLOK.indd 217 02.11.2009 17:34:56

ны: получают вузовские дипломы, находят нужную работу. Так, абсолютное большинство из менявших работу выпускников вузов (а таких более 40%) добивалось роста зарплаты и, нередко, повышения должностного статуса. Вокруг, по мнению опрошенных, немало привлекательных рабочих мест: 80% респондентов указывало на их наличие в своей местности, и дело было лишь за связями — главным механизмом трудоустройства.

Используя метафору А. Аузана, как-то сравнившего социальную систему России с 10-этажным домом, в котором лифты нормальных механизмов вертикальной мобильности идут лишь до 4-го этажа, можно сказать, что молодежью такое «лифтовое хозяйство» воспринимается как данность и, похоже, как норма.

Да, при смене места работы многим приходится перепрофилироваться и нередко — со снижением квалификации: по собственному признанию почти 40% выпускников вузов, их нынешняя работа вообще не требует высшего образования. Но общественный престиж от этого не страдает, ибо, согласно данным нашего исследования, в глазах большинства молодых сегодня престиж профессии связан не с интеллектуальностью труда или его общественной полезностью, а с уровнем дохода, который приносит работа. И как жизненная ценность интересная работа обнаруживается лишь у мизерной доли молодежи.

Этим нынешние времена радикально отличаются от советского периода, когда общественной атмосфере удавалось задавать иную систему координат: все прекрасно знали, что у работников торговли и сферы услуг реальные доходы выше, чем у инженеров или научных работников, и что в дефицитной экономике первые могут себе позволить то, о чем последние не могут и мечтать, и кто-то шел в эти сектора с их теневыми доходами, но большинство — нет. Что ж, формирующая ценностную структуру атмосфера радикально изменилась. Тенденции изменений в представлениях выпускников вузов разных лет выпуска о том, что такое «хорошая работа», представлены в таблице 38.

Как показывают наблюдения, в сознании адаптированной к сложившимся условиям молодежи нередко весьма искажены и представления о базовых для развитых экономик понятиях. Например, на тезис о том, что отсутствие влияния роста числа аптечных заведений на уровень цен на лекарства говорит о высокой монополизации этого

book-7_RAN_BLOK.indd 218 02.11.2009 17:34:56

рынка, отсутствии на нем реальной конкуренции, нам довелось услышать такое решительное возражение молодого востребованного маркетолога: «Да там сумасшедшая конкуренция! Приходится бегать как «савраске» — отслеживать, чтобы префектура не отдала твое место тому, кто больше «занесет»»...

Примечательное отсутствие понимания и интереса у новых поколений россиян к сущностным чертам современных развитых обществ мы обнаружили, анализируя ответы российских и американских студентов на вопрос о том, что такое «американская мечта»[312]. Идея изучить этот вопрос была связана с результатами проведенных нами исследований доступности высшего образования в России и поведения выпускников российских вузов на рынке труда, недвусмысленно свидетельствующими о наличии явных имущественных ограничений в доступе к качественному и перспективному с точки зрения будущего трудоустройства высшему образованию[313]. Вопрос о механизмах и пределах восходящей мобильности — один из основных вопросов, занимающих общественное сознание в модер-

Таблица 38

Представление выпускников вузов о «хорошей» работе

Хорошая работа – это...	Первопроходцы*	Девяностники	Двухтысячники
Работа по призванию	39,6	21,6	26,0
Работа, обеспечивающая карьерный рост	12,6	19,3	24,2
Высокооплачиваемая работа	37,8	46,0	38,1
Работа, обеспечивающая признание и уважение людей	9,9	11,4	11,0
Другое	-	-	0,4
Затрудняюсь ответить	-	1,7	0,4

* – «Первопроходцы» – выпускники, закончившие вузы в 1993–96 гг., «Девяностники» – в 1997–2000 гг., «Двухтысячники» – в 2000–2002 гг.

[312] Опрос проводился автором в 2004–06 гг. среди студентов различных американских вузов, проходивших годичное обучение в России по программе Бостонского университета, а также студентов магистратуры Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломонсова.

[313] Александрова О.А. Образование: доступность или качество — последствия выбора из альтернативы // Знание.Понимание.Умение. 2005. № 2.

book-7_RAN_BLOK.indd 219 02.11.2009 17:34:56

низированном обществе. В США идея безграничной социальной мобильности в рамках созданного там общественно-экономического устройства воплотилась в понятии «американская мечта», вышедшем далеко за пределы американской культуры. Нам представлялось, что информация о том, как это понятие расшифровывается[314] студентами двух стран, может способствовать расширению знаний о сформировавшихся у российской молодежи представлениях о вариантах общественного развития и их фундаментальных основах.

Разница в представлениях оказалась показательной. Если американские студенты, расшифровывая понятие, в первую очередь говорили о равенстве шансов, о возможности с помощью упорного труда, интеллекта и т.п. добраться до вершин социальной иерархии, то есть, акцентировали внимание на: а) достижительной основе восходящей мобильности и б) механизмах, обеспечивающих продвижение наиболее способных и трудолюбивых, — то есть, на том, что, по сути, есть проявление социальной справедливости, то российские студенты лишь перечисляли материальные атрибуты «мечты» («хороший автомобиль», «свой дом» и т.п.), практически не упоминая об инструментальных и ценностных факторах, определяющих саму возможность ее достижения, и, следовательно, не осознавая их определяющую важность.

Очевидно, что складывающиеся у молодежи представления есть производная комбинации реальной практики и информационного фона, в котором она росла. В 1990-х ей рассказывали о коррупции как о «необходимой смазке» и, одновременно, о «невидимой» руке рынка. В 2000-х — о российских энергетических триумфах и о том, что, подобно развитому миру, Россия вступает в постиндустриальную эпоху. Не знающая иной реальности, убаюкиваемая рассказами о переходе к «сервисной экономике» (в российском случае являющейся в значительной степени убогой компенсацией деиндустриализации) и наслаждающаяся доступными за счет нефтяных денег зарубежными плодами научно-технического прогресса (компьютерами, мобильными телефонами, цифровой аппаратурой и т.д.), молодежь принимает происходящее за норму и даже за прогресс и вряд ли способна осознать зыбкость такого бытия. Изменит ли ее представления разразившийся кризис — покажет время.

[314] Вопрос задавался следующим образом: «Знакомо ли Вам понятие «Американская мечта», и если да, то не могли бы Вы его расшифровать?».

book-7_RAN_BLOK.indd 220 02.11.2009 17:34:56

ГЛАВА 5. СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

5.1. Проблемы формирования среднего класса

В рамках модернизационной реформы, призванной повысить социальную и экономическую эффективность, естественно сверять свои результаты с поддающимися сопоставлению показателями систем, демонстрирующих подобную эффективность, а затем проводить сравнительный институциональный анализ.

Одним из таких индикаторов является социальная структура, отражающая доминирующие процессы вертикальной мобильности. Так, присутствие массового среднего класса указывает на открытость общества, наличие в нем достаточного числа каналов вертикальной мобильности. Значительный по численности средний класс не только свидетельствует об относительном благополучии страны, но и способствует ему: в нормально развивающейся рыночной экономике средний класс как основной «сберегатель» определяет уровень инвестиционной активности населения, а как ответственный за производство «человеческого капитала» — инновационный потенциал страны.

Формирование массового среднего класса на всех этапах реформ в России декларировалось как одна из целей преобразований, однако, несмотря на почти двадцатилетнее радикальное экономическое и политическое переустройство, сформировать «средний класс» как значительную по численности, устойчивую социальную группу, исполняющую свои основные общественно-полезные функции, не удалось[315].

В обнародованных в 2008 году планах правительства вновь поставлен вопрос о формировании массового среднего класса и обозначен ориентир: к 2020 году средний класс должен составлять не менее 70% населения — показатель, характерный для наиболее развитых

[315] См., например: Средние классы в России: экономические и социальные стратегии.М.: Гендальф, 2003; Средний класс в современной России / Отв. ред. М.К.Горшков, Н.Е.Тихонова. М.: Институт социологии РАН, 2008.

book-7_RAN_BLOK.indd 221 02.11.2009 17:34:56

стран Запада. Еще до кризиса эта страта по разным оценкам не превышала трети населения. Соответственно, для реализации поставленной задачи необходим резкий рост восходящей мобильности, причем в обозримом будущем. Поскольку же значительному числу индивидов, обладающих рядом существенных признаков среднего класса, для полноценного вхождения в эту страту не хватает уровня дохода, требуется существенный рост доходов значительной массы населения.

Как соотносится эта задача и ситуация с реализацией конституционной нормы, объявляющей Россию социальным государством? О том, что связь здесь несомненна, говорит опыт развитых стран Запада, чья социальная структура приобрела свою нынешнюю эллиптоидную форму во второй половине XX века — как раз в процессе становления и расцвета социального государства. В начале XX века средние классы в совокупности составляли в этих странах до 1/5 населения, и дальнейшее развитие капитализма в фазе концентрации и монополизации лишь усугубляло положение средних слоев, представители которых повсеместно все более и более вытеснялись в тогда мало оплачиваемую и бесправную сферу массового наемного труда, а в условиях экономических кризисов — в безработицу.

Радикальное, обусловленное интенсивной восходящей мобильностью населения, изменение социальной структуры начало происходить в период социальной реконструкции, в рамках которой государство, отказавшись от идей сбалансированного бюджета и пассивного правительства, стало целенаправленно осуществлять политику доходов через стимулирование экономического роста и обеспечение максимально полной и адекватно оплачиваемой занятости, создание — в рамках всеобъемлющего экономического планирования — новых отраслей и городов в депрессивных районах, а также через механизмы перераспределения, демократизацию образования, экстенсивное развитие социальной сферы и системы соцобеспечения. То, какова была динамика роста государственных расходов в целом и социальных расходов в частности, мы видели на примере данных, приведенных в таблицах 5 и 6.

Эффект роста средних слоев в условиях реально функционирующего социального государства становится понятным при анализе структуры расходов государства с учетом всех прямых и косвенных

book-7_RAN_BLOK.indd 222 02.11.2009 17:34:56

эффектов от государственных вложений, а также иной деятельности государства, оказывающей влияние на уровень благосостояния населения.

Во-первых, государством на адекватном уровне оплачивался труд госслужащих, занятых исполнением традиционных (управление, оборона, правопорядок и т.п.) и современных (образование, здравоохранение и т.п.) функций государства, а также других, занятых в госсекторе профессиональных групп. Ибо в странах, где наемный труд демонстрирует способность к самоорганизации и солидарному поведению, где существует реальная политическая конкуренция и при этом достигнут общественный консенсус в отношении фундаментальных вопросов, в частности, ценности социально-политической стабильности, нищенская зарплата работников бюджетной сферы невозможна. Кроме того, необоснованное занижение заработной платы входило бы в противоречие с политикой доходов и не позволяло бы получать связанные с ней экономические эффекты.

Одновременно государство через регулирование минимальной оплаты труда и расширение прав наемных работников при заключении коллективных договоров добивалось позитивных изменений в оплате труда работников частного сектора.

Во-вторых, государство, используя различные инструменты (полную или частичную национализацию, влияние на решения экспортирующих отраслей, планирование госинвестиций, усиление социального контроля над частным капиталом) взяло под особый контроль отрасли, имеющие стратегическое значение для экономики и общества. Тем самым решались задачи достижения условий макроэкономического оптимума; содержания непривлекательных для частного сектора, но необходимых низкорентабельных или капиталоемких секторов (транспортной и инженерной инфраструктуры, некоторых наукоемких производств); обеспечения межотраслевого перераспределения ресурсов; проведения целенаправленной региональной политики; регулирования инвестиционной деятельности в области НИОКР и т.д. Прямое или опосредованное влияние этой деятельности государства на социально-экономическое развитие и, соответственно, на возможности восходящей мобильности, очевидно.

В-третьих, государство экстенсивно развивало социальные сектора (образование, здравоохранение и т.д.). Причем растущие инвес-

book-7_RAN_BLOK.indd 223 02.11.2009 17:34:56

тиции в социальную сферу оказывали динамический эффект и на производительные отрасли (производство лабораторного и бытового оборудования, медицинских приборов и инструментов, фармацевтических препаратов); и на строительную индустрию, связанную с возведением объектов социальной сферы; и на поставщиков инженерных, бухгалтерских, информационных и т.п. услуг для учреждений социального сектора. Таким образом, расходы государства на социальную сферу поддерживали занятость и адекватную оплату труда высококвалифицированного персонала как непосредственно в социальной сфере, так и в отраслях, обеспечивающих ее функционирование.

В свою очередь, адекватно финансируемые государством социальные сектора и, прежде всего, система образования, делали свой вклад в конкурентоспособность национальной экономики с очевидными последствиями для дальнейшей генерации социальных и экономических условий для восходящей мобильности.

В-четвертых, государство содействовало развитию экономики и сопутствующей восходящей мобильности социальными трансфертами, выплачиваемыми гражданам с целью возмещения или дополнения их доходов. На эти выплаты реципиенты приобретали произведенные национальными производителями товары и услуги, то есть осуществление подобных выплат являлось не чем иным, как финансированием спроса, который иначе (при преобладании малообеспеченного населения) невозможно было сделать эффективным.

Наконец, государство принимало на себя полностью или в значительной степени бремя оплаты приемлемых по качеству услуг социального сектора (здравоохранения, образования), а также вполне достойного содержания пенсионеров и инвалидов (табл. 5).

Как мы уже говорили, основным источником средств, расходуемых реальными социальными государствами по направлениям своей социальной и экономической деятельности, в совокупности создающим условия для массовой восходящей мобильности, была и остается система перераспределения доходов, основанная на прогрессивном налогообложении физических лиц (их доходов, имущества, в том числе переходящего в порядке наследования) и одновременном поощрении производственных и научно-технических инвестиций. Комбинация политики в сфере занятости и политики доходов (налогообложение, социальные трансферты и оплата госу-

book-7_RAN_BLOK.indd 224 02.11.2009 17:34:56

дарством основной массы социальных услуг) существенно сокращала дифференциацию доходов.

Таким образом, реально функционирующее социальное государство влияет на благосостояние граждан и, соответственно, на формирование и воспроизводство социальной структуры с массовым средним классом путем вмешательства в различные сферы.

Во-первых, оно вмешивается в сферу потребления, регулируя оплату труда и финансируя систему социальных трансфертов. Этим же оно одновременно создает необходимый для экономического развития массовый платежеспособный спрос.

Во-вторых, оно берет на себя содержание социальной сферы и тем самым не только освобождает домохозяйства от бремени расходов на социальные услуги, но и, что не менее важно, осуществляет выравнивание возможностей.

В-третьих, государство вмешивается в сферу производственных отношений в рамках политики регионального развития, управления находящимися в государственной собственности инфраструктурными и коммунальными предприятиями, политики в сфере сбережений и инвестиций, антимонопольного регулирования (на важности последнего для положения среднего класса мы уже останавливались, говоря об антикартельной идеологии Л. Эрхарда).

В-четвертых, государство вмешивается в сферу перераспределения доходов, без чего невозможно содержать экстенсивно развивающуюся социальную сферу, и систему соцобеспечения; вкладывать средства в не сулящие быструю отдачу региональное развитие, инфраструктурные проекты, научно-техническую сферу.

Очевидно, что на благосостояние граждан влияют все эти формы государственного вмешательства, а такие его направленность и масштаб возможны в условиях достижения фундаментального социального компромисса.

Теперь, имея в виду, что сложившаяся эллипсовидная, с массовым средним классом, социальная структура западного общества есть продукт социального государства, его комплексного воздействия на структуру доходов населения, вернемся к российским реалиям и перспективам массовой восходящей мобильности, сопровождающейся существенным ростом доходов. И будем вынуждены заключить словами Шекспира: «Из ничего не выйдет ничего».

book-7_RAN_BLOK.indd 225 02.11.2009 17:34:56

Начнем с лежащего на поверхности — с объема бюджетных ассигнований, выделяемых на социальную сферу. В отличие от планируемой доли среднего класса доля социальных расходов российского государства и до кризиса была весьма далека от той, что расходуется развитыми странами, в том числе и с учетом недавно столь интенсивно пропагандировавшихся приоритетных национальных проектов. Масштаб ассигнуемых на нацпроекты средств с самого начала их реализации не позволял отнести их к реальному прорыву (Рис. 1).

Не исключено, что понимание недостаточности нацпроектов (даже при всей мощи пропагандистской машины) в тех масштабах и формах, в каких они реализовывались, в качестве адекватного ответа на возникший в обществе вопрос «Если в стране «прорва» денег (о чем с естественным для пропаганды упорством трубили СМИ), то почему основная масса населения так неважно живет?», привело к тому, что весной 2007 года обществу была предложена новая идея — упразднения пресловутого Стабфонда и перечисления средств, вырученных от продажи российских энергоресурсов, по трем направлениям. А именно: в Резервный фонд, исполняющий миссию упраздненного Стабфонда; в Фонд будущих поколений, призванный содействовать ускоренному развитию национальной экономики через финансирование крупномасштабных проектов по созданию инфраструктуры, поддержке высокотехнологичных отраслей и т.д.; в госбюджет — в виде дополнений к запланированным в рамках бюджетного процесса социальным расходам. Именно теме преобразования Стабфонда была посвящена значительная часть послания президента Федеральному собранию весной 2007 года, и, разумеется, этот долгожданный шаг был тут же распропагандирован в СМИ.

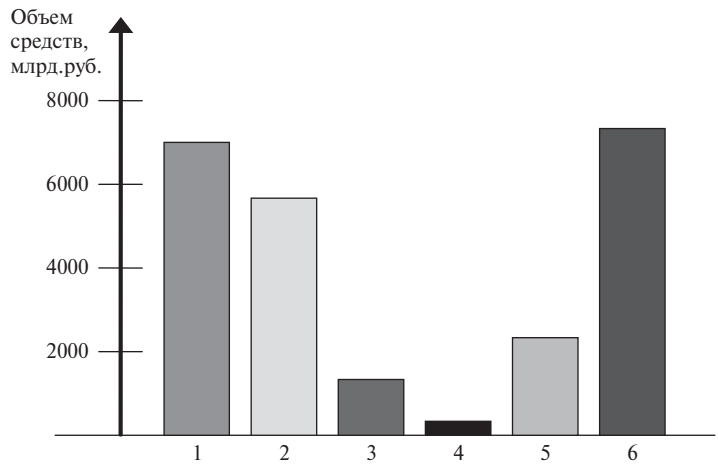
Однако внимательный анализ президентского послания вкупе с другой информацией, а именно заявлением министра финансов о порядке использования средств новых фондов[316], а также произведенными Центральным Банком РФ и независимыми экспертами прогнозами состояния российского внешнеторгового баланса в ближайшие годы, еще до всякого кризиса заставлял опасаться, что, как

[316] Кудрин готов отдать Фонд будущих поколений западному менеджменту // Газета.ru. 25 апреля 2007.

book-7_RAN_BLOK.indd 226 02.11.2009 17:34:56

и в случае с приоритетными национальными проектами, масштаб пропагандистского шума (теперь — вокруг иного использования нефтяных сверхдоходов) значительно превзойдет объем средств, отпущенных на социальную сферу, инфраструктурное и высокотехнологичное развитие.

Так, из послания президента следовало, что львиная доля нефтегазовых доходов будет направляться в Резервный фонд, для которого был установлен твердый норматив отчислений: объем средств фонда должен поддерживаться на уровне 10% ВВП. Другой же фонд — Фонд будущих поколений – должен был финансироваться лишь по остаточному принципу, то же — в отношении дополнительных ассигнований на социальные статьи бюджета. При этом, согласно тогдашним



1 — доходы федерального бюджета в 2007 году (6965 млрд. руб.)
2 — расходы федерального бюджета в 2007 году (5463 млрд. руб.)
3 — профицит федерального бюджета в 2007 году (1502 млрд. руб.)
4 –суммарные расходы на все национальные проекты в 2007 году (240 млрд. руб.)
5 –объем средств в Стабилизационном фонде к концу 2007 года (>2250 трлн. руб.)
6 — объем золотовалютных резервов ЦБ РФ на конец 2006 года (>7300 млрд. руб.)

Рис. 1. *Финансовое обеспечение приоритетных национальных проектов в сравнении с объемом федерального бюджета и государственными накоплениями*

Источник: Болдырев Ю. Методологические основы внешнего государственного финансового контроля. Автореферат диссертации. М., 2007.

book-7_RAN_BLOK.indd 227 02.11.2009 17:34:56

же прогнозам, сальдо российского внешнеторгового баланса уже в ближайшие годы должно было изменить знак с плюса на минус. Центральный банк прогнозировал наступление этого момента в 2010 году, независимые агентства — на год раньше[317]. Это означало, что на цели, не являющиеся приоритетными, а приоритетность целей проявляется в жесткости норм, устанавливающих норматив отчисления, объем и первоочередность финансирования, средств может просто не хватить. Ожидать же в связи с этим перекройки Резервного фонда не приходилось, поскольку его средства, по заявлению министра финансов, должны были по-прежнему инвестироваться в «консервативные» ценные бумаги, то есть уходить за рубеж.

Напомним, все это просматривалось задолго до кризиса, теперь же, когда разговор идет о бюджетном дефиците и сокращении расходов, власть клянется лишь в том, что выполнит уже взятые социальные обязательства. Таким образом, реального поворота в сторону социального государства, принимающего на себя значительную долю социальных расходов и создающего условия для эффективной и приемлемо оплачиваемой занятости массы населения в научно-производственных, высокотехнологичных отраслях, пока, похоже, не предвидится.

Не предвидится и реализации свойственной подлинно социальному государству перераспределительной функции. Как мы уже отмечали, налог на наследство с 1 января 2006 года в России вообще отменен. Что касается подоходного налогообложения, то в Бюджетном послании 2007 года, определившем бюджетную политику на трехлетие, подчеркивалось: в долгосрочной перспективе целесообразно не вносить существенных изменений в действующий порядок налогообложения доходов физических лиц, сохранив единую 13%-ую ставку налога. Бюджетное послание 2009 года также не содержит предложений относительно изменений порядка налогообложения.

Примечательно, что в этом вопросе точки зрения правительства придерживаются не только представители наиболее высокодоходных групп, чей интерес очевиден и чье поведение в условиях отсутствия тех действенных средств от социального эгоизма, что подвигали на

[317] Грозовский Б., Иваницкая Н. Деньги скоро кончатся // Ведомости, 25 апреля 2007.

book-7_RAN_BLOK.indd 228 02.11.2009 17:34:56

социальный компромисс западную политико-экономическую элиту, вполне естественно, но и российский средний класс, и даже менее обеспеченные граждане. В качестве примера типичной «доказательной базы», артикулируемой этой группой противников прогрессивного налогообложения, можно привести слова («пост», говоря интернетовским языком) одного из посетителей форума «Литературной газеты», откликнувшегося на публикацию, посвященную российским социальным контрастам и способам их преодоления: *«С учетом российских реалий введение прогрессивного налога приведёт к обнищанию бедных и к обеднению среднего класса. Гипербогатые сразу же сделают себе такие справки, благодаря которым не то, что подоходный прогрессивный — ни один налог можно не платить. Скажем, переведут всё имущество на имя какого-нибудь лица без определённого места жительства — а тот и знать не будет... И продолжится роскошь роскошно богатых и обирание всех остальных. Ибо нищие — и так нищие, а «средний класс» — это те, кто ещё чего-то боится, верен ценностям и идеалам. И просто «щоб отсталы» представители «среднего класса» будут готовы отдать всё — за себя и за того парня. Поверьте, эти времена уже не за горами...»*[318].

Циркулирование подобных идей в массовом сознании вполне объяснимо — мысль о том, что за все заплатят средние слои, подпитывается не только реальной практикой предшествующего, действительно драконовского прогрессивного налогообложения в 1990-х, когда прогрессия начиналась с мизерных доходов, но и методичной обработкой массового сознания СМИ, на протяжении многих лет внушающих, что альтернатива может быть только такой: либо все платят 13%, либо и самые богатые, и средний класс платят в два-три раза больше, чем сегодня. Так, в недавней популярной программе «Времена» (1 канал), посвященной проблеме грядущего дефицита средств Пенсионного фонда, на слова одного из участников дискуссии о том, что выход следует искать, в том числе, на пути перехода к прогрессивному налогообложению, один из разработчиков пенсионной реформы и либеральный экономист М. Дмитриев ответил тем, что, обернувшись к залу, попросил поднять руку тех, кто готов отдавать в налоги половину (!) своих доходов. Желающих, разумеется, не оказалось.

---

[318] http://forum.lgz.ru/viewtopic.php?t=13930.

book-7_RAN_BLOK.indd 229 02.11.2009 17:34:56

Примеры подобного манипулирования общественным мнением посредством умолчания о зарубежном опыте использования триады сглаживания социальных контрастов (прогрессивное налогообложение доходов и имущества, налог на роскошь и крупные наследства) либо намеренного введения в заблуждение относительно возможных налоговых схем и ставок налогообложения буквально рассыпаны по информационному пространству. Можно даже говорить об определенной тенденции в обсуждении идеи перехода к налоговой прогрессии в наиболее действенных электронных СМИ. Как показывают наблюдения, дискуссия практически всегда проходит по одной и той же схеме «вбрасывание — разоблачение»: будучи поднятой, идея введения налоговой прогрессии тут же и развенчивается допущенными к эфиру «экспертами» как несвоевременная и неэффективная. Возникает впечатление, что такое ее затрагивание — а случайно никакие серьезные темы на командных высотах сегодняшнего российского телевидения не возникают — имеет профилактическую, превентивную цель.

На самом деле в современном государстве, намеренном стать социальным, дискуссия уместна лишь по одному вопросу: какими должны быть ставки налогообложения и на какие уровни доходов они должны распространяться. Иначе говоря, речь должна идти не о том, быть или не быть прогрессивной шкале налогообложения, а о том, начиная с каких доходов и какой должна быть крутизна шкалы, чтобы ни в коем случае не затронуть, не дестимулировать средние слои, без союза с которыми подобная реформа не получит необходимой поддержки.

Эта задача вполне решаема — зарубежный опыт показывает, что система ставок при прогрессивном налогообложении может быть такой, чтобы принести выигрыш не только абсолютному большинству российских граждан, но даже и абсолютному большинству активных россиян, являющихся предпринимателями или высокооплачиваемыми наемными работниками. Возьмем для примера Чили как страну, считающуюся образцом проведения либеральных реформ. Здесь доход размером до 550 долларов в месяц вообще не облагается налогом; сумма, превышающая этот доход и находящаяся в интервале от 550 до 1650 долларов, облагается 5%-ным налогом; то, что находится в интервале от 1650 до 2750 долларов, облагается 10% налогом, а то, что находится в интервале от 2750 до 3850,

book-7_RAN_BLOK.indd 230 02.11.2009 17:34:56

облагается 15% налогом. 25%-ным налогом облагаются суммы, находящиеся в интервале от 3850 до 4950 долларов; 35%-ным — все, что находится в интервале 4950–6600, и, наконец, 45%-ным налогом облагаются суммы, превышающие 6600 долларов в месяц[319].

Если применить чилийскую схему налогообложения к российским реалиям со средней заработной платой около 300 долларов, то можно сделать необлагаемым доход размером менее 150 долларов; с сумм, превышающих 150 долларов, но не доходящих до 300 долларов, брать 5%-ный налог; с дельты[320] 300–600 долларов — 7%-ный; с дельты 600–1000 долларов — 10%-ный; с дельты 1000–2000 долларов — порядка 14%, 2000–3000 долларов — 18%, 3000–6000 долларов — 28%, 6000–12000 — порядка 38%, свыше 12000 долларов в месяц — 50%. Как видно из представленного расчета, в этом случае даже те россияне, кто получает сегодня 3 тыс. долларов в месяц, то есть на порядок больше средней зарплаты по стране, платили бы несколько меньший подоходный налог, чем платят сейчас. Очевидно, что с введением такого рода налоговой схемы попутно получила бы дополнительное решение и проблема уклонения от налогов массы обычных граждан. Но главное: можно с большой долей уверенности предположить, что будь подобная, с подробными выкладками и, что немаловажно для «среднеклассовой» аудитории, отсылками к конкретному опыту успешно развивающихся стран, информация доведена до населения, идея прогрессивного подоходного налогообложения обрела бы своих многочисленных естественных сторонников.

Что же касается контраргументов, указывающих на перспективу недобора налогов вследствие уклонения от повышенного налогообложения представителей верхних децилей структуры распределения доходов, то, применив фигуру речи, использованную Эрхардом, можно сказать так: если государство спасует в этой области, можно распрощаться с социальным государством...

Государство пасует, а точнее — не желает выполнять и иные свои функции, необходимые для реализации эффективной политики

---

[319] Квасов А. Чилийские экономические реформы. Практический опыт и его актуальность для России. М., 1998.

[320] Еще раз заметим: каждая новая повышенная ставка при сложной прогрессии применяется не к совокупному доходу, а только к дельте, превышающей доход, облагаемый по предыдущей ставке.

book-7_RAN_BLOK.indd 231 02.11.2009 17:34:57

доходов, прежде всего — антимонопольную. И это свидетельствует о том, что, несмотря на все разговоры, никакого реального размежевания крупного финансово-промышленного капитала и власти на самом деле не происходит. В этой ситуации было бы странно ожидать со стороны крупного бизнеса проявлений реальной социальной ответственности. Хотя говорится о «социальной ответственности бизнеса» в последнее время довольно много: и властью, и самим крупным бизнесом. Появились и масштабные исследования на эту тему. Однако самые сущностные вопросы, как представляется, в основном остаются не проясненными.

Так, в одном из подобных проектов[321], прямо в его заглавии содержится вопрос, что же такое российский бизнес с точки зрения социальной политики — должник, благодетель или партнер. И далее, в самом тексте, после вскользь упомянутой приватизации, ответ — в виде подробного рассказа о практике участия металлургических, топливно-энергетических и т.п. компаний в реализации социальной политики на корпоративном, региональном и т.д. уровнях.

Но ведь ответ на вопрос «должник или благодетель» можно получить лишь в результате совершения арифметической операции с «дебитом и кредитом». Сделать же это в нынешних российских условиях практически невозможно, ибо общество не владеет наработанным цивилизацией инструментарием, необходимым для подобных «вычислений» — у него нет ни интенции на осуществление демократического контроля за властью, ни, соответственно, его навыков. В такой ситуации обществу может быть известен только «дебит» — социальные вложения бизнеса (благотворительные акции в пользу ветеранов и сирот, именные стипендии от «олигархов», пожертвования музеям, выкуп вывезенных за рубеж яиц Фаберже и советских мультфильмов), наблюдаемые непосредственно, а чаще — известные из рассказов СМИ, в абсолютном большинстве являющихся ничем иным, как еще одним источником дохода и одновременно инструментом влияния того же самого бизнеса и афиллированных с ним властных структур, что наше население, как уже говорилось, далеко не осознает. О том же, каков «кредит»: а именно, какие поблажки и

[321] Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? / А.Е. Чирикова, Н.Ю. Лапина, Л.С. Шилова, С.В. Шишкин (отв.ред.); НИСП. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005.

book-7_RAN_BLOK.indd 232 02.11.2009 17:34:57

преференции от государства получил бизнес и не перекрывают ли они многократно его «социальный вклад», обществу, разумеется, не докладывают.

Например, в конце 1990-х — начале 2000-х гг. по стране прокатилась «эпидемия» строительства ледовых дворцов спорта в ряде областных столиц[322] в канун губернаторских выборов. Якобы на средства частных инвесторов. Власть решительно отвергала сомнения скептиков, не верящих в то, что современный российский бизнес ради высокой идеи поддержки физкультуры и спорта готов вкладываться в заведомо нерентабельные проекты, и громогласно объявляла, что ни копейки бюджетных средств на строительство не идет. Лишь после выборов и уже безо всякой огласки выяснялось, что «инвестор» привлекал средства на строительство не на свой страх и риск, а под гарантии города. То есть в конечном итоге за все расплачивался городской бюджет (на это, собственно, и была рассчитана схема перекачки бюджетных средств в частные карманы), иначе говоря — население, недополучавшее те блага, которые могли бы быть ему предоставлены в случае добросовестного, а не мошеннического — через сговор власти и бизнеса — распоряжения бюджетными средствами. И таким примерам несть числа.

Что же касается российского крупного бизнеса — основного объекта подобных исследований, то здесь вопрос о том, должник или нет, необходимо рассматривать в гораздо более широком контексте — с точки зрения многообразного влияния этого субъекта на доходы населения в целом. Для этого следует учитывать не только то, как создавались в России крупные капиталы, но и то, за счет чего они приумножались и приумножаются.

Как мы видели, сначала при непосредственной помощи власти (перекачивание бюджетных средств в так называемые уполномоченные банки и тому подобные схемы) или ее попустительстве (финансовые пирамиды и другой явный или закамуфлированный криминал, позволяющий массово изымать средства граждан) ограниченным кругом лиц за счет остального населения были аккумулированы огромные финансовые ресурсы и взята под контроль финансовая система. Затем в результате специфически проведенной приватиза-

[322] Например, в Санкт-Петербурге, Ярославле и т.д.

book-7_RAN_BLOK.indd 233 02.11.2009 17:34:57

ции и сомнительных сделок вроде называемых ныне «скандально-известными» залогово-кредитных аукционов этим кругом лиц были присвоены стратегические по масштабам, ликвидности и прибылям объекты бывшей государственной собственности (ТЭК, металлургия и т.п.). Имея в руках ресурсы подобных масштабов, тем или иным способом взять под контроль торговые сети, строительный бизнес и т.д. никакого труда уже не составляло. Таким образом, шаг за шагом крупный бизнес не просто богател, но брал под свой монопольный контроль все сферы, определяющие уровень жизни абсолютного большинства российского населения.

Действительно, во-первых, именно подконтрольные ему инфраструктурные отрасли (ТЭК, кредитно-финансовая сфера и т.п.) определяют рентабельность всей остальной российской экономики. В нашем случае — вследствие необузданных аппетитов российского капитала и афиллированной с ним власти — делают нерентабельным и, соответственно, неконкурентоспособным несырьевой сектор экономики, задыхающийся от растущих тарифов и дорогих кредитов с соответствующими последствиями для занятого в несырьевых отраслях населения. Таков «вклад» крупного бизнеса в размер текущих доходов огромной части населения, а также в размер отчислений, которые производятся с мизерных зарплат в социальные фонды.

Во-вторых, пролоббировав отказ от прогрессивной шкалы налогообложения доходов, имущества и наследования (вещь, как мы видели, небывалую даже в самых либеральных странах), российский капитал чрезвычайно облегчил для себя бремя наполнения государственного бюджета и тем самым внес «вклад» в низкий уровень доходов огромной массы работников бюджетных организаций и мизерность отчислений в социальные фонды от их низких зарплат. Этим же он «посодействовал» консервации нищенского — в сравнении с западными стандартами — финансирования социальной сферы, в силу чего бремя оплаты услуг образования и здравоохранения (читай, формирования «человеческого капитала», о чем так красиво говорит власть и бизнес-сообщество) и поддержки стариков все более тяжким грузом ложится на обычных россиян — тех самых бюджетников и работников еле дышащего реального сектора экономики.

Рассмотрев «вклад» в доходы большинства российских граждан, перейдем к «вкладу» в их расходы. На них подконтрольные крупному

book-7_RAN_BLOK.indd 234 02.11.2009 17:34:57

бизнесу инфраструктурные отрасли влияют через постоянно растущую стоимость потребительских товаров (в первую очередь — продуктов питания, занимающих львиную долю в структуре расходов основной массы россиян) и услуг (прежде всего, стремительно дорожающих жилищно-коммунальных и транспортных), в которую включаются издержки на солярку и другое топливо, высокие проценты по кредитам, большие торговые наценки и т.д.

Оценивая «вклад» в расходы, следует иметь в виду и пролоббированное в последние годы ослабление законодательных норм, касающихся охраны труда и окружающей среды, позволяющее собственникам предприятий все в большей мере экстернализировать, то есть перекладывать на общество, свои издержки. Ведь именно обществу придется нести расходы по преодолению экологических и социальных последствий от деятельности получивших послабление предприятий, их экономии на природоохранных мероприятиях и технике безопасности.

А как оценить долгосрочные последствия от удушения промышленности и, в первую очередь, ее высокотехнологичного сектора — известно же, что чем выше уровень передела, тем выше накапливающиеся по цепочке издержки, связанные с расходами на товары и услуги инфраструктурных отраслей (энергетики, транспорта, кредитных организаций и т.д.). С такими тарифами, какие «выторговывает» себе российский крупный капитал, говорить о какой-либо конкурентоспособности, «экономике знаний» и т.п. просто не приходится.

Теперь с помощью СМИ и, что греха таить, некоторых представителей экспертного сообщества дело представляется таким образом, чтобы в массовом сознании сложилось мнение: несмотря на неоднозначность процесса перехода самых ценных объектов госсобственности в частные руки, новые собственники реализуют более эффективную, нежели ранее, социальную политику и тем компенсирует обществу моральные издержки. Однако если соотнести, с одной стороны, совокупный размер реальных, не распиаренных, социальных расходов российских финансово-промышленных групп, а с другой — ценность и масштаб полученной ими задаром общенациональной собственности (например, всего лишь годовая прибыль «Норильского никеля»[323] превышает 1,5 млрд. долларов) и тот объем

[323] Предприятие, отторгнутое у государства и перешедшее под контроль ОНЭКСИМ БАНКА в результате уже упоминавшихся залогово-кредитных аукционов.

book-7_RAN_BLOK.indd 235 02.11.2009 17:34:57

средств, который они должны были бы вносить, но не вносят в государственный бюджет, будь российская система налогообложения организована так, как это сделано в любой из современных развитых стран, то возникает совсем другой образ: превращенных в сироту облагодетельствуют копеечными леденцами.

Конечно, было бы странно ожидать от крупного бизнеса поведения «унтер-офицерской вдовы». Но все остальные, оценивая социальную роль нынешнего российского крупного бизнеса, не должны представать этакой Машей из анекдота, наивно спрашивающей у милого, так «любит ли он ее или это пиар», и исходить в оценках того, должник или благодетель субъект такого масштаба, из позиции — «с паршивой овцы хоть шерсти клок».

Да, как мы видели на примере Швеции, при наличии реального противовеса финансово-промышленному капиталу в виде общества, способного к самоорганизации и эффективному использованию политических институтов, концентрация частного капитала не является фактором, несовместимым с социальным государством. Но, увы, ситуация в России сегодня отнюдь не такова. В силу комплекса социально-экономических и социокультурных факторов российское население не обладает и малой толикой той степени самосознания и самоорганизации, которая необходима для оказания давления на государство, а через него — на крупный бизнес, принуждая последний действовать не узкокорыстно, а в соответствии с долгосрочными интересами большинства граждан.

Нет сегодня и факторов глобального характера, аналогичных тем, что были в 30-х годах прошлого века и страх перед которыми стал действенным средством от социального эгоизма. Сегодня российские бизнесмены масштаба Кеннеди-отца экономически и ментально встроены в глобальную элиту и, судя по их реальному «вкладу» в социально-экономическое развитие страны (о чем говорилось выше), ориентируются на интересы той части мира, что вовсе не собирается растить себе конкурента и, следовательно, не заинтересована в проведении Россией социальной политики, адекватной задаче создания мощной экономики.

В то же время в настоящий момент возникает нечто, возможно, способное заставить часть российской политико-экономической элиты осознать общность интересов с большинством населе-

book-7_RAN_BLOK.indd 236 02.11.2009 17:34:57

ния страны. Это усиливающаяся глобальная схватка за природные ресурсы, целью которой является установление внешнего контроля, а в пределе, если потребуется, и присвоение тем или иным способом того, что сегодня составляет основной источник благосостояния крупного российского бизнеса. Вот эта возможная боязнь оказаться в ходе «битвы гигантов» (стран Северной Атлантики, с одной стороны, и стремительно растущих новых экономик (Китая, Индии) — с другой) выброшенными с праздника жизни может, в принципе, переориентировать российский крупный капитал (его часть) на внутреннее развитие страны, без которого просто не удержать контроль над российской территорией и ее природными ресурсами, и заставить отказаться ради этого от части политико-экономических привилегий.

Если бы подобная — на концептуальном уровне — переориентация произошла, она повлекла бы за собой и изменения в социально-экономической политике государства: в его антимонопольной деятельности, в готовности использовать наработанные цивилизацией механизмы перераспределения доходов, в бюджетно-финансовых приоритетах и т.д., иначе говоря, во всех тех областях, от которых зависят нынешние и завтрашние доходы и перспективы основной массы российского населения. Произойди такое — и продекларированные властью ориентиры в отношении характера социальной структуры, невозможные без массовой восходящей мобильности, уже не казались бы столь несбыточными. Во всяком случае, история знает примеры осуществления серьезных позитивных изменений в весьма короткие сроки[324].

Что касается возможностей собственного, самостоятельного влияния потенциального среднего класса на реализуемую государством политику, то мы уже отмечали отсутствие у российских средних слоев внятного понимания своих классовых интересов (или, точнее, с учетом объективной эклектичности этого класса, некоторых общих доминант), не позволяющего им стать «классом для себя». Как было показано, за годы реформ российские средние слои не только не выработали идеологии, касающейся механизмов и инструментов защиты своих интересов, но оказались неспособны

[324] Например, опыт послевоенной Германии.

book-7_RAN_BLOK.indd 237 02.11.2009 17:34:57

адекватно использовать соответствующие институты, привнесенные в российскую действительность из либеральных демократий.

Более того, приспосабливаясь к складывающейся социально-экономической среде, российские средние слои (и, особенно, их наиболее адаптированная часть) практически неизбежно втягивались в процесс закрепления и воспроизводства формирующейся институциональной матрицы. Говоря словами авторов журнала «Эксперт», «предприниматели, не вынужденные включать *несытую сволочь* (выражение Петра Великого) в свои бизнес-схемы, остаются на Руси дивным исключением»[325]. И, следовательно, конфликт интересов возникает уже внутри самого потенциального среднего класса: между нацеленностью на реализацию фундаментальных интересов и долгосрочную перспективу, с одной стороны, и ориентацией на противоречащую им адаптационную тактику достижения краткосрочных результатов — с другой.

К сожалению, информационный контекст по прежнему не содействует формированию у потенциального среднего класса адекватного самосознания. Так, пару лет назад в информационном пространстве вновь зазвучала тема российского среднего класса. Поводом стала презентация Институтом социологии РАН аналитического доклада «Городской средний класс в современной России» (2007 г.), квинтэссенцией которого стало следующее наблюдение: оказывается, экономический рост и торжество в качестве «энергетической сверхдержавы» не оказывают позитивного влияния на рост численности тех, кого исследователи отнесли к среднему классу. Напротив, в последние с предыдущего замера годы доля среднего класса в экономически активном населении снизилась с 25 до 20%. Не происходило и перехода в полноценный, обладающий всеми четырьмя выбранными исследователями признаками[326] средний класс и многочисленной (до 35% экономически активного населения) периферии. Причем составляющим периферию среднего класса индивидам не хватает для перемещения в ядро всего лишь одного из признаков, которым в каждом втором случае является доход[327].

---

[325] Волков А., Привалов А. Ворующие по закону // Эксперт. 2000. № 7.

[326] Доход, образование, род занятий, самоидентификация.

[327] Городской средний класс в современной России, ИС РАН 2006, http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass.html.

book-7_RAN_BLOK.indd 238 02.11.2009 17:34:57

На самом деле, отнюдь не удивительно, что в России, в условиях чрезвычайной монополизированности сложившейся социально-экономической и государственно-политической системы, совершенно не работает формула, увязывающая экономический рост и всеобщее благосостояние, и высокие нефтяные цены лишь усиливают социальную и региональную дифференциацию. Подобное, как мы видели, в начале XX века испытывали страны, располагающие сегодня достаточно обширным средним классом. Причины были те же — сверхконцентрация капитала и собственности, с неизбежностью приводящая к сокращению демократических прав и возникновению порочного круга, вытесняющего средние слои населения в положение новых бедных. Как в США, так и в Европе, выход был найден, не сразу и не просто, на пути поиска социального компромисса.

Очевидно, что подобный социальный компромисс, касающийся ключевой проблемы распределения доходов, может быть сформулирован и проведен в жизнь только государством, обладающим прерогативой определения институциональных рамок в виде антимонопольного, налогового, социального и т.п. законодательства, выработки и реализации бюджетно-финансовой политики и т.д. С учетом этого довольно удивительным представляется обнаруживаемый во введении аналитического доклада пассаж о том, что *«одной из в наименьшей степени поддающихся государственному регулированию задач является задача формирования массового среднего класса»*[328].

Не менее удивительным, теперь уже с учетом приведенного пассажа, стало прямо противоположное ему по смыслу заявление одного из авторов доклада, М. Горшкова, в программе «Времена» (1 канал): *«Необходим еще один национальный проект — национальный проект поддержки формирования и укрепления среднего класса»*[329]. Слова тем более неожиданные, что им предшествовал примечательный комментарий того же эксперта относительно обнаружившейся политической аморфности и индифферентности составляющих российский средний класс групп. Было сказано, что такая аполитичность *«отвечает общемировой тенденции», «удивляться этому не стоит и ругаться на это не надо», так как «современное общество несет с собой разнообразные*

[328] http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass_0.html.

[329] Здесь и далее приведены фрагменты из передачи 1-го канала «Времена» от 28.01.2007.

book-7_RAN_BLOK.indd 239 02.11.2009 17:34:57

многочисленные формы выражения и самовыражения своих индивидуальных интересов, и, спрашивается, почему они должны выражаться только в политике, а не в сфере досуга, в духовной сфере и т.д.». И вывод: *«В этом смысле мы идем нога в ногу с мировым сообществом».*

Удивительно гибким все же оказывается использование исторических параллелей. Сложившаяся социальная структура, являющаяся, кстати, не только результатом предшествующего развития (в 1990-е), но и одной из детерминант развития будущего, порождена спецификой этапа первичного накопления капитала, дикость которого оправдывалась ссылками на соответствующие, вековой давности исторические периоды в развитии западных стран. Для оправдания же политической индифферентности и аморфности нынешнего российского среднего класса используется аналогия с нынешним, постиндустриальным этапом развития Запада.

Но ведь в эпоху борьбы с феодализмом, сущностные черты которого являет современная российская действительность, движущей силой буржуазно-демократических революций были именно средние слои. Они же — участники позиционных боев с монополистическим капитализмом в начале XX века. Недовольство широких масс наемных работников, в которых все больше превращался и вытесняемый монополиями мелкий собственник, в США имело политическим эффектом избрание Ф. Рузвельта, а в Великобритании — знаменитые «Khaki Election», закончившиеся провалом консерваторов, которым не простили социально-экономического эгоизма и связанных с ним невзгод и потрясений 1930-х годов. Что же касается некоторого снижения политической активности во второй половине XX века, то происходило оно в эпоху обеспеченного масштабными государственными интервенциями расцвета государства всеобщего благосостояния, с которым западные исследователи как раз и связывают «золотой век» среднего класса[330]. Уже в 1990-х обострение связанных с глобализацией и новым этапом НТР социальных противоречий приводит в Европе и США к смене политических сил — неолиберальных на более социальные, что явно невозможно в условиях тотальной политической индифферентности. Как писали в 1996 году накануне парламентских выборов английские газеты, решение — за

[330] Social policy in Western Europe and the USA, 1950–80: An assessment. Op.cit.

book-7_RAN_BLOK.indd 240 02.11.2009 17:34:57

«озабоченным средним классом», ждущим от государства «большего сочувствия» и политики, не позволяющей «вытеснять его на обочину»[331]. В 2000-х в Европе проходят многотысячные манифестации работников автомобильной, авиастроительной и т.п. отраслей, что вряд ли сочетается с политической аморфностью.

Пассаж, призывающий не проявлять алармизма по поводу аполитичности российского среднего класса ввиду «нормальности» и «современности» явления, не стоил бы обсуждения, если бы не был эхом идей, доминировавших в 1990-е, когда как раз и закладывались долгосрочные тенденции социально-экономического развития России. Выше уже приводились результаты проведенного нами контент-анализа материалов СМИ, обнаружившего выраженные тенденции в отношении СМИ к участию граждан в политическом процессе. Напомним: по сравнению с годами перестройки в период радикальных реформ в три и более раз снизилось число упоминаний об активном гражданском участии при создании позитивного образа представителя «среднего класса» и одновременно заметно выросло число текстовых единиц, подчеркивающих «аполитичность» как важную позитивную черту «занятого делом» среднего класса.

Более того, если предложение «*запустить нацпроект по среднему классу*» указывает все же на признание роли государства в его формировании, то возникает вопрос: а что, собственно, должно подвигнуть власть к проведению политики, способствующей расширению среднего класса? Ведь, как уже говорилось, главное условие расширения и устойчивости среднего класса — последовательное ограничение возможностей тех субъектов, что способны препятствовать свободной частной инициативе и равной конкуренции, будь то на рынке производства товаров и услуг, или на рынке труда, или на рынке политического выбора. Подобная политика практически противоположна той, что реализуется все эти годы. Но политика государства есть равнодействующая сил, оказывающих на власть разнонаправленное давление, и если политика такова, значит, таково соотношение сил у групп интересов. И ощутимое изменение политики возможно лишь при соотносимом изменении в раскладе сил. Способны ли стать серьезной группой давления политически индифферентный

[331] Leadbeater Ch. What's the Big Idea? // The Observer, 4.08.1996.

book-7_RAN_BLOK.indd 241 02.11.2009 17:34:57

средний класс и его периферия, где, скорее, имеется политическая апатия и деморализация?

Проблема еще сложнее: социально-политической интеграции потенциального российского среднего класса препятствует специфическая, отдельная от традиционной гетерогенности, сегментированность. Один сегмент — успешно адаптировавшиеся к сложившейся институциональной среде индивиды, реализующие гедонистическую модель поведения. Органично встроенные в современные реалии, они не заинтересованы в серьезных изменениях правил игры. Другой сегмент — высококвалифицированные и мобильные индивиды, не желающие вписываться в предлагаемые обстоятельства, пессимистически оценивающие перспективы страны и потому скорее нацеленные на эмиграцию, нежели на «оцивилизовывание» России. Третий, наиболее многочисленный сегмент — та часть средних слоев, чьи объективные интересы должны бы заставить их предъявить государству требования, аналогичные тем, что выдвигает западный средний класс. Однако в силу разных обстоятельств: нежелания или боязни менять адаптационную тактику, трогать так или иначе выстроенные отношения, неверия в эффективность совместных действий и т.д., этого не происходит. А тут еще эксперты подсказывают, что важнее — самовыразиться в досуге, и делают это с экрана главного телеканала страны.

5.2. Социально-экономические аспекты реформы образования

Ранее, говоря о поиске ответов на новые вызовы социальному государству в условиях глобализации, нового этапа НТР, социально-культурных и демографических сдвигов, мы уже приводили высказанные в довольно категоричной форме слова Эспин-Андерсена о том, что развитые страны в XXI веке не могут позволить себе не быть эгалитарными. Ибо в условиях огромного демографического дисбаланса поддержание уровня благосостояния и качества жизни населения на достигнутом и ставшем привычном уровне требует максимизации производительности труда молодежных генераций, обязательным же условием эффективности в «экономике знаний», каковой является экономика развитых стран, является равенство возможностей.

book-7_RAN_BLOK.indd 242 02.11.2009 17:34:57

Итак, западное общество озабочено поддержанием высоких жизненных стандартов. Перед Россией же с ее мизерной представленностью на самых перспективных мировых рынках и стремительным превращением в нетто-импортера высокотехнологичной продукции стоит гораздо более сложная задача — удержаться от скатывания на периферию мирового развития. И в ситуации, когда страны-лидеры все более утверждаются в значимости эгалитаризма, для России, еще лишь стремящейся стать конкурентоспособной, это актуально вдвойне.

Но прежде чем на основе наших исследований выяснить, как обстоят в России дела с доступностью хорошего образования для способных, но малообеспеченных молодых людей, и, соответственно, с перспективами превращения нынешней российской экономики в экономику знаний, небольшое отступление, связанное с самим этим понятием. В последние несколько лет использование словосочетания «экономика знаний» в риторике власти, в общем информационном контексте и в научных дискуссиях заметно участилось. Что неудивительно, ибо России предстояли парламентские и президентские выборы, а предвыборный период в любом случае предполагает разговор о перспективах общественного развития. Тем более что проходил он на фоне нарастания социальной и региональной дифференциации и усугубления сырьевой направленности экономики, а с нею — и усиления зыбкости социально-экономического фундамента российского государства. Но как это нередко бывает с категориями и дефинициями, заимствованными из западного опыта, их трактовка зачастую весьма далека от оригинальной, причем не только в обычной, но и в научной среде.

Так, экономику знаний некоторые из оседлавших этот конек российских авторов нередко отождествляют исключительно с развитием информационно-коммуникационных технологий, причем даже не с разработкой ИКТ, а всего лишь с их распространением. Как будто нет разницы в нынешних российских и западных реалиях, делающей существенным вопрос о том, кем и для чего эти самые ИКТ используются. Да, современные способы обработки и передачи информации, несомненно, один из важнейших факторов ускорения научно-технического прогресса, но в основе последнего, включая и то, что непосредственно связано с разработкой и совершенствова-

book-7_RAN_BLOK.indd 243 02.11.2009 17:34:57

нием информационных технологий, лежат фундаментальные точные и естественные науки, развитая инженерия. Например, без наличия компьютерной техники невозможно проанализировать мириады клеток на предмет количества митохондрий в поисках корреляции этого показателя с раковым перерождением. Но до того, как для этой операции потребуется быстродействующий компьютер, нужны биологи, чьи знания позволят выдвинуть продуктивные гипотезы, физики, чьи знания создадут проникающий в клетку лазерный луч, математики, чьи знания позволят закодировать полученную информацию в компьютерных программах, и вновь физики, чьи знания воплощены в компьютерных микросхемах. Полученное на выходе новое знание, воплощенное в новых медицинских препаратах и технологиях, а далее — их промышленное производство (опять нужны математики, физики, химики, инженеры и т.д. как разработчики оборудования и технологий), принесет стране, в которой работают, создавая наукоемкий продукт, адекватно мотивируемые ученые и инженеры, интеллектуальную ренту (вот она — «экономика знаний»), реинвестируемую затем в ту же научно-производственную сферу. А заплатят эту ренту страны, в которых массовая компьютеризация в силу структуры экономики, не создающей стимулов для научного и инженерного труда, способна интенсифицировать лишь рутинный труд бухгалтеров, банковских, торговых и т.п. работников. Возможно, кому-то такое подробное изложение сути «экономики знаний» покажется излишним, но, представляется, что найдется немало и тех, кто, подобно автору, неоднократно встречался с поверхностной и потому дезориентирующей трактовкой этой социально-экономической категории.

Вернемся к ситуации в российском образовании. Оценить политику государства в сфере образования возможно, лишь соотнося реализуемые меры и их последствия с глобальными вызовами. Двадцать лет назад такой вызов состоял в нарастающем экономическом отставании, угрожающем способности страны поддерживать статус сверхдержавы. С целью его преодоления было предпринято радикальное общественное переустройство, затронувшее и систему образования.

Нововведения в виде вариативности образования с точки зрения набора дисциплин и их подачи; устранения ограничений на получение второго высшего образования и требований идеологического

book-7_RAN_BLOK.indd 244 02.11.2009 17:34:57

характера к получающим определенные профессии; легитимации негосударственных учебных заведений; платности образования и т.д. отвечали требованиям момента. Новая экономическая реальность нуждалась в массе специалистов, ранее либо не востребовавшихся, либо востребовавшихся в радикально меньших масштабах и с более узкими функциями. Множество людей получило возможность скорректировать профессию согласно призванию и способностям, а также требованиям рынка труда. Научно-педагогическое сообщество получило широкие возможности для профессиональной реализации — как с точки зрения занятости, так и с точки зрения творчества. Связанная со знаниями сфера обрела перспективу превращения в мощную отрасль экономики. И, наконец, возник рынок образовательных услуг, расширяющий возможности выбора образовательных учреждений, доступа к образованию.

Однако, будучи наложены на реальную ситуацию 1990-х годов со значительным снижением платежеспособности населения и катастрофическим недофинансированием системы образования, эти как будто бы открывавшие новые возможности институциональные изменения породили новые проблемы. Прежде всего — усиление имущественных ограничений в доступе к хорошему высшему образованию, поскольку оно в значительной степени стало платным, причем серьезных затрат требовало само поступление в хороший, перспективный с точки зрения будущего трудоустройства вуз. Для жителей отдаленных регионов это усугубилось ростом транспортных тарифов и стоимости жизни в образовательных центрах. В этих условиях рынок образования, уловив возникший в конце 90-х годов спрос на высшее образование, предложил населению широкий спектр возможностей его получения.

Исследованию преобладающих моделей поведения россиян на рынке образовательных услуг в условиях наличия альтернативы «доступность-качество» и было посвящено наше исследование «Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики»[332], включавшее в себя опрос 900 студентов-старшекурсников, обучающихся в вузах, диверсифицированных по профилю,

[332] Исследование выполнено в 2003 году при поддержке Фонда Форда и Независимого института социальной политики.

book-7_RAN_BLOK.indd 245 02.11.2009 17:34:57

месторасположению[333] и уровню престижности. При этом изучалась не только мотивация, обусловившая выбор того или иного вуза, но и вопросы прожективного характера (о перспективах трудоустройства и механизмах карьерного роста, факторах успеха в современной России и т.п.), а также позволяющие оценить, насколько проблема доступности высшего образования отрефлексирована молодым поколением, какими ему видятся способы ее разрешения[334].

Поскольку степень доступности высшего образования определяется тем, в какой мере получение качественного и перспективного высшего образования зависит от наличия у индивида иных ресурсов, кроме способности выдержать конкурсную процедуру, мы соотнесли образовательный выбор респондентов с их материальным положением. По уровню материальной обеспеченности опрошенные студенты были разделены на пять групп («богатые», «хорошо обеспеченные», «среднеобеспеченные», «малообеспеченные» и «бедные») — в соответствии с оценкой, которую они сами дали материальному положению своей семьи. Обоснованность этой оценки проверялась путем ее соотнесения с ответами на другие вопросы, касающиеся того, в какой степени, по мнению респондентов, их родители смогли адаптироваться к новым условиям жизни, обеспечить свою старость, какова социальная самооценка родителей и т.д. Согласно полученным данным, большинство «богатых» родителей обеспечило свою старость «полностью» (72,7%) или «в значительной степени» (18,2%); среди «хорошо обеспеченных» более 20% родителей обеспечили свою старость «полностью» и более половины — «в значительной мере»; в группе «среднеобеспеченных» преобладает оценка «в некоторой степени» (54,9%) и еще у четверти родителей старость обеспечена «в значительной мере». В то же время среди «малообеспеченных» студентов, хотя половина родителей также обеспечила свою старость «в некоторой степени», но уже почти треть из них «совершенно не смогла» этого сделать, а в группе «бедных» студентов родителей, «совершенно не обеспечивших» свою старость, уже половина, остальные

[333] Опросы проводились в Москве, Вологде и Таганроге.

[334] Подробнее о результатах исследования см. Александрова О.А. Образование: доступность или качество — последствия выбора из альтернативы // Знание. Понимание.Умение. 2005, №2; Авраамова Е.М., Александрова О.А., Логинов Д.М. Современное высшее образование и перспективы вертикальной мобильности // Общественные науки и современность. 2004, № 6.

book-7_RAN_BLOK.indd 246 02.11.2009 17:34:57

родители обеспечили себя лишь «в некоторой степени». Вполне логичные корреляции были получены и с другими вопросами.

Оценку своих вузов по шкале «элитный» — «достаточно престижный» — «не очень престижный» — «не престижный» производили также сами студенты, затем эти оценки были соотнесены нами с реальными рейтингами вузов.

Соотнесение материального положения семьи с престижностью получаемого образования подтвердило наличие существенных имущественных ограничений доступности качественного и перспективного высшего образования (таблица 39). Так, абсолютное большинство выходцев из богатых семей учится в «элитных» или «достаточно престижных» вузах и лишь 9% — в «не очень престижных вузах». В то же время в других доходных группах (от хорошо обеспеченных до бедных) доля обучающихся в элитных вузах не превышает 8–13%.

Зависимость доступности качественного образования от материального положения семьи проявляется и вне элитного образования: по мере снижения уровня доходов семьи растет число студентов, обучающихся в «не очень престижных» и «непрестижных» вузах. Например, если среди выходцев из хорошо обеспеченных семей в «не очень престижных» вузах обучается лишь 13,6%, то среди малообеспеченных — уже 30%. Более того, и эти цифры в достаточной степени условны — ввиду разницы в представлениях о «престижности» у выходцев из имущественно различающихся домохозяйств. Так, например, «богатые» студенты квалифицируют Таганрогский институт управления и экономики как «не очень престижный», для хорошо- и среднеобеспеченных студентов это вуз «достаточно престижный», а для малообеспеченных и бедных — «престижный» и даже «элитный». Таким образом, ранжируя вузы по уровню престижности, менее обеспеченные студенты выстраивают иерархию престижности в рамках доступных им учебных заведений («по одежке протягивают ножки»), более обеспеченные сравнивают свой вуз с теми, где обычно обучаются люди их достатка и круга.

Соответствующая имущественная зависимость, естественно, обнаруживается и в вопросе о том, какие материально-статусные перспективы открывает приобретаемое образование: по мере снижения материального уровня семьи снижается доля рассчитывающих на высокие доход и статус и растет число как уверенных в том, что

book-7_RAN_BLOK.indd 247 02.11.2009 17:34:57

образование не принесет ни дохода, ни статуса, так и предполагающих несоответствие одного другому (таблица 40). Наличие достаточно большой доли прогнозирующих высокий статус и одновременно невысокие доходы в группе бедных объясняется тем, что многие из них получают социально значимые, но мало оплачиваемые специальности (учитель, врач, военный и т.п.) или специальности, требующие хорошего образования (отсюда и представление о высоком статусе), но сегодня невостребованные или плохо оплачиваемые (геологи, биологи и т.п.).

В то же время выяснилось, что подобные имущественно-образовательные зависимости далеко не всегда связаны с лучшей довузов-

Таблица 39

Доля обучающихся в вузах разной степени престижности в зависимости от уровня материальной обеспеченности семьи, %

Уровень престижности вуза	Уровень обеспеченности				
	Богатые	Хорошо обеспеченные	Средне-обеспеченные	Мало-обеспеченные	Бедные
Элитный	36,4	12,3	10,2	8,0	13,6
Достаточно престижный	54,5	69,8	66,2	56,5	45,5
Не очень престижный	9,1	13,6	20,1	29,7	31,8
Не престижный	0,0	4,3	3,5	5,8	9,1

Таблица 40

Ожидания студентов относительно перспектив получаемой специальности

Что принесет получаемое образование в будущем?	Уровень материальной обеспеченности				
	Богатые	Хорошо обеспеченные	Средне-обеспеченные	Мало-обеспеченные	Бедные
Высокий статус и высокие доходы	81,8	56,8	49,5	39,0	27,3
Высокий статус, но невысокие доходы	9,1	16,1	16,5	20,5	45,5
Высокие доходы, но невысокий статус	9,1	15,4	18,6	18,4	9,0
Ни статуса, ни доходов	0,0	11,7	15,4	22,1	18,2

book-7_RAN_BLOK.indd 248 02.11.2009 17:34:57

ской подготовкой более состоятельных абитуриентов. Совокупность информации о подготовке к поступлению в вуз, масштабе затраченных на поступление средств и, наконец, о том, что в первую очередь необходимо для поступления в данный вуз, на данный факультет, позволяет говорить о том, что поступление в наиболее престижные российские вузы в значительном числе случаев происходит по формуле «связи плюс большие деньги минус знания».

Так, в отличие от остальных доходных групп, где речь в основном идет о самостоятельной подготовке плюс подготовительных курсах, в группе наиболее обеспеченных студентов абсолютный лидер — «занятия с репетитором из данного вуза». Это так называемое «гарантирующее репетиторство» — вещь не дешевая, на что указывает следующий полученный нами результат. Вразрез с проявившейся в остальных группах вполне закономерной обратной зависимостью между обеспеченностью семьи и ощутимостью понесенных семейным бюджетом расходов на поступление, наиболее обеспеченные студенты оказались лидерами по доле выбравших вариант ответа «серьезное бремя для семейного бюджета».

Если же говорить о знаниях как условии поступления в вуз, то, в отличие от всех остальных доходных групп, где доля указавших на «наличие знаний, хорошего уровня подготовки» опережала или была сопоставима с долей указавших на необходимость иметь «деньги» или «связи», в группе наиболее обеспеченных студентов «наличие знаний» не только оказалось далеко позади «связей» и «денег» (отмеченных 80% группы), почти половина этой группы вообще не указала на знания как на необходимое условие поступления (таблица 41)[335].

И для реализации иных образовательных планов в виде поступления в другой, еще более престижный вуз, наиболее состоятельным респондентам в первую очередь не хватило денег и связей, а вовсе не знаний (на их нехватку указали лишь 14% группы) — в отличие от остальных доходных групп, где доли указавших на недостаточность знаний, денег или связей были примерно равны (таблица 42)[336].

[335] Дизайн вопроса в анкете требовал от респондентов по каждому из ресурсов (знания, деньги, связи) отметить вариант «да» или «нет».

[336] Дизайн этого вопроса в анкете также требовал от респондентов по каждому из ресурсов (знания, деньги, связи, готовность прикладывать дополнительные усилия) отметить вариант «да» или «нет».

book-7_RAN_BLOK.indd 249 02.11.2009 17:34:57

Полученные данные вполне объясняют картину, описанную на одной из посвященных молодежи конференций В.Б. Кувалдиным: «Как профессор МГИМО и МГУ я нередко изумляюсь тому, что в отношении некоторых вещей, представляющихся само собой разумеющимися, например, карты мира, мировой истории и истории международных отношений в школьном объеме, очень многие студенты находятся в полном неведении; в итоге мы зачастую даем высшее образование, под которым нет среднего...»[337]. Трудно представить, что в Москве, а тем более во всей России не найдется достаточного коли-

Таблица 41

Степень важности различных ресурсов для поступления в вуз

Уровень материальной обеспеченности	Что необходимо для поступления в данный вуз? (в % от группы, выделенной по уровню материальной обеспеченности)		
	Хороший уровень подготовки	Деньги	Связи
Богатые	54,5	63,6	81,8
Хорошо обеспеченные	79,6	54,9	28,4
Средне-обеспеченные	87,2	54,8	28,5
Мало-обеспеченные	89,1	50,0	25,4
Бедные	77,3	50,0	27,3

Таблица 42

Каких ресурсов не хватило для поступления в более престижные вузы

Чего не хватило для поступления в другой вуз? (% от группы)	Уровень материальной обеспеченности				
	Богатые	Хорошо обеспеченные	Средне-обеспеченные	Мало-обеспеченные	Бедные
Знаний	14,3	31,2	34,4	31,3	23,1
Связей	57,1	17,4	26,8	28,8	38,5
Денег	71,4	20,7	34,4	45,0	38,5
Желания напрягаться	42,9	42,9	37,0	36,0	32,5

[337] Выступление проф.Кувалдина на пленарном заседании конференции «Молодежь и будущая Россия», проходившей 22–23 ноября 2005 года в ИНИОН РАН.

book-7_RAN_BLOK.indd 250 02.11.2009 17:34:58

чества выпускников школ, обладающих подобными знаниями, однако отнюдь не они в основном заполняют университетские аудитории.

Сочетание подобных способов поступления в вуз с механизмами послевузовского трудоустройства, безусловным и абсолютным лидером среди которых являются опять-таки связи и знакомства (причем вне зависимости от качества полученного образования и типа населенного пункта), что подтверждается и нашими исследованиями[338] (таблицы 43, 44), обусловливает и отношение к учебе. Как выясняется, наиболее материально обеспеченные студенты несопоставимо реже, чем их менее обеспеченные коллеги, посещают лекционные и семинарские занятия, практически не занимаются дополнительным самообразованием в рамках приобретаемой специальности. Однако поступать в магистратуру твердо намерены именно они — в отличие

Таблица 43

Способы трудоустройства в зависимости от типа поселения

Тип поселения	Способ трудоустройства, %							
	Гос. служба занятости	Рекрутинговое агентство	Через вуз, ярмарку вакансий	Рассылка резюме	С помощью родственников, знакомых	По объявлению	По приглашению фирмы	Другое / Трудно сказать
Москва	0,0	1,6	8,2	13,1	47,5	11,5	8,2	9,8
Крупный город	2,8	3,4	8,5	5,6	49,2	7,9	15,3	7,3
Средний город	3,3	1,6	7,3	3,3	48,0	11,4	14,6	10,5
Малый город	6,3	1,6	3,2	3,1	54,7	4,7	18,8	7,9
Село	6,3	0,0	9,4	1,6	46,9	10,9	15,6	9,4
В целом	3,5	2,0	7,6	5,1	49,1	9,2	14,7	8,8

[338] Речь идет об исследовании «Поведение молодых образованных россиян на современном рынке труда», реализованном в 2005 г. при поддержке Фонда Форда и Независимого института социальной политики. В репрезентативную для России выборку населения в возрасте до 35 лет попало 600 выпускников вузов, получивших высшее образование в 1993–2004 гг.

book-7_RAN_BLOK.indd 251 02.11.2009 17:34:58

от представителей остальных доходных групп, смущаемых как уровнем оплаты, так и еще большей ограниченностью числа вакансий на этой образовательной ступени.

Уже такой перверсивный эффект первого этапа модернизации образования, как нарастание имущественных ограничений его доступности, говорит о том, что к решению задачи создания высокоразвитой конкурентоспособной экономики, способной быть надежным фундаментом социального государства, мы отнюдь не продвинулись. Действительно, в ситуации, когда конкурентоспособность страны зависит от ее места в процессе созидания научно-технического прогресса и промышленного использования его плодов, когда в стоимости товара все большую долю составляет интеллектуальный вклад, важность доступности образования, научной деятельности для всех, кто обладает

Таблица 44

Способы поиска работы в зависимости от престижности вуза

Стратегии	Престижность Вуза (число респондентов, %)		
	Не престижный	Престижный по критерию НИСП	Престижный по любым двум признакам
Через государственную службу занятости	3,5	1,7	2,5
Через рекрутинговое агентство	3,5	0,0	0,0
Через вузовскую службу по трудоустройству	4,0	1,7	5,0
Путем рассылки своих резюме	4,5	5,2	0,0
С помощью родственников, знакомых	50,5	58,6	52,5
Откликнулись на объявление в газете, на доске объявлений и т.п.	8,5	6,9	7,5
Были приглашены предприятием, фирмой	13,5	19,1	17,5
Через учебное заведение, ярмарку вакансий и т.д.	4,0	3,4	5,0
Затрудняюсь ответить / другое	8,0	3,4	10,0
Всего	100,0	100,0	100,0

book-7_RAN_BLOK.indd 252 02.11.2009 17:34:58

способностями и талантом, более чем очевидна. Не случайно осознание западным миром экономической функции образования (подготовки и воспроизводства кадров для конкурентоспособной национальной экономики) привело к внедрению системы мер, минимизирующих влияние на доступ к образованию наследуемых ресурсов. В главной роли, разумеется, государство: и как основной источник финансирования образования, и как субъект, ответственный за разработку правил игры, нацеленных на выравнивание стартовых возможностей граждан, на создание конкуренции способностей. Этим, кстати, решался и другой, также влияющий на национальную конкурентоспособность вопрос, но уже имеющий отношение к социальной функции образования: вряд ли может быть сильной страна, испытывающая серьезные внутренние напряжения, порожденные узостью возможностей вертикальной мобильности; как минимум ей грозит «утечка мозгов».

В России же, где государство самоустранилось как от обязанности полноценно финансировать сферу образования, так и от выработки адекватных механизмов выравнивания шансов на получение хорошего образования, возможность получения качественного и перспективного с точки зрения будущего трудоустройства образования связана не столько с интеллектуальной и личностной конкурентоспособностью молодого человека, сколько со способностью его семьи либо открыто оплатить поступление в вуз (в отличие от западных стран — практически вне зависимости от результатов конкурсной процедуры или вообще без таковой), либо использовать коррупционные механизмы поступления.

Устранить на пути талантов из малообеспеченных семей и отдаленных поселений вузовскую коррупцию и непосильную поездку на вступительные экзамены был призван переход на ЕГЭ. Ответом же на упреки в нивелирующем таланты характере ЕГЭ должно было стать расширение и упорядочение олимпиад школьников. Решаются ли обозначенные проблемы предложенными способами? С учетом того, что приемная кампания в вузы по новым правилам еще не завершена, пока можно делать лишь первые выводы на основе уже имеющейся информации.

Итак, исключена ли вузовская коррупция? На этапе поступления, в значительной степени — да. Хотя и за исключением вузов, получивших право проводить дополнительные испытания (притом что сам алго-

book-7_RAN_BLOK.indd 253 02.11.2009 17:34:58

ритм попадания в список вузов, наделенных данным правом, вызывает много вопросов). Здесь кроме воспрявшей духом вузовской коррупции встает и вопрос о жителях отдаленных поселений, ибо на очный дополнительный экзамен им прибыть не менее сложно.

Но устранена ли коррупция из процесса поступления? Нет, похоже, она просто переместилась в другие кабинеты. Уже летом 2008 года (то есть за год до тотального перехода на ЕГЭ) вузы, включая те, что выступали в роли апологетов и энтузиастов в деле продвижения идеи ЕГЭ, столкнулись с радикальной разницей между баллами в сертификатах и знаниями на очных вступительных экзаменах[339]. Вероятно, поэтому в преддверии приемной кампании 2009 года эти вузы столь массово и щедро раздавали право поступления без вступительных испытаний участникам своих вузовских олимпиад, что у абитуриентов, либо не добравших баллов до призового места на олимпиадах, либо вообще в них не участвовавших (что, кстати, может объясняться и тем, что льготы по вузовским олимпиадам в этом году не были объявлены заранее, а устанавливались уже после проведения олимпиад), возникал резонный вопрос, останутся ли бюджетные места для поступающих только по ЕГЭ[340].

Но можно ли гарантировать с учетом резко повысившейся в условиях тотального ЕГЭ ценности призового места на олимпиадах неподверженность коррупции жюри и разработчиков заданий? Вот лишь один пример из практики проведения нынешней Всероссийской олимпиады школьников — главной школьной олимпиады. За месяц (!) до начала ее заключительных этапов Рособрнадзор в своем официальном письме так разъяснил причину задержки с объявлением проходных баллов на заключительный этап для призеров регионального этапа и, соответственно, с публикацией окончательных списков участников финалов: оказывается, в присланных некоторыми субъектами РФ результатах регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников баллы победителей и призеров ... превышали максимально возможные[341]. В результате приведения этими субъектами РФ по указа-

[339] Об этом на школьном собрании в одной из московских школ осенью 2008 года сообщил представитель ГУ-ВШЭ.

[340] См. форум с проректором ГУ-ВШЭ Г.Г. Канторовичем, http://forum.hse.ru/newforum/index.php?t=thread&frm_id=87&S=0071abde5f96a6b3266855e46dda533e.

[341] Письмо Рособразования от 27.02.2009 года № 361/12–14 «Об итогах заседания Центрального оргкомитета Всероссийской олимпиады школьников» — http://rusolymp.ru/default.asp?artID=10581.

book-7_RAN_BLOK.indd 254 02.11.2009 17:34:58

нию Рособрнадзора в двухдневный (!) срок своих данных «в порядок», проходные баллы оказались столь завышенными, что масса призеров региональных этапов из регионов, где подсчет шел адекватно и честно, просто не попала на финал.

Итак, разнообразная коррупция, производящая свой собственный отбор среди абитуриентов, увы, не побеждена, и хотя, возможно, и несколько ограничена в масштабах, так ведь и число бюджетных мест сжимается как шагреневая кожа.

Кроме того, одним введением ЕГЭ абсолютно не решается проблема самой возможности проживания в столицах малообеспеченных студентов из провинции, а также полноценной учебы без отрыва от нее ради добывания средств к существованию всех малообеспеченных студентов — как провинциалов, так и столичных жителей. Вот лишь один пример. В одной из недавних, посвященных образованию и студенчеству телепередач на канале ТВЦ по разные стороны «баррикад» оказались два студента. Один менторским тоном учит другого «не ныть, а искать способы заработать на жизнь»: «Я, например, хоть и из обеспеченной семьи, работаю: раньше — в «пиаре», теперь — телеведущим». «Воспитываемый» пытается объяснить: «У нас есть преподаватели, категорически не согласные с пропуском занятий по причине приработков». Но его визави категорически этого не понимает. Читаем титры, представляющие спорящих: «ментор» — студент МГИМО, «воспитываемый» — студент Российского химико-технологического университета им.Менделеева. Слова одного из взрослых участников дискуссии о том, что обучение гуманитарным и точным/естественным наукам принципиально различается по специфике и объему трудозатрат, важности непосредственного присутствия в образовательном учреждении и т.п. остались не услышанными. Вместо этого ведущая передачи наперебой со студентом- «ментором» принялись рассказывать о «хитрых» способах бесплатно подстричься или перекусить.

Изменить русло разговора попытался давно занимающийся проблемами российского образования депутат Государственной Думы О. Смолин, обративший внимание на то, что во Франции объем средств, выделяемых на социальную поддержку студентов, сопоставим с суммами, ассигнуемыми на все высшее образование, а также на то, что доведение размера стипендии до прожиточного минимума требует суммы всего в 1% от дополнительных доходов российского

book-7_RAN_BLOK.indd 255 02.11.2009 17:34:58

бюджета[342]. Эта тема также осталась не подхваченной — ее «закрыла» дама, с апломбом возразившая, что, сколько ни добавь, все будет мало и что она абсолютна убеждена в возможности совмещать учебу и работу. Судя по титрам, дама оказалась профессором... политологии Высшей школы экономики.

Увы, профессор не знакома не только с серьезными точными или естественными науками (что от политолога и не требуется), но и с проблематикой, касающейся равенства возможностей. Ведь в образовании равенство возможностей — это не только доступность хороших вузов для способных, но малообеспеченных индивидов (в вузы технической и естественнонаучной направленности сегодня в России не рвутся, да и учеба там — не сахар, так что соревнования «кошельков» здесь нет), но и возможность полноценно, одновременно не подрабатывая, учиться, отдавать учебе максимум времени и сил.

Таким образом, и на уровне государства, и в общественном сознании наблюдается непонимание (или нежелание понимать) прямой связи между «экономикой знаний» и «социальным государством», экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Прибегнем к метафоре: может ли всерьез рассчитывать на олимпийские награды страна, набор в школы олимпийского резерва и в национальную сборную которой производится не на основе жесткого, базирующегося исключительно на физических и личностных качествах спортсменов отбора, а на основе соревнования денег и связей их родителей? Ответ очевиден. Конечно, в рамках национального государства мы можем и в спортивной сфере заменить конкуренцию способностей конкуренцией «кошельков», но на мировой арене это не пройдет.

Можно возразить, что поступить и, тем более, учиться «по блату» в вузах, дающих хорошего уровня подготовку в области точных и естественных наук, просто невозможно: как любит повторять ректор МГУ В.А. Садовничий, «на мехмате вы сами уйдете после первого коллоквиума». Да, это так, но только чьи «национальные сборные» пополняют лучшие выпускники подобных вузов и что делают остающиеся в России?

---

[342] В России дополнительные доходы федерального бюджета — это преимущественно доходы, возникающие в силу разницы между запланированной в Законе о бюджете на предстоящий год заведомо заниженной ценой на нефть и ее реальной ценой по итогам года.

book-7_RAN_BLOK.indd 256 02.11.2009 17:34:58

Прежде чем, опираясь на данные нашего исследования, касающегося трудовой мобильности выпускников вузов, ответить на этот вопрос, вновь обратимся к тому, каков сегодня мир и какие вызовы он бросает России — с тем чтобы на основе результатов уже двух исследований оценить драматизм складывающейся ситуации.

Главная характеристика современного мира — все большее обособление мирового центра и его отдаление от мировой периферии. Причина — в деструкции прежней основы стоимостных отношений: все большая доля общественного богатства воплощает в себе не материальные факторы производства и труда, а знания и информацию, которые становятся основным ресурсом современного производства в любой его форме[343]. Лишь один пример: в первые послевоенные годы доля стоимости материалов и энергии в затратах на изготовление медного провода для телефонии составляла 80%, сегодня при производстве оптоволоконного кабеля доля стоимости материалов и энергии равняется 10% от всех затрат, притом что объем пользователей несопоставим. Таким образом, основная доля стоимости приходится на вложенные в создание материала с принципиально новыми возможностями достижения фундаментальных наук. Соответственно, самым главным ресурсом конкурентоспособности страны становятся высокая квалификация и совокупное знание ее граждан, делающие их способными создавать новое знание и в опережающем порядке продвигать наиболее перспективные отрасли промышленности.

Страны, не располагающие подобным ресурсом, в условиях разнонаправленного движения цен на сырье, энергоносители и труд, с одной стороны, и цен на высокотехнологичную продукцию, с другой стороны, обречены на диктат цен со стороны развитого мира. Весьма наглядную иллюстрацию привел президент АФК «Система» В. Евтушенков: «Если одна тонна сырой нефти приносит до 20–25 долларов прибыли, а килограмм авиационной техники — до 1 тыс. долларов, то килограмм наукоемкого продукта в отраслях высоких технологий (электроника, промышленность средств связи и т.д.) позволяет извлекать уже до 5 тыс. долларов прибыли»[344]. И именно тем, что в США наблюдается исключительно высокая концентрация наукоемких производств, объясняется

[343] Иноземцев В.Л. Указ. соч.

[344] Евтушенков В.Е. Нефтедоллару придется потесниться // Россия в глобальной политике. 2003. № 1.

book-7_RAN_BLOK.indd 257 02.11.2009 17:34:58

тот факт, на который в 1997 году обратил внимание глава ФРС США Алан Гринспэн: за последние 100 лет физическая масса американского экспорта в ежегодном выражении осталась фактически неизменной, притом что ее реальная стоимость выросла в 20 раз[345].

Извлекаемая развитыми странами за счет наукоемкой продукции прибыль – а к 1990 году члены «Большой семерки» обеспечивали 90,5% мирового высокотехнологичного производства – затем реинвестируется в научно-производственную сферу. Отсюда та чрезвычайная концентрация соответствующих сил и средств, о которой свидетельствуют, например, такие цифры: 42,8% всех производимых в мире затрат на НИОКР приходится на США и Канаду. Или другой показатель: если среднемировое число научно-технических работников — порядка 23 тысяч на 1 млн. населения, то в Северной Америке — 126 тысяч человек на 1 млн. населения[346]. Таким образом, разрыв между мировыми центром и периферией неуклонно нарастает.

В начале девяностых многим в России казалось, что достаточно убрать гнет тоталитарного государства и командной экономики, раскрепостить личную инициативу, прекратить военное противостояние с «потенциальным противником» и вот они — искомые эффективность и прогресс. О неизбывности борьбы за место в системе международного разделения труда, о жесткой конкуренции на мировых рынках как будто забылось. В результате к началу XXI века Россия оказалась в таком положении в системе центро-периферического мироустройства, которое многие эксперты определяют как амбивалентное — ввиду наличия, с одной стороны, набора негативных тенденций, вытесняющих Россию все далее в сторону периферии общественного развития, а с другой стороны, еще не полностью растраченного наследства, обусловливавшего принадлежность к числу великих держав. Как совершенно верно заметил С. Дзарасов[347], популярная в конце 1980-х годов метафора, согласно которой «СССР — это Верхняя Вольта с ракетами», далеко не правомерна: если есть ракеты, следовательно, создана и поддерживается вся необходимая для их производства науч-

---

345 Иноземцев В. Указ. соч.

346 Богомолов О.Т. Анатомия глобальной экономики. М., 2003.

347 В выступлении на пленарном заседании конференции «Социальные реформы в современной России: роль гражданского общества», состоявшейся 10–11 октября 2005 года в ИНИОН РАН.

book-7_RAN_BLOK.indd 258 02.11.2009 17:34:58

но-техническая и образовательная инфраструктура, а это — далеко не Верхняя Вольта.

Чтобы понять серьезность сложившегося положения (которое, собственно, и есть главный на сегодня вызов) достаточно привести лишь несколько цифр, говорящих о представленности России на самых перспективных и прибыльных мировых рынках. Так, на мировом рынке высоких технологий доля России не превышает 0,5%, что означает: при годовом объеме мирового рынка продукции наукоемких отраслей в 2,5–3 трлн. долл. Россия зарабатывает лишь около 3 млрд. долл. При этом весь объем российского высокотехнологичного экспорта составляет 2% от соответствующего экспорта США, 3% от экспортных объемов Японии и Германии, 7% от экспорта Франции, Великобритании и Республики Корея, 10% от экспорта Китая, 20% от экспорта Таиланда[348].

Правда, российские средства массовой информации еще недавно были полны бравурной риторики, объявлявшей Россию «энергетической державой». Но, во-первых, источники подобной «державности», как известно, невозобновляемы и с учетом скорости и нерациональности, с которой в нынешней России осуществляется недропользование, могут довольно быстро иссякнуть. Во-вторых, коньюнктура мировых цен на сырье в силу разных обстоятельств весьма изменчива, что создает высокие риски для тех, кто сделал на них основную ставку. О степени перекоса в наших экспортно-импортных отношениях с теми, чью энергетическую безопасность мы стремимся поддерживать, свидетельствует структура торговли России с ЕС — нашим главным внешнеторговым партнером: если в российских экспортных поставках доля готовой продукции — 2–5%, то в поставках из ЕС машины и оборудование составляют 40–42%, еще 17–18% — продукция химической и фармацевтической промышленности[349].

Очевидно, что триумф в таком качестве — отнюдь не гарантия долгосрочного процветания. Путь из чреватого окончательным скатыванием на периферию развития состояния лежит исключительно через возрождение экономики знаний. Каковы же перспективы обретения Россией реальной, долгосрочной конкурентоспособности? Именно этот вопрос мы держали в голове, последовательно реализуя исследо-

[348] Российский вектор. М. РИСИ. 2004 № 1.

[349] Российский вектор. М. РИСИ. 2004 № 2.

book-7_RAN_BLOK.indd 259 02.11.2009 17:34:58

вания, касающиеся доступности высшего образования и поведения выпускников российских вузов на рынке труда. О результатах первого проекта говорилось выше, теперь посмотрим на перспективы становления в России экономики знаний сквозь призму информации о том, какие стратегии поведения на современном рынке труда избирает получившая высшее образование молодежь.

5.3. Перспективы становления экономики знаний

В ходе изучения трудовой мобильности выпускников российских вузов в 1993–2004 гг. мы обнаружили ожидавшееся нами массовое перепрофилирование молодых специалистов. Подобные ожидания объяснялись в том числе и результатами, полученными в ходе первого из проектов: тогдашние наши респонденты — студенты старших курсов, отвечая на вопросы о предстоящем трудоустройстве, говорили о дефиците приемлемо оплачиваемых рабочих мест по вузовской специальности или даже об их отсутствии. В результате более 60% опрошенных старшекурсников не были уверены в том, что после вуза будут работать в соответствии с полученной специальностью, намереваясь действовать по обстоятельствам.

И действительно, в выделенной в качестве целевой группе выпускников 1997–2000гг. выпуска[350] 37,4% меняли работу 1–2 раза, 15,7% — неоднократно, при этом в каждом третьем случае мобильность связана с радикальной сменой профессии (таблица 45). Сопоставление группы окончивших вузы в 1993–96 гг. с выпускниками 1997–2000 гг. и 2001–2004 гг. говорит о явном нарастании мобильности, причем наблюдается стремительный рост числа тех, кто сразу по окончании вуза меняет профессию (таблица 46).

Правда, еще 26% респондентов определили свою нынешнюю работу как достаточно тесно связанную с вузовской специальностью. Однако при внимательном рассмотрении, а именно, сопоставлении содержания

[350] Все опрошенные были разделены на 3 группы: «Первопроходцы» — закончившие вузы в 1993–96 гг., «Девяностники» — в 1997–2000 гг. и «Двухтысячники» — в 2000–2002 гг. В качестве целевой для более детального изучения была выбрана группа «девяностников» — как состоящая из тех, кто делал свой образовательный выбор уже в новых экономических условиях (в отличие от «первопроходцев») и в то же время к моменту опроса (2005 г.) имел достаточный опыт трудовой деятельности (в отличие от «двухтысячников»).

book-7_RAN_BLOK.indd 260 02.11.2009 17:34:58

труда респондентов с полученным ими образованием, оказалось, что к этой цифре надо относиться с большой осторожностью. Так, например, некоторые выпускники вузов по специальности математика и физика отнесли к достаточно тесно связанной с вузовской специальностью работу бухгалтера и оператора автоматизированной линии, респонденты с инженерным образованием — работу продавца, менеджера по продажам, квалифицированного рабочего; специалисты в области программирования и вычислительной техники — работу банковского кассира, заведующего залом игровых автоматов и т.д.

Но является ли *по-существу* близкой к специальности разработчика новой сложной техники (например, выпускника МАИ) работа продавца-консультанта или менеджера в фирме, занимающейся сбытом зарубежной сложной техники, или к специальности биофизика (выпускника Физтеха) — работа компьютерного дизайнера или системного администратора в фирме, занимающейся компьютерной полиграфией? Конечно, такая работа ближе к их профессиональной направленности, чем, например, работа продавца галантереи или ландшафтного дизайнера, но это, конечно же, вовсе не тот уровень деятельности, к которому готовили подобных специалистов. Таким образом, реальные масштабы перепрофилирования оказываются еще больше.

Называемые респондентами причины, приведшие к перемене профессии, вполне ожидаемы. Это невостребованность, проявляющаяся в отсутствии адекватной работы («специалисты этого профиля не нужны, для них нет работы») или адекватной зарплаты («работа для специалистов этого профиля есть, но плохо оплачивается») — таблица 47. Заметим,

Таблица 45

Соответствие работы выпускников вузов профилю образования

Насколько нынешняя работа связана с полученной в вузе специальностью?	Выпускники вузов 1997–2000 гг.выпуска, %
Работаю непосредственно по специальности, полученной в вузе	41,9
Работа достаточно тесно связана с полученной в вузе специальностью	26,0
Работа не имеет никакого отношения к полученной в вузе специальности	29,0
Затрудняюсь ответить	3,1

book-7_RAN_BLOK.indd 261 02.11.2009 17:34:58

Таблица 46

Перемена работы и специальности выпускниками вузов различных лет выпуска

Группа	Распределение ответов на вопросы: «Доводилось ли Вам менять работу?» и «Насколько Ваша нынешняя работа связана с полученной специальностью?»								
Первопроходцы	Не меняли			Меняли 1–2 раза			Меняли неоднократно		
	40,2%			40,2%			19,6%		
	Непосредственно связана	Тесно связана	Совсем не связана	Непосредственно связана	Тесно связана	Совсем не связана	Непосредственно связана	Тесно связана	Совсем не связана
	64,9%	18,9%	10,8%	29,7%	35,1%	35,1%	27,8%	27,8%	44,4%
Девяностники	Не меняли			Меняли 1–2 раза			Меняли неоднократно		
	37,8			42,6			19,6		
	Непосредственно связана	Тесно связана	Совсем не связана	Непосредственно связана	Тесно связана	Совсем не связана	Непосредственно связана	Тесно связана	Совсем не связана
	44,6	23,2	26,8	46,0	23,8	28,6	17,2	20,7	58,6
Двухтысячники	Не меняли			Меняли 1–2 раза			Меняли неоднократно		
	55,7			31,7			12,7		
	Непосредственно связана	Тесно связана	Совсем не связана	Непосредственно связана	Тесно связана	Совсем не связана	Непосредственно связана	Тесно связана	Совсем не связана
	43,1	29,3	26,0	38,6	25,7	31,4	39,3	21,4	32,1

book-7_RAN_BLOK.indd 262 02.11.2009 17:34:58

что лишь мизерная часть респондентов объяснила переход в другую профессию разочарованием в полученной специальности, абсолютное большинство указало на низкую материальную обеспеченность в случае работы по вузовской специальности.

И теперь главное: представители каких же отраслей знания чувствуют себя невостребованными? Как следует из таблицы 48, тех самых, без которых «экономика знаний» просто немыслима: химики, математики, физики, биологи, специалисты в области электро- и радиотехники,

Таблица 47

Представления молодых специалистов о востребованности полученной в вузе специальности

Насколько сегодня востребована полученная в вузе специальность?	**Выпускники вузов, %**
Специалисты этого профиля нужны и их труд неплохо оплачивается	43,6
Работа для специалистов этого профиля есть, но плохо оплачивается	41,5
Специалисты этого профиля не нужны, для них нет работы	7,1
Затрудняюсь ответить	7,8

Таблица 48

Профиль образования и представление о востребованности полученной специальности

Не считают свою специальность востребованной в соответствии с рыночными критериями:
(выбрали ответы *«работа по вузовской специальности есть, но за нее плохо платят», либо «работы для специалистов данного профиля нет вообще, они не нужны»*):
80,0% химиков, геологов, геофизиков, горных инженеров и т.п.
75% математиков и физиков;
66% биологов, биотехнологов, физиологов;
47,0% специалистов в области электро- и радиотехники, электроники, приборостроения и связи;
42,6% инженеров машиностроительных отраслей
Абсолютное большинство медиков, педагогов, военных (выбрали ответ «работа есть, но за нее плохо платят»)

book-7_RAN_BLOK.indd 263 02.11.2009 17:34:58

электроники, приборостроения и связи, машиностроительных отраслей, а также медики и педагоги. Например, среди математиков и физиков, поработавших по окончании вуза непосредственно по вузовской специальности, абсолютным лидером среди факторов перепрофилирования стала низкая заработная плата (указали 80% группы), еще 50% указали на отсутствие перспектив; таких же, кто назвал бы потерю интереса, разочарование в вузовской специальности, просто не оказалось.

Последствия вполне логичны: сравнение числа респондентов, начинавших свою трудовую деятельность с работы непосредственно по вузовской специальности, с долей тех, кто и сейчас, на своей нынешней работе непосредственно связан с полученным в вузе образованием, свидетельствует о 4-кратном сокращении числа работающих непосредственно по вузовской специальности геологов, геофизиков, горных инженеров, гидрометеорологов и т.п.; 2–2,5-кратном сокращении числа химиков, а также электронщиков, специалистов в области приборостроения и связи и т.п.; 1,3–1,5-кратном сокращении числа математиков, биологов и специалистов по автоматическим системам управления. Особым случаем является медицина, где не происходит столь массового оттока, что, по-видимому, объясняется выраженностью призвания, требующегося для выбора и освоения подобной профессии.

В то же время абсолютное большинство выпускников вузов, чья специальность связана с финансами, торговлей, бытовым и досуговым сервисом и т.п., а также юриспруденцией, ощущают свои профессии вполне востребованными (более трех четвертей в каждой из соответствующих специальностей выбрали вариант ответа «специалисты этого профиля нужны и их труд неплохо оплачивается»). И хотя случаи перепрофилирования встречаются и здесь, но в совершенно других масштабах и уж конечно не в направлении научно-производственной сферы. Так, если среди окончивших вуз по специальности экономика, финансы, юриспруденция, строительство, психология и т.п., доля тех, чья нынешняя работа, по их собственному признанию, не имеет абсолютно никакого отношения к вузовской специальности, составляет от 11% до 23%, то в таких специальностях, как, например, электроника, приборостроение, математика, физика, химия — более 40%, а с учетом тех, кто не вполне обоснованно расценил свою нынешнюю работу как достаточно близкую к вузовской специальности, и того больше.

book-7_RAN_BLOK.indd 264 02.11.2009 17:34:58

Еще одна группа специальностей, чьи представители ощущают себя достаточно востребованными, — это выпускники строительных вузов, специалисты в области программирования и вычислительной техники, а также фармацевты. Однако если со строителями в этом смысле все более или менее однозначно, то в отношении востребованности программистов и фармацевтов особенно обольщаться не стоит: в первом случае — с учетом преимущественно периферийного или даже поденного положения российских программистов в мировом производстве информационных технологий; во втором — с учетом того, что сегодня достаточно высокая востребованность и оплата труда фармацевтов связана не столько с разработкой и производством новых лекарственных препаратов, сколько с расширением высоко монополизированного аптечного бизнеса. Действительно, возможно ли прорывное развитие фармакологии как разработки и производства новых лекарств, а не продажи зарубежных препаратов, без интенсивного развития биологии и медицины? Но специалисты этих-то отраслей отнюдь не чувствуют себя востребованными, более того, ни один из попавших в выборку медиков не назвал работу исследователя, научного работника предпочтительной для себя и своих сверстников.

Зафиксированные нами масштаб и легкость перепрофилирования молодых специалистов (овладение новой, далекой от полученной в вузе профессией в основном совершается либо без всякого переобучения, либо путем обучения на кратковременных курсах) объясняются тем, что в нынешней структуре российской экономики сложные специализированные знания особо и не нужны. Как замечает В. Евтушенков, «экономика и знания в России словно сосуществуют параллельно, не преобразуясь в «экономику знаний»[351]. Действительно, почти 40% из опрошенных нами выпускников вузов полагают, что для того, чтобы справляться с их нынешней работой высшее образование отнюдь не требуется (таблица 49).

Существующий же запрос на высшее образование у работника со стороны работодателя, зафиксированный и в ходе нашего исследования (на то, что для работодателя имело значение наличие у работника высшего образования, указали 87,5% выпускников вузов), как оказалось, в значительном числе случаев связан не с тем, что исполнение

[351] Евтушенков В. Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 265 02.11.2009 17:34:58

работником профессиональных обязанностей невозможно без наличия у него специальных знаний вузовского уровня сложности, а с символическим характером вузовского диплома, гарантирующего работодателю наличие у работника минимально необходимого общекультурного уровня (таблица 50).

Зададимся вопросом: если все так, если налицо отсутствие спроса или плохое материальное стимулирование труда специалистов научно-производственных отраслей, педагогов, медиков и т.д., но высокая, материально поощряемая востребованность работников финансово-экономической и т.п. сфер, может быть, Россия собирается преуспеть именно в них? В принципе, эффективное функционирование этих сфер тоже может быть серьезным конкурентным преимуществом. Однако мы видели, кто и почему получает возможность учиться в наиболее престижных вузах этого профиля. Да и ранее наши достижения были совсем в других областях, и умы, продолжающие «утекать» из России и радушно принимаемые развитым миром, пока в основном имеют отношение к физике, химии и т.п., а не к финансам, менеджменту или маркетингу. И главное: магистральные направления мирового развития все же имеют в своей основе базовые естественные, точные и инженерные науки. Так, созданный в 1993 г. в США Национальный информационный совет в своем первом докладе президенту Клинтону, датированном 1996 годом, среди основных приоритетов грядущей новой эры назвал молекулярную медицину, спутниковые телекоммуникации, транспортную инфраструктуру, системы передачи информации и т.п.

Таблица 49

Уровень образования, необходимый для выполнения нынешней работы

Какой уровень образования необходим для выполнения нынешней работы?	Выпускники вузов 1994–2002 гг. выпуска
Необходимо полностью закончить программу вуза	63,3
Достаточно проучиться в вузе 2–3 года	6,7
Достаточно получить среднее специальное (профессиональное) образование	6,7
Достаточно закончить краткосрочные курсы	6,7
Профессиональное образование не нужно, всему можно научиться уже на работе	10,0
Затрудняюсь ответить	6,7

book-7_RAN_BLOK.indd 266 02.11.2009 17:34:58

Какого же рода решения предлагаются? Новый этап модернизации образования. Однако, не отвергая необходимости повышения качества образования, расширения его доступности и т.п., зададимся вопросом, правильно ли в случае с массовым перепрофилированием выпускников вузов ограничивать разговор сферой образования? Всегда ли верна такая постановка вопроса: если значительное число выпускников вузов не находят себе применения по вузовской специальности и либо перепрофилируются, либо, оставшись в профессии, оказываются в числе малодоходных групп, следовательно, что-то не так с системой образования, она не реагирует на сигналы рынка труда? Например, такой подход предлагался Российским Союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) для определения вузов, заслуживающих финансовую поддержку: рейтинг вуза и, соответственно, его право на поддержку должны были зависеть от времени, затрачиваемого его выпускниками на трудоустройство, и заработной платой, которую им готов предложить работодатель[352]. Но ведь в случае с массовым перепрофилированием выпускников вузов проблема не столько в системе образования (несмотря на неудовлетворительное финансирование вузов технической и естественно-научной направленности, уровень преподавания и, что немаловажно, требований к обучающимся, там в основном

Таблица 50

Представления выпускников вузов о том, с чем связано требование работодателя о наличии высшего образования у работника

Имело ли наличие высшего образования значение для работодателя, и, если да, то почему?	Все работающие выпускники вузов, %
Да, эту работу невозможно выполнять, не имея специального образования	48,1
Да, для работодателя престижно иметь работника с дипломом вуза	27,2
Да, работодателю важно иметь культурного, хорошо воспитанного работника	11,9
Наличие высшего образования не имело для работодателя никакого значения	9,2
Затруднились ответить	3,3

[352] Материалы XV Съезда РСПП.

book-7_RAN_BLOK.indd 267 02.11.2009 17:34:58

сохраняется), сколько в структуре рынка труда, вернее, в сложившейся структуре экономики, чьей производной он является.

Рабочая сила перетекает туда, где выше оплата труда. Согласно нашим данным, принимая решение о трудоустройстве, будущие дипломированные специалисты в первую очередь намерены руководствоваться именно материальными соображениями: в целом по выборке более 70% респондентов указали, что предпочтут большой заработок интересной работе. Причем подобная пропорция обнаруживается у студентов вузов всех уровней престижности, а среди студентов непрестижных вузов готовность пожертвовать содержанием труда ради высокой оплаты продемонстрировали вообще около 87%. Соотношение 70/30 в пользу заработка наблюдается и в рамках каждой из доходных групп. Это обусловлено тем, что сегодня именно уровень оплаты труда определяет престиж профессии — такого мнения придерживается 69% респондентов. Лишь пятая часть студентов связала престиж профессии с требуемым уровнем квалификации, и лишь десятая — с ее общественной полезностью. Причем по мере снижения уровня материальной обеспеченности семьи готовность связывать престиж профессии в первую очередь с доходом явно нарастает. И надо признать, абсолютное большинство наших респондентов в результате совершенных на рынке труда перемещений добилось повышения заработной платы (таблица 51).

Таким образом, причина — в дефиците приемлемо оплачиваемых рабочих мест в научно-производственных отраслях. Иначе говоря, массовое перепрофилирование специалистов, чьи профессии имеют непосредственное отношение к экономике знаний, обусловлено колоссальной

Таблица 51

Результаты трудовой мобильности выпускников вузов

Тип мобильности	Изменения, связанные со сменой работы								
	Зарплата			Должность			Престижность предприятия		
	–	=	+	–	=	+	–	=	+
Смена мест работы без перепрофилирования	10,9	10,9	78,2	10,9	38,2	49,1	5,5	36,4	52,7
Смена профессий и мест работы	5,7	20,0	71,4	5,7	28,6	57,1	2,9	48,6	37,1

book-7_RAN_BLOK.indd 268 02.11.2009 17:34:59

межотраслевой дифференциацией в оплате труда, возникшей в силу а) необоснованно заниженных зарплат в бюджетной сфере и б) ценовых диспропорций, сложившихся в силу непропорционально завышенных цен на товары и услуги инфраструктурных и т.п. отраслей (ТЭК, кредитно-финансовый сектор и т.д.) и делающих наиболее высокотехнологичные отрасли наименее рентабельными (рис. 2, таблица 52).

Сложившиеся ценовые диспропорции вынуждают предприятия обрабатывающего сектора сокращать использование дорогих ресурсов, в том числе более качественной и дорогой рабочей силы. В этих условиях они осуществляют т.н. регрессионные инновации, при которых инвестиции вкладываются не в передовое оборудование, а в подержанные и упрощенные новые активы. В итоге предприятия, имевшие, например, отношение к авиакосмической технике, начинают выпускать модули торгового оборудования для торговых сетей (Самарское НПО «Авиаспецмонтаж»), используют производственные площади для организации таможенных терминалов (московское предприятие «Астрофизика») и т.д. Очевидно, что цена выживания — проблематичность, если не невозможность возвращения в прежнюю

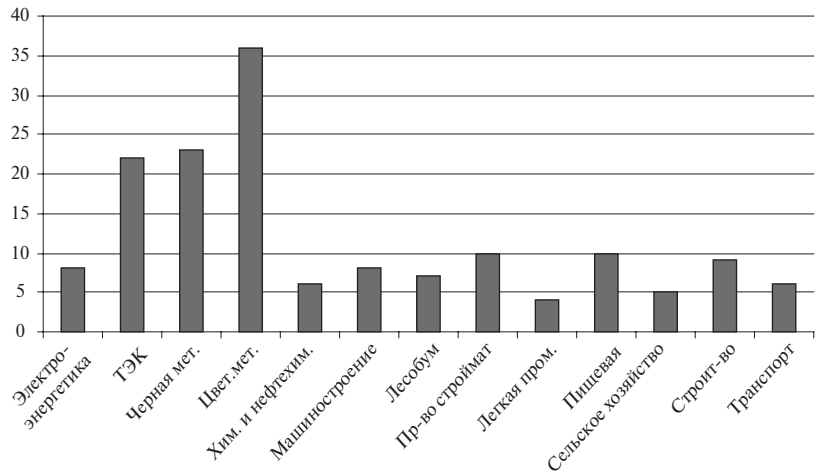


Рис. 2. *Рентабельность продукции по отраслям экономики в 2003 г.*

Источник: Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.УРСС. 2005.

book-7_RAN_BLOK.indd 269 02.11.2009 17:34:59

Таблица 52

Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников по отраслям экономики к среднероссийскому уровню, %

Отрасль	1990	1995	2000	2003
Вся промышленность	103	112	123	120
Электроэнергетика	121	209	180	167
Топливная пром-ть	148	257	300	286
Черная металлургия	117	136	158	140
Цветная металлургия	146	225	278	208
Химическая и нефтехимическая пром-ть	97	108	118	105
Машиностроение и металоообработка	101	85	95	98
Лесобумажная промышленность	102	96	90	82
Производство стройматериалов	105	111	95	94
Легкая пром-ть	62	54	54	53
Пищевая пром-ть	104	118	108	99
Сельское хозяйство	95	50	40	39
Строительство	124	124	126	119
Транспорт	115	156	150	141
Финансы, кредит, страхование	135	163	224	209
Управление	120	107	120	123
В среднем по экономике	100	100	100	100

Источник: Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.УРСС.2005, с.258.

высокотехнологическую нишу с соответствующими последствиями для спроса на высококвалифицированный труд.

Ценовой диспаритет усиливается разной силой отраслевых лобби (финансовые и организационные возможности которых обусловлены этим же диспаритетом), монополизмом отдельных секторов, действием криминальных структур. Как подчеркивает А. Тимофеев, «в России крайне велика роль факторов, внешних по отношению к рынку труда, а влияние на межотраслевые соотношения в зарплате традиционных факторов ослаблено»[353].

[353] Тимофеев А.В. Дифференциация доходов и уровня заработной платы работников промышленности // Проблемы прогнозирования. 1999. № 4.

book-7_RAN_BLOK.indd 270 02.11.2009 17:34:59

Так, межотраслевые различия в оплате труда усугубляются распространенной в России практикой т.н. инсайдерского контроля[354]. Инсайдеры предприятий — жертв ценового диспаритета, не имея, в отличие от своих «коллег» из привилегированных отраслей, возможности извлекать дополнительную инсайдерскую ренту из уникальных активов (природных ресурсов и т.п.) и монопольного положения на рынке, вынуждены «довольствоваться» только т.н. абсолютной инсайдерской рентой, формируя ее в значительной степени за счет фонда оплаты труда. При этом, в силу сохраняющейся нестабильности прав собственности, да и правил игры в целом, инсайдеры не вкладывают средства в развитие предприятий, а, напротив, стараются как можно быстрее извлечь их из подконтрольных активов[355].

Извлечение инсайдерской ренты крупными и мелкими инсайдерами[356] усиливает внутрифирменные диспропорции в доходах, при этом особенно сильно ущемляются интересы рядовых наемных работников — самой незащищенной стороны во внутрифирменных отношениях. По данным Капелюшникова[357], 84% руководителей промышленных предприятий считают себя свободными при установлении заработной платы рядовых работников, что не удивительно, поскольку государство, трудовые коллективы и профсоюзы практически не влияют на уровень оплаты труда. В результате, если во Франции доходы топ-менеджеров и средняя заработная плата в типичной корпорации отличаются в 5–6 раз, в Японии в 8–9 раз, в США — в 20–25 раз, то в России она может достигать сотен раз.

Не приводит к привлечению (материальному стимулированию) высококвалифицированного персонала и такой важный стимул, как конкуренция. В условиях такого уровня коррупции и криминализации общества, какой сегодня наблюдается в России, борьба с конкурентами

---

[354] Контроль над активами предприятий, позволяющий использовать ресурсы в своих интересах и вопреки интересам развития предприятий, со стороны собственников крупных пакетов акций, менеджеров разного уровня и других лиц, чей властный ресурс основывается на владении крупными капиталами, связях с госчиновниками и криминалитетом.

[355] Об этом подробно см. Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.:УРСС, 2005.

[356] Менеджерами более низкого уровня, в этих условиях извлекающими свою ренту за счет оппортунистического поведения.

[357] Капелюшников Р.И. Механизмы формирования заработной платы в российской промышленности //Вопросы экономики. 2004. № 4.

book-7_RAN_BLOK.indd 271 02.11.2009 17:34:59

внеэкономическими способами обходится дешевле, чем требующие крупных инвестиций инновации, для осуществления которых требовались бы и соответствующие специалисты.

Возникает порочный круг: отсутствие в институциональном контексте действенных стимулов к продуктивной, инновационной деятельности в высокотехнологичных отраслях приводит к невостребованности соответствующих специалистов, что, в свою очередь, негативно воздействует на институты подготовки кадров. Таким образом, применительно к нынешней России социальная функция государства должна заключаться не только в выравнивании образовательных возможностей индивидов, но, прежде всего, в выравнивании условий функционирования отраслей экономики, с тем, чтобы обеспечить привлекательность для рабочей силы тех из них, которые только и могут обеспечить стране долгосрочное устойчивое развитие.

На самом деле, проблема еще серьезнее: далеко не прекратился сам процесс сжатия научно-производственной сферы. У государства так и не находится сил или желания уберечь от искусственного банкротства предприятия, обладающие уникальными технологиями и персоналом, например, выпускавший не имевшую аналогов в мире продукцию Петербургский завод прецизионной техники, или предприятие «Торий», где из 2,5 тысяч персонала осталось 600 человек, или отраслевые медицинские институты, например, практически прекративший существование Институт антибиотиков и т.д. Не работает механизм контроля за целевым использованием принадлежащей предприятиям земли и производственных помещений, за сохранением профиля предприятия после его приватизации, притом что список не подлежащих приватизации предприятий научно-производственной сферы постоянно сокращается, например, недавно в предложения по сокращению данного списка попал Институт радиотехнической промышленности. Не прекращается и переход стратегически важных предприятий под контроль зарубежных конкурентов: так, корпорация «Симменс», приобретя принадлежавшие В. Потанину акции предприятия «Силовые машины», получила блокирующий пакет акций в крупнейшем российском холдинге в сфере энергетического машиностроения. Может быть, «Симменс» станет развивать в России науку и технологии, вкладываться в наше образование? Сомнительно, во всяком случае, весь предшествующий опыт глобализации говорит о том, что транснациональные корпорации не перемещают на чужие террито-

book-7_RAN_BLOK.indd 272 02.11.2009 17:34:59

рии свои научно-исследовательские и опытно-конструкторские центры, а также передовые, использующие новые технологии производства[358]. Наоборот — способствуют так называемой «обратной глобализации» — перемещению в развитые страны наиболее ценных кадров, привлекаемых качественными различиями в возможностях самореализации, доходах, среде обитания, перспективах для детей.

И дело здесь в том, что транснациональные корпорации, несмотря на свой космополитизм, говоря словами А. Уткина, «всегда хорошо знают, чей флаг приветствуют»[359]. Стоящие же за ними страны-лидеры[360] имеют свой вполне очевидный интерес — обеспечение занятости для своих граждан, развитие своего научно-технологического потенциала. Следовательно, с их стороны вполне естественно пытаться разными способами подавлять тех зарубежных производителей, которые могли бы составить им конкуренцию в наиболее прибыльных, перспективных и имеющих стратегическое значение отраслях.

В качестве примера — пара иллюстраций из многих, почерпнутых на конференции «СРП: за и против», посвященной реализации проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», связанных с добычей углеводородов на российском шельфе с привлечением иностранных инвесторов на условиях т.н. соглашений о разделе продукции (СРП)[361]. Как сообщил директор Амурского судостроительного завода, это предприятие с многотысячным коллективом, находившееся в середине 1990-х на грани закрытия, сумело, угрожая акциями гражданского протеста, заставить региональную власть выпросить у компании-оператора сахалинских проектов заказ, позволявший хоть в какой-то степени удержать квалифицированный персонал. Ради этой весьма небольшой по стоимости и на самом деле примитивной работы (заводу, производившему подводные лодки, позволили сделать металлическое основание для зарубежной буровой платформы)[362] им пришлось перекроить производственную

---

[358] Кортен Д. Указ. соч.

[359] Уткин А. Указ. соч.

[360] Так, 407 из 500 крупнейших промышленных, аграрных и сервисных ТНК принадлежат странам «Большой семерки».

[361] Конференция, организованная газетой «Ведомости», проходила 17 марта 2003.

[362] Кстати, аналогичного уровня «сложности» и стоимости заказ от иностранного инвестора был сделан знаменитому петербургскому НПО «Рубин» — в период лоббирования законодательства по СРП для демонстрации его благоприятного влияния на российскую промышленность.

book-7_RAN_BLOK.indd 273 02.11.2009 17:34:59

площадку, однако, как выяснилось позднее, никаких заказов больше не ожидается: компания-оператор решила далее обходиться бетонными конструкциями, для которых, как горько пошутил директор завода, «потребуется лишь песок из Биробиджана». В свою очередь председатель Ассоциации российских трубопрокатчиков поведал о незатейливых приемах дискриминации его отрасли, когда в техническое задание зарубежным инвестором намеренно закладывается параметр, не являющийся принципиальным технически, но которому «случайно» соответствует лишь продукция единственного зарубежного завода, уже готовая к поставке. И поскольку в проекте «Сахалин-2» доля в 45% принадлежит японским корпорациям Mitsui и Mitsubishi[363] этот завод оказывается в Японии. Причем, в силу специфики режима СРП все расходы инвестора компенсируются российской нефтью, вследствие чего доля причитающейся России прибыльной нефти оказывается совсем мизерной. Так, согласно данным, озвученным заместителем директора департамента структурной и инвестиционной политики и энергетики Минпромэнерго РФ О.Рыбак[364], Россия в результате реализации проекта «Сахалин–1» получит лишь 7% от всего объема добытой нефти. Ибо режим СРП, на основе которого разрабатываются сахалинские месторождения, устанавливает, что добытое сырье — «продукция» делится на т.н. «компенсационную часть», которая передается инвестору на покрытие его расходов на освоение месторождения, и «прибыльную часть», которая делится между инвестором и собственником месторождения в зафиксированной в договоре пропорции. И согласно подписанному Россией соглашению, «компенсационная» часть нефти составляет 85%, остальные 15% делятся пополам между иностранным инвестором и Российской Федерацией.

Получается, что, возмещая нефтью стоимость приобретенного иностранного оборудования, Россия за счет своего невозобновляемого ресурса поддерживает зарубежный научно-производственный комплекс. И этим одновременно «перекрывает кислород» своей промышленности, науке и образованию. В то же время мировой опыт содержит примеры принципиально иных решений, с прямо противоположными последствиями для научно-производственной сферы нефтедобывающей страны. Так, например, в Норвегии государство на законо-

[363] Остальные 55% — корпорации Royal Dutch/Shell.

[364] Сухов П. Разделяй, но властвуй //Энергия промышленного роста. 2005, № 2.

book-7_RAN_BLOK.indd 274 02.11.2009 17:34:59

дательном уровне жестко связало доступ иностранных инвесторов к своим природным ресурсам с закупкой оборудования, произведенного на норвежской территории, хотя во времена, когда на норвежском шельфе были обнаружены запасы нефти и газа, в Норвегии не существовало соответствующих производств адекватного уровня. Заинтересованный в доступе к норвежским месторождениям иностранный инвестор, понимая, что в Норвегии ему закон не обойти, был вынужден модернизировать местные предприятия, а также ставить на территории Норвегии свои заводы. И сегодня эта северная страна не только один из крупнейших экспортеров энергоресурсов, но и один из лидеров по производству высокотехнологичного оборудования — с соответствующим эффектом для научно-образовательной сферы, имеющей отношение к сложному машиностроению и т.п. Не удивительно, что в отличие от России, в которой по мере роста цен на нефть начинается муссирование темы «проклятия от природных ресурсов», якобы дестимулирующих несырьевое развитие, в Норвегии ничего подобного не услышишь.

К сожалению, российское государство и общество оказались мало способными к отстаиванию своих интересов и не сумели, подобно норвежцам, повернуть природные ресурсы на свое собственное развитие. Однозначного и жесткого принуждения к тому, чтобы закупалось оборудование, произведенное на российской территории (еще раз: если качество российской продукции не устраивает инвестора, он может ставить свои заводы) наше законодательство не содержит, а инвестор находит хитроумные способы, позволяющие ему и в тех случаях, когда российская продукция является вполне конкурентоспособной, приобретать товары и услуги за рубежом. И объясняется это просто: как неофициально поясняли в период принятия законодательства по СРП представители всемирно известных ТНК — производителей оборудования для нефте- и газодобычи, стоящие за их спиной государства не одобрили бы, если они без жесткого принуждения с российской стороны (аналогичного норвежскому) принялись бы модернизировать или создавать предприятия по производству оборудования на российской территории[365].

Более того, трудно упрекать в чем-либо иностранных инвесторов в случае, когда российские производители оборудования для нефте-

[365] Подробнее об этом см. Болдырев Ю. Похищение Евразии. М.: Крымский мост. 2003.

book-7_RAN_BLOK.indd 275 02.11.2009 17:34:59

газового комплекса подвергаются дискриминации со стороны ... российских же госкомпаний-монополистов. Так, Союз производителей нефтегазового оборудования (СПНО), был вынужден обратиться с письмом к руководству «Газпрома», «Роснефти» и «Транснефти», в котором обращал внимание на «неоправданно заниженную» долю российского участия в поставках оборудования для реализации шельфовых проектов, проектов на основе СРП, строительстве нефтепроводов, реконструкции нефте- и газоперерабатывающих заводов и т.п. Такая ситуация связана с тем, что, как сообщил на посвященной обращению пресс-конференции руководитель союза, российские госкомпании-монополисты «зачастую предпочитают сопоставимое по качеству зарубежное нефтегазовое оборудование отечественному даже при условии, что российские производители выполняют требования, предъявляемые заказчиком на тендерах»[366].

Пример с «участием» российских высокотехнологичных предприятий в крупных нефтегазовых проектах является показательным не только потому, что наглядно демонстрирует завидную последовательность и жесткость, с которой развитые страны продвигают и защищают интересы своих производителей товаров и услуг, поддерживают свои науку и образование. Но и потому, что в данном случае речь идет о продукции и услугах[367], в которых есть и еще долго будет существовать объективная потребность, и на развитие производства которых — действуй российское государство аналогично норвежскому — можно было бы повернуть средства огромного масштаба. Вероятное же присоединение России к ВТО уже полностью перекроет возможность связать доступ к российским ресурсам с созданием на нашей территории передовых производств, ибо правила этой организации запрещают какое-либо принуждение к инвестициям, а, как известно, инвестиции приходят лишь тогда, когда не могут придти готовые товары.

Таким образом, нынешние тенденции в образовании и экономике (рынок труда — лишь ее отражение) не позволяют с оптимизмом оценивать перспективы превращения российской экономики в экономику знаний — надежный источник ресурсов для полноценной реализации государством своих социальных функций. Действительно способные

[366] Подобедова Л. Друзья по шельфу. RBC-daily. 30.01.2007.

[367] Имеются в виду услуги т.н. нефтегазового сервиса — геологоразведка, бурение и обустройство скважин и т.п.

book-7_RAN_BLOK.indd 276 02.11.2009 17:34:59

изменить ситуацию решения требуют иных, нежели предлагаемые ныне, подходов. Прежде всего, необходимо использовать весь имеющийся у государства арсенал средств для, во-первых, преодоления структурных диспропорций и поддержки передовых отраслей и, во-вторых, для превращения хозяйственной среды в подлинно конкурентную — с конкуренцией, присущей «производительному», а не «авантюристическому» капитализму. Только так можно обеспечить востребованность тех специалистов, без которых невозможна экономика знаний и чей образовательный потенциал сегодня так бездарно растрачивается. А это, в свою очередь, потребует привлечения в вузы действительно способных молодых людей, для обеспечения доступа которых к хорошему образованию России не нужно изобретать никакого колеса.

Разумеется, осуществить подобный разворот непросто: как было показано выше, наиболее влиятельные силы, определяющие социально-экономический курс, имеют свои, отличные от большинства населения страны, интересы. Нужна решительность со стороны государства, импульс же для ее появления может дать только общество — осознавшее свое положение и грозящие опасности, ибо, говоря словами Ф. Хайека, общество строит, а государство строится[368].

[368] Хайек Ф. Указ. соч.

book-7_RAN_BLOK.indd 277 02.11.2009 17:34:59

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ социально-экономической политики государства и межстрановые сопоставления позволяют сделать вывод о том, что в России социальное государство пока остается скорее декларативной конституционной нормой, нежели реальностью. Среди логичных следствий такого положения невыполнение институтом образования своей экономической и социальной функции, отсутствие стимулов к инновационной деятельности в наукоемком производстве и, в силу этого, недоиспользование имеющегося кадрового потенциала, его перепрофилирование и депрофессионализация. Итогом становятся сомнительные перспективы становления экономики знаний — единственной гарантии устойчивого развития, обеспечивающего высокий уровень благосостояния населения.

Случилось так потому, что, в отличие от западного, российское общество оказалось не способным к созданию социально-политической системы с реальной политической конкуренцией и демократическим контролем общества за властью. В отсутствие факторов, вынуждающих государство реагировать на представления большинства о приоритетах общественного развития, оно освободило себя от обязанности развивать социальную сферу, защищать, выдерживая испытания глобализацией, рабочие места для квалифицированного труда, создавать среду, в которой ценностью является сумма знаний и навыков, а не связи в бюрократическом и криминальном мире.

Теперь, уже на новом историческом витке, с иными ресурсами и представлениями, кризис возвращает общество и властные институты к вопросу о выборе адекватной модели социально-экономического развития и возможностях ее реализации. Проблема в том, что в силу положительной обратной связи, усиливающей факторы, обусловившие изначальный выбор модели, имеет место тенденция к воспроизводству однажды выбранной модели, делающая переход из селективной модели в более универсальную весьма проблематичным, притом что последняя демонстрирует лучшие возможности как для преодоления бедности, так и для достижения глобальной конкурентоспособности. Тем не менее, опыт социальных государств, приступавших к решительному социально-экономическому переустройству в условиях эконо-

book-7_RAN_BLOK.indd 278 02.11.2009 17:34:59

мического и социального неблагополучия, свидетельствует о том, что при наличии общественного консенсуса относительно необходимости преодоления пагубных для страны дисфункций возможно строительство социального государства, способного в короткие сроки дать позитивный социальный и экономический эффект и при неблагоприятных стартовых условиях.

Сегодня, судя по невысокой социальной ответственности бизнеса, необходимой степени консолидации нет. Однако не исключено, что последствия кризиса заставят часть российской политико-экономической элиты осознать общность интересов с большинством населения и необходимость заняться внутренним развитием. Если подобная переориентация произойдет, она повлечет за собой и изменения в социально-экономической политике государства: в его бюджетно-финансовых приоритетах, антимонопольной деятельности, готовности использовать наработанные цивилизацией механизмы перераспределения доходов, иначе говоря, во всех тех областях, от которых зависят нынешние и завтрашние доходы и перспективы основной массы российского населения.

book-7_RAN_BLOK.indd 279 02.11.2009 17:34:59

БИБЛИОГРАФИЯ

Авраамова Е.М., Овчарова Л.Н. Сбережения населения России в период экономических реформ // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. М.: Дело, 1998

Авраамова Е.М., Александрова О.А., Логинов Д.М. Современное высшее образование и перспективы вертикальной мобильности // Общественные науки и современность. 2004, № 6

Авраамова Е.М. О пространстве возможностей реформирования социальной сферы // Общественные науки и современность. 2006, № 2

Автономов В.С. и др. История экономических учений / Под ред. В. Автономова, О.Ананьина, Н. Макашевой. М.: Инфра-М. 2008

Американские федералисты: Гамильтон, Мэдисон, Джей. Избранные статьи, Chalidze Publications Benson, Vermont, USA, 1990

Аузан А. Договор-2009: в поисках нового контракта // Новая Газета, 17.06.2009

Басов О. Налоговая система США //Русский журнал, 15.02.2002

Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер? / А.Е. Чирикова, Н.Ю. Лапина, Л.С. Шилова, С.В. Шишкин (отв.ред.); НИСП. — М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2005

Богомолов О.Т. Анатомия глобальной экономики. М. 2003

Богомолов О.Т. Смена курса? Уроки глобального кризиса // Новая и новейшая история. 2009

Болдырев Ю.Ю. Близнецы братья: притворная экономика, притворная политика // Российская Федерация. 1997, №№ 9–10

Болдырев Ю.Ю. В России нет экономических проблем, но на путь современной западной цивилизации мы еще не вступили // Профессионал. 1997, № 1

Болдырев Ю.Ю. О бочках меда и ложках дегтя. М.: Крымский мост. 2003; Похищение Евразии. М.: Крымский мост. 2003

Болдырев Ю. Методологические основы внешнего государственного финансового контроля. Автореферат диссертации. М. 2007

Беррэс Р. Документы американской революции. Тверь-Москва: Альба,

book-7_RAN_BLOK.indd 280 02.11.2009 17:34:59

Российский экономический журнал. 1994

Вебер М. Избранные произведения. М. 1990

Волков А., Привалов А. Ворующие по закону // Эксперт. 2000, № 7

Ворожейкина Т. Социальные последствия российских реформ в свете опыта Латинской Америки // МЭ и МО. 1994, № 6, 9

Глазьев С. Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал. 1997, №№ 1–2

Глазьев С. Геноцид. Россия и новый мировой порядок. Стратегия экономического роста на пороге XXI века, М. 1997

Городской средний класс в современной России. Аналитический доклад ИС РАН. 2006. http://www.isras.ru/analytical_report_MiddleClass.html

Грозовский Б., Иваницкая Н. Деньги скоро кончатся // Ведомости, 25.04.2007

Гурова Т., Фадеев В. В левый поворот российский капитализм не впишется // Эксперт. 1995, № 14

Гурова Т., Медовников Д. Будущее уже есть // Эксперт. 1998, № 20

Гурова Т., Медовников Д., Новиков А., Рогачков А. Новости национального потребления. Как и на что тратят деньги средние русские // Эксперт. 2000, № 5

Двести пятьдесят недель развития капитализма в России. М.: ЗАО «Журнал Эксперт». 2000

Демократический контроль над государственной властью. Материалы российско-шведского семинара, 21 ноября 1997 года. Москва, Посольство Швеции в России

Дмитриев М.Э. Российские банки накануне финансовой стабилизации, М. 1996

Дзарасов Р.С., Новоженов Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в современной России. М.: УРСС. 2005

Евтушенков В.Е. Нефтедоллару придется потесниться // Россия в глобальной политике. 2003, № 1

Засурский И. Масс-медиа второй республики. М.: Издательство Московского университета, 1999

book-7_RAN_BLOK.indd 281 02.11.2009 17:34:59

Иноземцев В.Л. Расколотая цивилизация. М. 1999

Капелюшников Р.И. Механизмы формирования заработной платы в российской промышленности // Вопросы экономики. 2004, №4

Квасов А. Чилийские экономические реформы. Практический опыт и его актуальность для России. М.: МОНФ. 1998

Кириченко Н., Привалов А. Других олигархов у нас для вас нет // Эксперт. 1998, №1

Клеман К. Мир наемного труда как «внутренняя периферия» // Россия в центро-периферическом мироустройстве. М. 2003

Князев В.Г. Налоги в странах — членах ЕЭС // Финансы. 1993, №5

Колесников В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы. Политико-экономические аспекты. С-Петербург: Издательство С-Петербургского университета экономики и финансов, 1994

Кортен Д. Когда корпорации правят миром. С-Петербург. 2002

Крыштановская О. Финансовая олигархия в России // Известия, 10.01.1996

Левада Ю. Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1993–1998

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. М.: Эконов Ключ, 1993

Маневич В.Е., Козлова Е.А. Альтернативная модель денежно-кредитной политики // Российский экономический журнал. 1997, №№ 5–6

Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. 1994.

Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М.: Прогресс. 1992

Мещерякова О. Налоговые системы развитых стран мира. Справочник. М. 1995

Милль Дж.Ст. Основы политической экономии. Т. 1–3. М.: Прогресс. 1980–81

Никитин С. Налог на личные доходы: опыт развитых стран // Мировая экономика и междунар. отношения. 2001, №7

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997

Ойкен В. Основы национальной экономии. М.: Экономика. 1996

Панкин Б. Шведский дом и его обитатели. М.2003

book-7_RAN_BLOK.indd 282 02.11.2009 17:34:59

Подобедова Л. Друзья по шельфу. RBC-daily. 30.01.2007

Привалов А. Любите ли вы олигархию? // Эксперт. 1997, №1

Радаев В. Экономическая социология. М. 1998

Рассел Б. История Западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Новосибирск. 1994, Т.2 (кн.3)

Рикардо Д. Сочинение в пяти томах / Под ред. М.Смит. М.: Госполитиздат. 1955. Т.1: Начала политической экономии и налогового обложения

Рогов С.М. Государство и общественное благо: мировые тенденции и российский путь М.: Институт США и Канады РАН. 2005.

Рожков К., Смирнов А. Кто, как и почему растрачивает инвестиции? // Инвестиции в России. 1997, №№7–8

Российский вектор. М. РИСИ. 2004, № 1,2

Россия и мир. М.: ИМЭМО. 2002

Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1962

Средний класс в России. Проблемы и перспективы. М.: ИЭППП, 1998

Средний класс в России: количественные и качественные оценки. М.: ТЕИС. 2000

Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. М.: Гендальф. 2003

Средний класс в современной России/ Отв. ред. М.К.Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Институт социологии РАН, 2008

Сухов П. Разделяй, но властвуй // Энергия промышленного роста. 2005, №2

Тимофеев А.В. Дифференциация доходов и уровня заработной платы работников промышленности // Проблемы прогнозирования. 1999, №4

Токвиль А. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992

Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М. 2001

Хорос В. Полупериферия в контексте глобализации // Россия в центро-периферическом мироустройстве. М. 2003

Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-традиция, 2005.

book-7_RAN_BLOK.indd 283 02.11.2009 17:34:59

Хайек Ф. Общество свободных. L.: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990

Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М.: Прогресс-Академия, 1992

Эмерсон Р. Эссе. М.: Художественная литература. 1968

Эрхард Л. Благосостояние для всех. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1991

Эспин-Андерсен Г. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. 2006, № 5

Якобсон Л.И. Социальная политика: попечительство или солидарность? // Общественные науки и современность. 2008, №1

Яковлев Н.Н. Преступившие грань. М.: Международные отношения, 1970

Abel-Smith B. Value for Money in Health Service: a comparative study, Heinemann, 1976

Attlee C. As It Happened, Heinemann, 1954

Bacon R. and *Eltis W.* Britain's Economic Problem: Too few producers. L., Macmillan, 1978

Beveridge W. Power and Influence, Hodder and Stoughton, 1953

Briggs A. Social Thought and Social Action: a study of the work of S.Rowntree, 1871–1954, Longmans, 1961

Brock W.R. Investigation and Responsibility: Public Responsibility in the United States, 1865–1900, Cambridge, England, 1985

Brown C. Taxation and Incentive to Work, Oxford, 1980

Brown C. Will the 1988 Tax Cuts either Increase Incentives or Raise More Revenue? // Fiscal Studies, 1988, vol.9, no.4

Bruce M. The Rise of the Welfare State, Weidenfeld and Nicolson, 1973

Canto V., Jones D. and *Laffer A.* Tax rates, factor employment, market productivity and welfare/ Canto V., Jones D. and Laffer A. (eds.) Foundation of Supply-side Economics, N.Y.; Academic Books, 1983

Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture, Malden (Massachusets, USA), Oxford (UK), Blackwell Publishers, 1998

Chartmann J. Social Policy in Sweden (1950–1980) // Social Policy in Western Europe and the USA, 1950–80: An assessment/ Ed. by Girod R. et al. Basingstoke; L., 1985

book-7_RAN_BLOK.indd 284 02.11.2009 17:34:59

Crisis in the Welfare State, The Times, 17 January 1952

Corey L. The crisis of the middle class, N.Y., 1935

Countries in the 21st Century. IMF. Working Paper WP/05/91

Debord G. Society of the Spectacle, Detroit: Black and red. 1970.

De-Westernising Media Studies/J.Curran, Myung-Jin Park (eds.).L., N.Y., Routledge, 2000

Drucker P.F. The New Realities, Oxford, L., 1989

Esping-Andersen G. Social Class, Social Democracy and State Policy, Copenhagen, 1980

Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism, Cambridge: Polity Press. 1990

Fraser D. The Evolution of the British Welfare State, Macmillan, 1973

Gregg P. The Welfare State, Harrap, 1967

Hannington W. Unemployed Struggles 1919–1936. Lawrence and Wishart, 1979

Harris K., Thatcher, Weidenfeld and Nicolson, 1988

Henwood D. Beyond Globophobia // After the New Economy, New Press, 2003

Higher Education, Report of the Central Advisory Council on Education, England, (the Newsom Report), HMSO, 1963

Hofstadter R. The American Political Tradition, N.Y. 1948

Hutber P. The decline and fall of the middle class — and how it can fight back, L. 1976

Godfrey L. Theoretical and Empirical Aspects of the Effect of Taxation on the Supply of Labor. Paris: OECD, 1975

Jones K. The making of social policy in Britain 1830–1990, L., The Athlone Press, 1994

Johnson E. The Foundation of American Economic Freedom: Government and Enterprise in the Age of Washington, Minneapolis, 1973

Kell M. Top Rate Tax Cuts, Incentives and Revenue // Economic Review, 1988, September

Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money, L., 1936

book-7_RAN_BLOK.indd 285 02.11.2009 17:34:59

Leadbeater Ch. What's the Big Idea? // The Observer, 4.08.1996

Lindbeck A. The Welfare State, Aldershot, Hants, 1993

MacLeod I. and *Powell E.*, Social Services — Needs and Means, Conservative Political Center, 1954

McNair B. Television in Post-Soviet Union: from Monolith to Mafia //Media, Culture and Society. Vol.18, 1996

McQuail D. Mass Communication theory, L., Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1987

Marshall T. Social Policy, Hutchinson, 1965

Marwick A. Britain in the Century of Total War, Penguin, 1970

Mishra R. The Welfare State in Crisis, Brighton.1984

Nelson J. Post-Industrial Capitalism. Exploring Economic Inequality in America, L. 1995

Nelson L.D., Kuzes I.Y. Radical Reform in Yeltsin's Russia: Political, Economic and Social Dimension, Armonk, N.Y., M.E.Sharpe, 1995

O'Connor J. The Fiscal Crisis of the State, N.Y. 1973

OECD, Crisis of Welfare, Paris: OECD, 1981

OECD, Ageing Population, Paris: OECD, 1988

OECD, Social Expenditure. Database, Paris: OECD, 2000.

Owen D. English Philanthropy, 1660–1960. Oxford, Oxford University Press. 1965

Polanyi K. The Tacit Knowledge, Doubleday — Garden City, Anchor, 1967

Przevworski A. Capitalism and Social Democracy, Cambridge, 1985

Rawls J. A Theory of Justice, Oxford, 1971

Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State, Cambridge, 1998

Simey T.S. Charles Booth, Social Scientist. Oxford, Oxford University Press. 1960.

Simon G. Models of Bounded Rationality, Cambridge Ma. M.I.T.Press 1982

Social policy in Western Europe and the USA, 1950–80: An assessment / Ed. by Girod R. et al. Basingstoke; L., 1985

Social Services for All? Fabian Tracts, 1968

book-7_RAN_BLOK.indd 286 02.11.2009 17:34:59

Taylor-Gooby P. Social change, social welfare and social science, N.Y., L., 1995

The Government's Expenditure Plans, 1980–81, L.; HMSO

The New Deal: What Companies and Employees Owe One Another, Fortune, 1994

The Social Services — Needs and Means: analysis by two Conservative MPs. The Times, 17 January 1952

Tilton T. The Social Origins of Liberal Democracy: The Swedish Case // American Political Science Review 1968 #2

Titmuss R. M. The Welfare State: Images and Realities // Social Service Review. 1963. Vol. 37.

Titmuss R. Commitment to Welfare, Allen and Unwine, 1968

Vartanova E. The Russian Financial Elites as Media Moguls //Post-Soviet Media Law and Policy Newsletter, 1997 n.5

Walzer M. Spheres of Justice: A Defense of Pluralism and Equality. N.Y. Basic Books, 1983

Wedel J.R. Collision and Collusion. The Strange Case of Western Aid to Eastern Europe. N.Y., 2001

Wilson W. The New Freedom, Englewood Cliffs, N.J., 1961

Woodrow Wilson and the World of Today, Philadelphia, 1957

book-7_RAN_BLOK.indd 287 02.11.2009 17:34:59

Александрова Ольга Аркадьевна

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Выпускающий редактор Д.М. Логинов
Корректор А.К. Дорожкина
Верстка А.В. Маркова
Д.Д. Шумкина

Подготовка оригинал-макета:
ООО «М-Студио»
119146, Москва, 2-я Фрунзенская ул., д. 8, стр. 1
Тел.: (495) 660-83-60

Формат 60x84/16. 288 стр. Заказ № 080279
Подписано в печать 29.10.2009 г. Тираж 500 экз.
Отпечатано ООО «М-Студио».

book-7_RAN_BLOK.indd 288 02.11.2009 17:35:00